

ДЖОРДЖ
ЭЛИОТ

Даниэль Деронда

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Джордж Элиот
Даниэль Деронда

«Издательство АСТ»

1876

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Элиот Д.

Даниэль Деронда / Д. Элиот — «Издательство АСТ»,
1876 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-113830-1

Последний роман Джордж Элиот «Даниэль Деронда», впервые опубликованный в 1876 году, вызвал в английской прессе целую бурю споров – еще бы: ведь в нем, впервые в истории британской литературы, Джордж Элиот затронула болезненную тему скрытого антисемитизма английского общества, полного тайной ксенофобии и национальных предрассудков. Но если «национальная» тема романа в наши дни уже утратила острую актуальность, то время пошло лишь на пользу второй его линии – психологической. История сложных, многогранных отношений молодого Даниэля и величайшей любви его жизни – эгоистичной, высокомерной, авторитарной и безнадежно замужней красавицы Гвендолин далеко опередила викторианскую литературу своей неоднозначностью и даже сейчас выглядит на удивление современной.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-113830-1

© Элиот Д., 1876
© Издательство АСТ, 1876

Содержание

Часть первая. Избалованное дитя	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	25
Глава V	28
Глава VI	34
Глава VII	42
Глава VIII	52
Глава IX	56
Глава X	61
Часть вторая. Встречные потоки	66
Глава I	66
Глава II	75
Глава III	78
Глава IV	87
Глава V	94
Глава VI	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Джордж Элиот Даниэль Деронда

© Перевод. Т. Осина, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

*Пусть твой главный страх сосредоточится на душе твоей: там,
в толпе неумных желаний, готовых идти к цели по телам павших,
прячется месть безосновательная, но непреодолимая, подобно дыханию
неминуемой смерти.*

А над беспечным роем земных радостей довлеет печальная участь.

Часть первая. Избалованное дитя

Глава I

Была она красива или некрасива? В чем таился секрет живой прелести ее взгляда? Добро или зло сквозило в сияющей улыбке? Возможно, зло, ибо почему вместо спокойного очарования в душе рождалось беспокойство? Почему стремление снова взглянуть на нее ощущалось как насилие, а не как страстное желание, подчиняющее все существо?

Молодая леди, вызвавшая в сознании Даниэля Деронды эти вопросы, глубоко погрузилась в игру, но не на улице, под палящим южным солнцем, в лохмотьях, швыряя медяки на развалины стены, – нет, она играла в одном из великолепных дворцов, воздвигнутых просвещенной эпохой во имя достижения тех же радостей, однако куда более высокой ценой. Золоченные рамы картин, интерьер в темных тонах, пышные обнаженные красавицы на полотнах создавали атмосферу, достойную дыхания высшего общества, какую трудно найти в местах, посещаемых обществом низшим.

Сентябрьский день уже подкрался к четверем часам, так что в зале сгустилась ощутительная для глаза мгла. Глубокая тишина изредка нарушалась глухим стуком, легким звоном, едва слышным шорохом и монотонным бормотанием на французском языке, похожем на звуки, издаваемые искусно сконструированным автоматом. Вокруг двух длинных столов плотно, плечом к плечу, сидели люди. Все они сосредоточили внимание на рулетке. Исключение составлял маленький мальчик в маскарадном костюмчике. Замерев за спиной погруженной в прихоти рулетки дамы, единственный среди присутствующих, он бросал на дверь бессмысленные взгляды причудливо наряженного ребенка, выставленного на подмостки странствующего театра в качестве яркой приманки.

Столы окружали пятьдесят-шестьдесят человек. Многие довольствовались вторым, а то и третьим рядом, некоторые подходили лишь для того, чтобы посмотреть на игру, и только время от времени кто-нибудь из зрителей – как правило, женщина – притворно улыбаясь, выкладывал пять франков, желая понять, что представляет собой азарт. Те, кто предавался страсти более откровенно и не скрывал жадного интереса, представляли весьма далекие друг от друга разнообразные виды европейского типа. Ливонские и испанские, греко-итальянские и смешанно-германские, английские аристократические и английские плебейские черты соседствовали в неоспоримой гармонии. Здесь царил поразительный дух всечеловеческого равенства. Белые, унизанные кольцами пальцы английской графини едва не касались костлявой, желтой, похожей на щупальца краба руки, жадно тянущейся к столу, чтобы схватить стопку монет. Рука эта естественным образом гармонировала с длинным сухим лицом, глубоко посаженными глазами, седыми бровями и не знавшими гребня редкими волосами – лицом, напоминавшим хищную птицу. Где еще ее светлость милостиво согласилась бы сесть рядом с бледной, рано постаревшей, подобно жалкому букетику засохших цветов на шляпке, представительницей женского пола, прижимающей к груди потрепанный бархатный ридикюль и время от времени, прежде чем вытащить карту, слюнявившей палец? В непосредственной близости от прекрасной графини расположился и уважаемый лондонский торговец – блондин с мягкими ладонями и тщательно расчесанными на пробор прилизанными волосами, не забывающий о почтительном отношении к аристократам и мелкопоместным дворянам, чья снисходительная благосклонность позволяла ему отдыхать столь изысканно даже в их утонченной компании. Вовсе не убивающая аппетит страсть к игре, а сытый досуг в перерывах между выгодными сделками и прожиганием денег влек его к рулетке и показным тратам. Он утверждал, что Провидение никогда не проявляет недовольства невинным развлечением и лишь порою равно-

душно отворачивается – в тех случаях, когда сладость от значительного выигрыша сменяется горечью большой потери и болезненным созерцанием чужого успеха. Порочным в его глазах считался только тот игрок, который проигрывал. Хотя в манерах этого господина сквозила принадлежность к торговому классу, в развлечениях и удовольствиях он ничем не отличался от владельцев древнейших благородных титулов. Возле его стула стоял красивый итальянец – спокойный, неподвижный словно изваяние. Низко склонившись, он положил на стол первую горсть наполеондоров, вынутых из сумки, только что доставленной слугой с лихо закрученными усами. Уже через полминуты золотые монеты перекочевали к старухе в парике и в очках на длинном носу. Глаза ее едва заметно блеснули, а на тонких губах мелькнула слабая улыбка, однако величавый итальянец сохранил равнодушие и – очевидно, ничуть не сомневаясь в непогрешимости своей системы, позволяющей уверенно держать ногу на шее удачи, – тут же достал следующую горсть. Точно так же поступил господин с внешностью изнуренного щеголя или усталого распутника. Глядя на мир сквозь стекло монокля, он попросил сдачи и протянул дрожащую руку. Отчаянная спонтанность его игры объяснялась, должно быть, верой в чудо или счастливые числа.

И все же, несмотря на очевидное разнообразие игроков, лица их, напоминающие маски, объединяло общее выражение недовольства. Казалось, все они вкусили опасного снадобья, на время омрачившего их сознание.

Взглянув на эту сцену, Деронда подумал, что азартные игры молодых испанских пастухов представлялись куда более достойными зависти: судя по всему, Руссо¹ не ошибся, утверждая, что искусство и наука сослужили человечеству дурную службу. Но вдруг он заметил, что наступил полный драматизма момент. Внимание Даниэля привлекла молодая леди – стоявшая неподалеку, она тем не менее последней попала в его поле зрения. Склонившись, она что-то говорила по-английски сидевшей за столом даме средних лет. Вот она вернулась к игре и выпрямилась, открыв заинтересованному взору высокий грациозный стан, а также лицо если и не заслуживающее безусловного восхищения, то, несомненно, достойное обостренного внимания.

Внутренний спор, вызванный незнакомкой в сознании Деронды, придал его взгляду пылкое выражение, заменившее первоначальное восхищенное поклонение. Вот глаза его последовали за изящным изгибом фигуры и легкими движениями рук: с видом твердой уверенности неведомая сильфида склонилась, чтобы сделать ставку. А уже в следующий миг взгляд Деронды вернулся к лицу, отражавшему абсолютное равнодушие к окружающим и полное погружение в игру. Сильфида выиграла. В то время как тонкие пальчики, элегантно обтянутые светло-серыми перчатками, собирали придвинутые монеты, чтобы вновь пустить их в дело, она посмотрела вокруг с выражением слишком холодным и безразличным, чтобы не заподозрить искусно скрытое ликование.

Однако во время недолгого путешествия по залу взгляд ее наткнулся на взгляд Деронды. И вот, вместо того чтобы тут же потупить взор, как того хотелось, сильфида с недовольством осознала, что продолжает зачарованно смотреть в глубокие темные глаза. Сколько продолжалось наваждение? Внезапно возникло ощущение, что незнакомец оценивает, смотрит высокомерно, словно на существо низшего порядка; что сам он не относит себя к окружающей толпе, а мнит пришельцем из иного, лучшего мира и изучает ее в качестве экземпляра местной фауны. Неприятное впечатление вызвало в душе острое негодование и натянуло тетиву конфликта. Нет, вскипевшая кровь не окрасила щеки румянцем, а, напротив, отхлынула от побелевших губ. Но молодая леди взяла себя в руки и вернулась к игре, не проявив чувств иначе, чем этой внезапной бледностью. Однако взгляд Деронды, кажется, подействовал дурно. Новая ставка провалилась. Ничего страшного; она начала выигрывать, едва подойдя к рулетке с несколькими

---

¹ Руссо Жан-Жак (1712–1778) – французский философ, писатель, композитор. – Здесь и далее примеч. ред.

наполеондорами в руке, и с тех пор успела накопить солидный капитал. Поверила в собственную удачу, а другие поверили в нее; воображение услужливо представило картину всеобщего поклонения богине успеха. Нечто подобное происходило с игроками-мужчинами; так почему бы и женщине не достичь превосходства? Ее подруга и компаньонка, на первых порах не одобрявшая тяги к игре, со временем изменила мнение и ограничилась двумя мудрыми советами: суметь вовремя остановиться и увезти выигранные деньги в Англию. Гвендолин ответила, что ценит азарт, а не выигрыш, поэтому настоящий момент следовало бы считать наивысшей точкой напряжения в игре. И все же, проиграв следующую ставку, она с трудом подавила подступившие слезы и, даже не оборачиваясь, ощутила мучительную тяжесть неподвижно устремленного на нее взгляда – убедительный повод сдержать чувства и невозмутимо продолжить игру – так, как будто победа и поражение не имели ни малейшего значения. Подруга осторожно коснулась ее локтя и предложила покинуть стол. В ответ Гвендолин выложила десять наполеондоров: ею овладел дух противоречия – когда сознание теряет из вида все, кроме яростного сопротивления, и с легкомысленной глупостью неудержимого порыва вызывает на бой саму удачу. Если не удастся блестяще выиграть, значит, следует блестяще проиграть. Гвендолин прекрасно владела собственной мимикой и жестами, а потому не позволила дрогнуть ни губам, ни рукам. Как только ставка проваливалась, она тут же ее удваивала. Теперь уже на нее смотрели все собравшиеся вокруг стола, однако Гвендолин остро ощущала лишь один-единственный взгляд. Ни разу не посмотрев в сторону Деронды, она не сомневалась, что он стоит на прежнем месте. Подобная драма заканчивается скоро: стремительное развитие событий и развязка занимают лишь пару мгновений.

– Делайте ставки, дамы и господа, – донесся неумолимый глас судьбы из затерянных между усами и эспаньолкой уст крупье, и Гвендолин положила на стол последнюю жалкую кучку наполеондоров.

– Ваша ставка бита, – провозгласила судьба.

Гвендолин отвернулась от стола и в упор посмотрела на Деронду. Их взгляды встретились; в его глазах застыла ироническая усмешка: все лучше, чем отмахнуться как от недостойного внимания насекомого. К тому же, несмотря на высокомерную усмешку, трудно было представить, что он не восхищен как силой ее духа, так и внешностью. Молодой, стройный, красивый, ничем не напоминающий тех убогих филистеров, которые, проходя мимо игрового стола, считают своим долгом уничтожить всех сидящих полным презрения взглядом. Твердая убежденность в собственной безупречности отказывается пасовать перед внезапным провалом. Скорее, если кто-то из многочисленных детей Тщеславия – будь то мужчина или женщина – сталкивается с неожиданно холодным приемом, то свято верит, что стоит лишь немного постараться, и странное неприятие уступит место обычному поклонению. В понятии Гвендолин само собой разумелось, что она знает, чем следует восхищаться, и что сама заслуживает всеобщего восхищения. Эта основа ее мировосприятия теперь испытала серьезный удар и слегка пошатнулась, однако устояла: уничтожить ее оказалось нелегко.

Вечером та же комната, жарко натопленная, блистала огнями газовых ламп и нарядами дам, которые свободно прогуливались, увлекая за собой шлейфы, или отдыхали, сидя на оттоманках.

Гвендолин Харлет предстала в образе Нереиды – в расшитом серебром платье цвета морской волны, с изумрудным пером и серебристой вуалью на зеленой шляпке, оттеняющей золотисто-каштановые волосы. Она шествовала под крылом, а точнее, возвышалась над плечом, той самой леди, которая сидела рядом с ней за рулеткой. Дам сопровождал джентльмен с седыми усами, коротко стриженными волосами и густыми сросшимися бровями – по-немецки подтянутый и чопорный. Все трое неторопливо прогуливались по комнате, иногда останавливаясь, чтобы побеседовать со знакомыми, в то время как все собравшиеся не сводили с Гвендолин внимательных взоров.

- Поразительная девушка эта мисс Харлет. Чего не скажешь о других.
- Да. Вообразила себя змеей: вся в зеленом и серебристом, да и шею изгибает больше, чем нужно.
- О, она все время ведет себя экстравагантно. Полагаю, так уж устроена. Находите ее хорошенькой, мистер Вандернодт?
- Очень. За такой не грех и приударить. Конечно, если ты глуп.
- Значит, курносый нос и узкие длинные глаза в вашем вкусе?
- В том случае, если они составляют подобный ансамбль.
- Змеиный ансамбль?
- Если угодно. Как известно, змей искусил женщину; почему не мужчину?
- Она, несомненно, наделена грацией. Однако щеки слишком бледны. Красота ведьмы.
- Напротив. На мой взгляд, цвет лица – одно из ее главных достоинств. Эта нежная бледность выглядит абсолютно здоровой. Маленький, слегка вздернутый носик просто очарователен. А рот! Доводилось ли вам когда-нибудь видеть столь изящный изгиб губ, Макворт?
- Вот еще! Терпеть не могу этот рот. Самодовольный, как будто сознает собственную красоту. Линия губ слишком спокойна и постоянна. В моем вкусе трепетный, подвижный рот.
- Что касается меня, то я нахожу ее поистине отвратительной, – вынес вердикт вдовец. – Удивительно, но в моду входят неприятные девушки. А кто эти Лангены? Кто-нибудь их знает?
- Вполне приличные люди. Я несколько раз обедал с ними в «Русси». Баронесса фон Ланген – англичанка. Мисс Харлет называет ее кузиной. Сама же девушка прекрасно воспитана и необыкновенно умна.
- Подумать только! А барон?
- Представляет собой лишь весьма респектабельный фон.
- Ваша баронесса не отходит от рулетки, – заметил Макворт. – Полагаю, она и научила спутницу играть.
- О, старушка ставит крайне осторожно: десять франков здесь, десять там – не больше. Молодая леди действует куда смелее. Но это не больше чем каприз, причуда.
- Слышал, сегодня она спустила все, что выиграла раньше. Кто знает: они богаты?
- Вот именно: кто знает? Разве это о ком-нибудь известно? – отозвался мистер Вандернодт, отходя, чтобы присоединиться к Лангенам.
- Наблюдение, что этим вечером Гвендолин больше обычного выгибала шею, вполне соответствовало действительности, но вовсе не потому, что стремилась убедительно воплотить образ змеи: она всего лишь искала глазами Деронду, чтобы навести справки о незнакомце, чей оценивающий взор до сих пор болезненно ощущала. Наконец возможность представилась.
- Мистер Вандернодт, вы знаете всех и каждого, – проговорила Гвендолин томно, с ленивой медлительностью. – Кто это стоит возле двери?
- Там собралось с полдюжины джентльменов. Вас интересует престарелый Адонис в парике времен Георга Четвертого?
- Нет-нет. Темноволосый молодой человек справа, с ужасным выражением лица.
- Вам он кажется ужасным? А по-моему, напротив, необыкновенно красив.
- Но кто же это?
- Недавно остановился в нашем отеле вместе с сэром Хьюго Мэллинджером.
- С сэром Хьюго Мэллинджером?
- Да. Знаете его?
- Нет. – Гвендолин слегка покраснела. – Он владеет поместьем неподалеку от нас, но никогда там не бывает. Как, вы сказали, зовут того джентльмена возле двери?
- Деронда. Мистер Деронда.
- Что за восхитительное имя! Он англичанин?
- Да. Говорят, он близкий родственник баронета. Интересуетесь?

– Немного. По-моему, он совсем не похож на обычных молодых людей.

– Обычные молодые люди вам не нравятся?

– Ничуть. Всегда заранее знаю, что они скажут. А вот что скажет мистер Деронда, ума не приложу. Что он обычно говорит?

– Как правило, ничего. Вчера я битый час просидел на террасе в одной с ним компании, и он не проронил ни слова. Даже не курил. Казалось, скучал.

– Еще один повод познакомиться. Мне тоже всегда скучно.

– Полагаю, он будет счастлив представиться вам. Прикажете привести его сейчас же? Баронесса, вы позволите?

– Почему нет? Поскольку он родственник сэра Хьюго Мэллинджера. Постоянно скучать – твоя новая роль, Гвендолин, – продолжила мадам фон Ланген, как только мистер Вандернодт удалился. – До сих пор ты с утра до ночи чем-то увлеченно занималась.

– Только потому, что я постоянно до смерти скучаю. Если вдруг дел не найдется, придется сломать руку или ключицу. Что-то обязательно должно происходить; конечно, если в ближайшее время вы не отправитесь в Швейцарию и не позволите мне забраться на Маттерхорн.

– Может быть, знакомство с мистером Дерондой заменит Маттерхорн?

– Не исключено.

Однако на сей раз Гвендолин так и не познакомилась с Дерондой. Этим вечером мистеру Вандернодту не удалось его представить, а вернувшись в свою комнату, она обнаружила письмо, требовавшее ее срочного возвращения домой.

Глава II

Вот какое письмо Гвендолин обнаружила на столе:

«Дражайшее дитя! Вот уже неделю я жду от тебя известий. В последнем письме ты сообщила, что Лангены намерены покинуть Лебронн и переехать в Баден. Разве можно вести себя настолько беспечно, чтобы даже не сообщить свой новый адрес? Я отчаянно тревожусь: вдруг это письмо не дойдет? В любом случае ты должна была вернуться домой в конце сентября. Сейчас я вынуждена умолять приехать как можно быстрее, ведь если ты истратишь все деньги, прислать еще будет не в моих силах. Заниматься у Лангенов ни в коем случае нельзя, так как отдать долг я не смогу. Такова горькая правда, дитя мое. Хотелось бы лучше тебя подготовить, но не получилось: нас постигло ужасное бедствие. Ты не разбираешься в бизнесе и не поймешь тонкостей, но суть заключается в том, что фирма «Грапнелл и компания» потеряла миллион фунтов. Мы с твоей тетуськой Гаскойн абсолютно разорены; твой дядюшка имеет только приход, так что, продав экипаж и поместив куда-нибудь мальчиков, семья сможет кое-как свести концы с концами. Все состояние, доставшееся от нашего бедного отца, идет на погашение задолженности. У меня ничего не осталось. Лучше, чтобы ты узнала все и сразу, хотя сердце разрывается от боли. Конечно, мы не можем не сожалеть, что ты уехала именно в это время. Но поверь, дорогое дитя: от меня ты не услышишь ни слова упрека. Если бы могла, я оградила бы тебя от всех неприятностей. По пути домой у тебя хватит времени подготовиться к предстоящим переменам. Возможно, мы сразу покинем Оффендин, поскольку надеемся, что мистер Хейнс, который и прежде проявлял интерес к поместью, не замедлит воспользоваться случаем. Разумеется, в дом священника переехать не удастся: там не найдется для нас угла. Придется поискать какую-нибудь хижину, чтобы не оказаться на улице, и до тех пор, пока я не придумаю, что делать дальше, жить на подаяния твоего дяди Гаскойна. Расплатиться с торговцами мне нечем, ведь надо еще выдать жалованье слугам. Мужайся, дорогое дитя; нам предстоит положиться на волю Божию. Однако нелегко смириться с безнравственным легкомыслием мистера Лассмана, из-за которого, говорят, и случилась катастрофа. Твои бедные сестры только плачут вместе со мной, не в силах ничем помочь. Если бы ты оказалась рядом, луч солнца пробился бы сквозь тучи: я никогда не поверю, что ты создана для бедности. Если Лангены захотят остаться за границей, может быть, тебе удастся найти другое сопровождение. Только как можно скорее возвращайся к своей страдающей и любящей мамочке.
Фанни Дэвилоу».

В первое мгновение письмо оглушило и ошеломило Гвендолин. Безоговорочная уверенность в собственной легкой, гладкой, роскошной судьбе, где любые случайно возникшие неприятности устраняются сами собой, владела ее сознанием еще более властно, чем маминым, подкрепляясь жаром молодости и вошедшим в плоть и кровь чувством собственного превосходства. Внезапно поверить в грядущую бедность и унижительную зависимость ей было столь же трудно, как допустить в бурный поток цветущей жизни ледяной ручей осознания неминуемой смерти. Несколько минут Гвендолин стояла неподвижно, а потом сорвала с головы шляпу и машинально посмотрела в зеркало. Локоны гладких светло-каштановых волос сохранились в безупречном, достойном бального зала порядке. Прежде она бы долго и с удоволь-

ствием созерцала собственное отражение (вполне позволительная слабость), однако сейчас, даже не заметив достойной восхищения красоты, смотрела в пространство, словно только что услышала отвратительный звук и теперь дожидалась сигнала, чтобы понять источник его происхождения. Наконец, словно очнувшись, Гвендолин забилась в угол красного бархатного дивана, снова взяла письмо, дважды внимательно прочитала, бросила на пол, сжала руки на коленях и застыла, не проронив ни слезинки. Хотелось обдумать ситуацию и найти выход, а не оплакивать собственную горькую долю. В душе не прозвучал возглас «бедная мама!», ибо мама никогда не получала от жизни настоящей радости. Если бы в эту минуту Гвендолин могла кого-то пожалеть, то в первую очередь пожалела бы себя: разве не она естественно и заслуженно представляла главный объект маминой тревоги? Но душой овладели гнев и разочарование: надо же было так бездарно, за один вечер, потерять все, что удалось выиграть в рулетку! Еще немного удачи, и можно было бы привезти домой весьма значительную сумму или снова испытать судьбу и приобрести капитал, способный поддержать семью. Но разве сейчас это невозможно? В ридикюле оставалось всего четыре наполеондора, но ведь можно продать кое-какие украшения: на курортах Германии подобная практика настолько распространена, что стыдиться абсолютно нечего. Даже не получив маминого письма, Гвендолин скорее всего решила бы выручить некую сумму за этрусское ожерелье, которое со дня приезда так ни разу и не надела. Более того, она сделала бы это, с удовлетворением осознавая, что живет ярко, энергично и совсем не скучно. Имея в распоряжении десять наполеондоров и заручившись прежней удачей, что вполне возможно, почему бы не поиграть еще несколько дней? Даже если дома друзья осудят способ получения денег, что непременно произойдет, сами-то деньги никуда не денутся. Богатое воображение оценило план и сформулировало благоприятные последствия, однако без нерушимой уверенности и стремительно растущей эйфории, характерной для болезненной игровой зависимости. Гвендолин обратилась к рулетке не по зову страсти, а по осмысленному выбору. Сознание здраво оценивало возможности: в то время как шанс выигрыша привлекал, шанс потери маячил с равным упорством, пугая жестоким унижением. Она твердо решила не говорить Лангенам о постигшем семью несчастье, чтобы не обременять напрасным сочувствием ни их, ни себя. Если придется расстаться со значительным количеством драгоценностей и отсутствие их станет заметным, непременно последуют расспросы и увещания. Самый спокойный, лишенный риска и неизбежных трудностей путь – это завтра же рано утром продать ожерелье, без объяснений сообщить Лангенам, что мама просит срочно вернуться домой, и вечерним поездом уехать в Брюссель. Поскольку горничной Гвендолин не держала и путешествовать собиралась в одиночестве, следовало ожидать резких возражений, однако ее решимость была непреклонна.

Вместо того чтобы лечь спать, она зажгла все свечи и начала складывать вещи, лихорадочно думая о том, что может произойти на следующий день: утомительное объяснение и прощание, а затем преждевременное и нежелательное возвращение домой, где жизнь стала иной, или альтернатива в виде дерзкой попытки задержаться еще на день и снова испытать счастье в рулетку. Однако игра в рулетку омрачалась присутствием Деронды, чей ироничный взгляд, казалось, неминуемо ведет к проигрышу. Этот назойливый образ решительно склонял к немедленному отъезду и заставлял довести сборы до такой стадии, когда перемена планов оказалась бы затруднительной. Когда последние вещи были упакованы, сквозь белые шторы уже пробивалась слабая заря. Стоило ли ложиться спать, когда наступило утро? Холодная ванна в достаточной степени освежила, а легкие тени усталости под глазами лишь придали лицу интересную таинственность. К шести часам мисс Харлет предстала в полном дорожном облачении: в сером костюме и даже в фетровой шляпке, – решив, что выйдет на улицу в тот час, когда другие леди отправятся к целебным источникам. Присев и облокотившись на спинку стула, словно позируя для портрета, она взглянула на себя в зеркало. Можно пылко любить собственную персону, испытывая при этом не самодовольство, а недовольство собой – чувство более сильное, ибо

все движения души подчиняются эгоистичному самолюбию. Впрочем, Гвендолин понятия не имела о подобном внутреннем соперничестве, а наивно восторгалась очаровательным образом. Все, кроме самых суровых праведников, конечно, снисходительно отнесутся к девушке, изо дня в день встречавшей объективное отражение своей красоты как в лести подруг, так и в каждом встречном зеркале. И даже сейчас, на пороге серьезных неприятностей, когда за неимением других дел она сидела, глядя на себя в растущем дневном свете, выражение счастливого удовольствия на лице расцветало и укреплялось вместе с жизнерадостным сиянием утра. Улыбка на прекрасных губах с каждым мгновением становилась все увереннее, пока, наконец, Гвендолин не сняла шляпу и не склонилась, чтобы поцеловать холодное, но излучавшее скрытое тепло зеркало. Разве можно верить в несчастье? Если несчастье придет, ей достанет сил оттолкнуть его, победить или хотя бы спастись бегством, как уже случалось. Любой выход казался более вероятным, чем пассивная покорность страданию, большому или малому.

Мадам фон Ланген никогда не выходила из своих комнат до завтрака, так что ничто не мешало Гвендолин закончить раннюю прогулку, вернувшись домой по Оберштрассе, где располагался нужный магазин, открывавшийся в семь часов. В это время все нежелательные свидетели либо прохаживались возле источников, либо еще не жились в постелях. Однако из окон одного фешенебельного отеля – «Царина» – приближение молодой леди к двери магазина мистера Винера могло быть замечено. Что же, придется рискнуть: разве нельзя зайти к золотых дел мастеру, чтобы купить поразившее воображение украшение? Несостоятельность довода пришла на ум, когда Гвендолин вспомнила, что именно в этом отеле остановился Деронда, однако в этот момент она уже прошла значительную часть Оберштрассе. Точнее, пролетела: мисс Харлет шагала с обычной стремительной легкостью; наряд мягко облегал и подчеркивал гибкие линии фигуры, приятные любому зрителю за исключением того, который находил в них излишне близкое сходство со змеей и непримиримо возражал против возрождения змеиного культа. По сторонам она не смотрела, а в магазине заключила сделку со спокойной холодностью, не позволившей мистеру Винеру сделать ни единого замечания, кроме как о ее гордой грации в манерах, а также о превосходном размере и великолепном качестве трех камней бирюзы в центре предложенного ожерелья. Когда-то они украшали принадлежавшую отцу золотую цепочку, но отца своего Гвендолин не знала, а потому считала, что имеет право без сожаления расстаться с ожерельем. Кто полагает, что невозможно в одно и то же время быть суеверным и рациональным? Рулетка поощряет романтическое суеверие относительно шансов игры и в то же время порождает самую прозаичную рассудочность относительно чувств, преграждающих путь к получению необходимых денег. Больше всего Гвендолин огорчало то обстоятельство, что к дремлющим в ридикюле четырем наполеондорам она смогла прибавить всего девять: евреи-коммерсанты так бессовестно наживались на неудачливых в игре христианах! Однако она жила в апартаментах Лангенов в качестве гостьи, а потому не должна была платить. Тринадцати наполеондоров хватит не только на дорогу домой: даже если рискнуть тремя, то оставшихся десяти будет вполне достаточно, чтобы вернуться в Англию – ведь поедет она без остановок и ночевки в отелях.

Вернувшись и, больше того, устроившись в гостиной в ожидании друзей и завтрака, Гвендолин все еще сомневалась, имеет ли смысл торопиться с отъездом. Постепенно созрело решение сообщить Лангенам, что мама прислала письмо, в котором просит вернуться, однако время отъезда оставить открытым. Устав и проголодавшись, Гвендолин откинулась на спинку кресла. Привычное время завтрака уже наступило, а потому, услышав шаги, она встала, ожидая увидеть кого-нибудь из Лангенов и собираясь произнести слова, позволявшие отложить отъезд еще хотя бы на день, однако в комнату вошел слуга с небольшим пакетом, оставленным на ее имя. Гвендолин взяла посылку и поспешила в свою комнату. Сейчас она выглядела еще более бледной и взволнованной, чем в тот момент, когда в первый раз читала мамино письмо. Еще не открыв пакет, она почему-то – неизвестно, что вызвало странную уверенность, – поняла, что

держит в руках то самое ожерелье, с которым только что рассталась. Помимо бумаги оно оказалось завернуто в батистовый платок. Там же обнаружился клочок бумаги, где карандашом, четким, но торопливым почерком было написано:

«Незнакомец, нашедший ожерелье мисс Харлет, возвращает его в надежде, что больше она не станет рисковать утратой прекрасного украшения».

Раненая гордость заставила Гвендолин покраснеть. Угол платка был небрежно оторван, чтобы уничтожить метку, однако она сразу поверила в первый пришедший на ум образ «незнакомца». Конечно, это Деронда. Должно быть, он увидел, как она вошла в магазин, отправился следом и выкупил ожерелье – поступил непростительно бестактно, поставив ее в постыдное положение. Что же делать? Разумеется, нельзя показать, что она поняла, кто вернул украшение, отослав его обратно. А вдруг предположение ошибочно? Но даже если «незнакомец» действительно он и никто другой, признаться, что она об этом догадалась, стало бы невыносимой вульгарностью. Он не мог не сознавать, что повергает ее в беспомощное унижение: вернуть ожерелье – то же самое, что пристально смотреть и иронически, с видом высокомерного ментора, улыбаться. Гвендолин ощутила, как подступают и катятся по щекам горькие слезы досады и разочарования. Еще никто и никогда не осмеливался относиться к ней с иронией и презрением. Теперь стало абсолютно ясно: необходимо немедленно исполнить почти принятое решение и как можно скорее уехать. Снова появиться в салоне невозможно, и абсолютно невозможно подойти к рулетке с риском наткнуться на пронзительный взгляд Деронды. В этот момент в дверь громко постучали: завтрак подан. Отчаянным движением Гвендолин спрятала ожерелье, платок, записку и все остальное в дорожный несессер, вытерла мокрые щеки, минуту-другую помедлила, чтобы восстановить гордое самообладание, и отправилась к друзьям. Следы усталости и слез вполне соответствовали немедленному отчету о поздних сборах, проведенных самостоятельно, без помощи горничной мадам фон Ланген. Конечно, последовали бурные возражения относительно самостоятельного путешествия, однако все предложения организовать сопровождение Гвендолин решительно отклонила. Она сядет в дамское купе и прекрасно доедет. В поезде можно замечательно отдохнуть, а потому бояться нечего.

Вот так получилось, что Гвендолин Харлет больше не появилась возле игрового стола, а в четверг вечером выехала из Лебронна в Брюссель и в субботу утром прибыла в Оффендин – дом, с которым и ей, и всей семье предстояло проститься навсегда.

Глава III

Как жаль, что Оффендин не был для мисс Харлет домом детства, согретым семейными воспоминаниями! На мой взгляд, жизнь человека должна прочно укорениться на каком-нибудь клочке родной земли, проникнуться нежной братской любовью ко всему, что растет, цветет и плодоносит вокруг; к труду крестьян и ремесленников; к звукам и ароматам, которые наполняют воздух; ко всему, что дарит родному дому особое, незабываемое место в постоянно растущем познании мира. Только здесь первые, особенно яркие воспоминания окрашены искренней симпатией, а дружеское знакомство со всеми соседями, включая собак и ослов, приобретается не путем сентиментальных усилий и раздумий, а милой, вошедшей в плоть и кровь привычкой. В пять лет от роду смертные еще не готовы стать гражданами мира, вдохновиться абстрактными понятиями, подняться над предпочтениями, достигнув высшей объективности. Пристрастие к молоку, с которого мы слепо начинаем земной путь, остается тем необходимым питанием, которое тело и душа должны получать хотя бы некоторое время. Лучшее введение в астрономию – представление о ночном небе как о небольшой группе звезд над крышей родного дома.

Однако то благословенное постоянство, где берет начало глубокая привязанность, полностью отсутствовало в жизни Гвендолин. Прошел лишь год с того момента, как Оффендин стал маминым домом – главным образом благодаря близости к дому пастора прихода Пенникот. Холодным октябрьским днем, под громкие крики грачей и неслышное кружение желтых листьев вязов, миссис Дэвилу, Гвендолин и четыре ее сводных сестры (гувернантка и горничная следовали в другом экипаже) впервые проехали по аллее парка.

Осеннее время года гармонировало с обликом массивного старинного дома из красного кирпича, слишком старательно украшенного камнем, не исключая двойного ряда узких окон и тяжелого квадратного портика. На камне прекрасно рос зеленый лишайник, поверхность кирпичей облюбовал его пепельно-серый собрат мох, так что, несмотря на внушительную солидность здания, в фасаде вовсе не ощущалось мрачности. Окна приветливо обращались к трем аллеям – восточной, западной и южной, каждая из которых тянулась по старинному парку на добрую сотню ярдов. Если бы дом стоял на вершине холма, то окружающий пейзаж не ограничивался бы небольшой собственной территорией, а простирался дальше: к покрытым соломой крышам далеких деревень, церковным шпилям, рассеянным по округе отдельно стоящим хижинам; к поросшим светлыми лесами холмам и свежести зеленых лугов древнего графства Уэссекс. Но, даже располагаясь в низине, среди пастбищ, одним из своих фасадов дом обращался к внешнему миру сквозь причудливые изгибы известняковых копей, чьи величественные очертания не раз менялись из-за вторжения человека.

Скромные размеры дома лишь с некоторой натяжкой позволяли назвать его особняком. Арендная плата оказалась умеренной за неимением земли. К тому же сдать его оказалось непросто из-за мрачной тяжелой мебели и старой, выцветшей обивки кресел и диванов. Однако при первом же взгляде на дом и его обстановку становилось ясно, что здесь жили не какие-нибудь торговцы. И для его обитателей, принадлежавших к пограничному социальному кругу, каждый шаг в сторону высшего общества неизменно становился поводом для радости и гордости, поэтому мысль, что дом некогда верой и правдой служил вдовствующим графиням, добавляла ярких красок праведному удовлетворению, которое миссис Дэвилу испытывала от обладания собственным жилищем. Непонятым, таинственным для Гвендолин образом обретение Оффендина внезапно стало возможным после смерти отчима, капитана Дэвилу. Последние девять лет джентльмен навещал семью редко, но достаточно бурно, чтобы примирить жену и детей с новой разлукой. Однако Гвендолин не столько искала объяснений, сколько по достоинству оценивала сам факт и его последствия. Личные перспективы предстали в новом, зна-

чительно более выгодном свете. Прежняя жизнь ей не нравилась. Постоянные переезды с одного заграничного курорта на другой, частые смены парижских квартир, неприязнь к чужой мебели и случайным людям, встреченным в обстоятельствах, подавлявших яркую, творческую натуру, – все это не приносило ничего, кроме ставшего привычным разочарования. Два года учебы в престижной школе, где во время важных событий Гвендолин непременно оказывалась на виду, укрепили уверенность в собственной исключительности: столь выдающаяся личность, как она, не могла существовать в обычных условиях и занимать иное социальное положение помимо самого заметного и благоприятного. Теперь, когда мама обзавелась приличным домом, сомнения и страхи по этому поводу развеялись, а к собственному происхождению Гвендолин относилась легко. Она понятия не имела, каким образом дедушка составил капитал, унаследованный двумя дочерьми, однако в Англию он приехал из западной Индии и всякие другие вопросы были излишни. Семья отца занимала столь высокое положение, что не считала возможным обращать на маму внимание; впрочем, это не мешало миссис Дэвилу бережно хранить миниатюрный портрет леди Молли, одной из родственниц мужа. Возможно, Гвендолин удалось бы узнать об отце больше, если бы не инцидент, случившийся вскоре после того, как ей исполнилось двенадцать лет. Однажды миссис Дэвилу достала реликвии, напоминавшие о первом муже, что делала чрезвычайно редко, показала девочке его портрет и, явно рассчитывая на нежные дочерние чувства, сентиментально поведала, что дорогой папа умер, когда малышка была еще в пеленках. Гвендолин тут же вспомнила о нелюбимом отчиму, отравлявшем ее жизнь, и спросила:

– Зачем ты снова вышла замуж, мама? Лучше было бы этого не делать.

Миссис Дэвилу залилась краской, конвульсивно вздрогнула и, спрятав портрет, с несвойственной ей злобой воскликнула:

– Бесчувственный ребенок!

Гвендолин обожала маму. Пристыженная и глубоко расстроенная, больше она ни разу не спросила об отце.

Этот случай горестного, хотя и запоздалого раскаяния не был единственным. Всегда, когда позволяли обстоятельства, миссис Дэвилу старалась устроить так, чтобы Гвендолин ночевала в ее комнате, ибо материнская нежность изливалась преимущественно на старшую дочку, родившуюся в более счастливое время. Однажды ночью у нее случился острый приступ мигрени, а действенного средства, всегда хранившегося на прикроватной тумбочке, не оказалось на месте. Миссис Дэвилу попросила дочь принести лекарство, однако здоровая, полная сил юная леди не пожелала покинуть уютную теплую постель и невнятно, но решительно отказалась. Мать обошлась без лекарства и не высказала ни слова упрека, однако на следующий день Гвендолин в полной мере осознала, как дурно поступила, и постаралась загладить вину ласками, не стоившими ей ни малейшего усилия. Она всегда пользовалась любовью и поклонением всей семьи и слуг. Мама, сестры, гувернантка и горничные прислуживали ей, словно принцессе в изгнании. Естественным образом, трудно было представить собственные удовольствия менее важными, чем преподносили их окружающие, поэтому случайное нарушение заведенного порядка могло вызвать вспышку изумленного негодования, в неудачный день находившего выход в неистовых поступках, противоречивших обычному поведению. Никогда, даже в раннем детстве, Гвендолин не отличалась бессмысленной жестокостью – больше того, с энтузиазмом спасала и выхаживала тонущих букашек. Но в то же время в семье хранилось молчаливое угрюмое воспоминание о том, как однажды в припадке раздражения она задушила канарейку сестры лишь за то, что невинная птичка слишком громко пела, создавая резкий диссонанс ее собственным вокальным упражнениям. Раскаившись, в качестве компенсации она не поленилась купить сестре белую мышку, а своему поступку нашла оправдание в особой чувствительности, свойственной тонкой натуре. И все же любое воспоминание о непредумышленном, но оттого не менее жестоком и отвратительном убийстве заставляло ее болезненно

морщиться. Гвендолин были знакомы укоры совести, однако она не любила, чтобы раскаяние стоило ей слишком дорого, поэтому теперь, в двадцать с лишним лет, она сознательно направила часть природной силы на самоконтроль, чтобы избавить себя от унижительного раскаяния. Сейчас пламенный характер и своеволие проявлялись у нее чаще, чем прежде, но за ними таился расчет.

Приехав в Оффендин, который даже миссис Дэвилу увидела впервые (дом арендовал зять, мистер Гаскойн), все вышли из экипажа, поднялись на крыльцо и остановились перед распахнутой дверью. Отсюда можно было оценить общую картину и в то же время увидеть холл с каменным полом и широкой лестницей. Мрачные картины на стенах скрашивались ярким, веселым пламенем камина. Все молчали. Мама, гувернантка и четыре сестры смотрели на Гвендолин, как будто их чувства всецело зависели от ее решения. О девочках, начиная с пятнадцатилетней Эллис и заканчивая девятилетней Изабель, с первого взгляда трудно было сказать что-нибудь конкретное. Бросался в глаза их нежный возраст и потрепанные черные платья. Гувернантка мисс Мерри выглядела пожилой и начисто лишенной выразительности. Увядавшая красота миссис Дэвилу казалась еще более жалкой из-за обращенного к старшей дочери умоляющего взгляда, в то время как Гвендолин с видом поспешной, но оттого не менее авторитетной оценки осматривала дом, пейзаж и холл. Представьте молодую горячую скаковую лошадь, пасущуюся в загоне среди неухоженных пони и смиренных упряжных кляч.

– Ну, дорогая, что скажешь? – наконец поинтересовалась миссис Дэвилу осторожным, просительным тоном.

– По-моему, очаровательно, – быстро ответила Гвендолин. – Романтическое место. Здесь вполне может случиться что-нибудь восхитительное. Прекрасный фон для увлекательных событий. В этом доме не стыдно жить.

– Здесь нет ни капли вульгарности, – вставила матушка.

– О, вполне подойдет и для свергнутого монарха, и для обедневшего аристократа. Нам следовало бы обитать в роскоши, однако приходится довольствоваться малым. Зато о большей поэтичности трудно мечтать. Вот только мне почему-то казалось, что дядя и тетя Гаскойн нас встретят, да и кузина Анна тоже, – добавила Гвендолин совсем иным, удивленно-обиженным тоном.

– Мы слишком рано приехали, – ответила миссис Дэвилу и, войдя в холл, обратилась к шагнувшей навстречу экономке: – Вы ожидаете визита мистера и миссис Гаскойн?

– Да, мадам. Они приезжали вчера, чтобы распорядиться насчет каминов и обеда. Но что касается каминов, то я топлю их уже неделю. Все комнаты хорошо проветрены. Мебель вычищена настолько тщательно, что хотелось бы отдельной платы за работу. Полагаю, вы оцените, как блестит медь. Думаю, когда приедут мистер и миссис Гаскойн, они подтвердят, что все сделано добросовестно. В пять наверняка будут здесь.

Известие обрадовало Гвендолин, не готовую принять холодное равнодушие родственников. Поднявшись по ступеням застеленной ковром каменной лестницы, чтобы посмотреть, что делается наверху, она тут же спустилась обратно и вместе с девочками заглянула в каждую из примыкающих к холлу комнат. Столовую украшали панели из темного дуба и такая же мебель с потертой обивкой из красного атласного дамаста. Над буфетом висела копия картины Снейдерса² с изображением встревоженной своры собак, а камин венчал образ преломляющего хлеб Христа. В библиотеке царила почтенная коричневая кожа, наполнявшая воздух особым терпким ароматом. Последняя дверь вела в гостиную, которой предшествовала наполненная старинными безделушками небольшая комната.

---

² **Снейдерс Франс** (1579–1657) – фламандский живописец, мастер натюрмортов и анималистических композиций в стиле барокко.

– Мама, мама, скорее иди сюда! – воскликнула Гвендолин, повернувшись к беседовавшей с экономкой миссис Дэвилу. – Смотри, здесь есть фисгармония! Я буду святой Цецилией, и кто-нибудь напишет мой портрет. Джокоза, – так она называла мисс Мерри, – распустите мне волосы. Видишь, мама?

Бросив на стол шляпку и перчатки, она устроилась перед фисгармонией в восхитительной позе, устремив взор в пространство. Покорная Джокоза вынула скреплявший тяжелый узел гребень и несколько раз встряхнула блестящие светло-каштановые волосы, которые рассыпались по спине Гвендолин до тонкой талии и ниже.

– Очаровательная картина, дорогая! – с улыбкой отозвалась миссис Дэвилу, даже в присутствии экономки не скрывая восхищения красотой и фантазией любимой дочери.

Гвендолин встала и восторженно рассмеялась. Небольшой театральный экспромт возник весьма кстати, оживив знакомство с новым домом и органично вписавшись в естественные декорации.

– Что за удивительная, необычная, живописная комната! – восхищенно продолжила она, оглядываясь. – Мне нравятся старинные резные стулья, гирлянды на панелях, необычные картины, которые трудно понять. Вот, например, эта, где изображены древние развалины. Ничего, кроме развалин и темноты. По-моему, это работа испанского художника.

– О, Гвендолин! – изумленно воскликнула маленькая Изабель, обнаружив в дальнем конце комнаты дверцу на дубовой стенной панели и самовольно ее открыв.

Все поспешили на зов. Взорам предстала картина, изображавшая запрокинутую мертвую голову, прочь от которой убегала неясная фигура с распростертыми в отчаянии руками.

– Какой ужас! – с нескрываемым отвращением проговорила миссис Дэвилу.

Гвендолин лишь молча содрогнулась, а Изабель – прямой, до неловкости непосредственный ребенок с тревожной памятью – заявила:

– Никогда не оставайся здесь одна, Гвендолин.

– Как ты смеешь без разрешения открывать все подряд, несносное создание? – в порыве гнева воскликнула старшая сестра и торопливо захлопнула дверцу. – Здесь есть замок. Где ключ? Надо немедленно найти ключ или сделать другой. Никто не должен открывать эту дверь. Пусть ключ хранится у меня.

Отдав команду, обращенную сразу ко всем присутствующим, Гвендолин повернулась и, зардевшись от смущения за недавнюю безотчетную дрожь, произнесла как можно спокойнее:

– Пойдемте в нашу комнату, мама.

Экономка принялась искать ключ. Нашла неподалеку, в ящике комода, и отдала горничной Багл, многозначительно попросив передать ее королевскому высочеству.

– Не понимаю, кого вы имеете в виду, миссис Стартин, – ответила Багл, которая во время сцены в гостиной разбирала вещи наверху и сочла иронию новой служанки оскорбительной.

– Я имею в виду ту молодую леди, которая всеми командует, а лицом и фигурой вполне достойна королевского титула, – примирительным тоном ответила экономка. – Она поймет, что это за ключ.

– Если вы приготовили все необходимое для нас, Багл, идите и займитесь девочками, – распорядилась Гвендолин, вместе с миссис Дэвилу входя в черно-желтую спальню, где возле напминавшей черно-желтый катафалк главной кровати стояла милая маленькая кушетка. – Я помогу маме.

Однако первым делом она подошла к высокому зеркалу между окнами, идеально представлявшему и ее, и всю комнату. Миссис Дэвилу присела в кресло и тоже посмотрела на отражение.

– Как восхитительно это зеркало передает твой образ, Гвендолин! Или тебе просто идет сочетание черного и золотого цветов? – заметила матушка, пока дочь стояла, повернувшись в три четверти оборота и левой рукой откидывая со лба непослушный локон.

– С венком из белых роз из меня получилась бы сносная святая Цецилия, – согласилась Гвендолин. – Вот только что делать с носом, мама? Вряд ли у святых были курносые носы. Жаль, что мне не достался твой безупречно прямой нос: уж он-то точно подошел бы к любой судьбе, годится на все случаи жизни, – а мой создан только для счастья, к трагедии его никак не приспособить.

– Ах, дорогая, в этом мире можно стать несчастной с любым носом, – печально вздохнула миссис Дэвилу, сняла черную шляпку и с досадой бросила ее на стол.

– Вот что, мама, – протестующим тоном заявила Гвендолин и в раздражении отвернулась от зеркала, – только не начинай ныть. Не порти удовольствие хотя бы сейчас, когда все так хорошо. Скажи на милость, о чем можно печалиться в эту минуту?

– Ни о чем, дорогая, – ответила миссис Дэвилу, стараясь взбодриться. – Достаточно видеть, что ты довольна и счастлива.

– Но и ты должна быть довольна и счастлива, – раздраженно возразила Гвендолин, в то же время заботливо помогая маме раздеться. – Разве, переступив порог первой молодости, нельзя быть счастливой? Иногда начинает казаться, что все в жизни бесполезно. Когда девочки доставляют массу хлопот, Джокоза такая деревянная и безобразная, все вокруг нас временное и ненастоящее, а ты постоянно грустна, какой смысл быть яркой и интересной? Но уж сейчас-то можно почувствовать себя счастливой!

– Обязательно, дорогая, – пообещала миссис Дэвилу, нежно похлопав дочь по щеке.

– Только по-настоящему, без притворства, – с суровой настойчивостью потребовала Гвендолин. – Посмотри на свои руки! Моим до них далеко. Сразу видно, что ты была гораздо красивее.

– Нет-нет, дорогая, я всегда выглядела тяжелее и не обладала даже половиной твоего очарования.

– Но какой смысл в очаровании, если потом жизнь все равно оказывается скучной и унылой? Замужество всегда заканчивается безразличием и тоской?

– Нет, дитя мое. Разумеется, нет. Замужество – единственное счастливое состояние женщины. Надеюсь, ты это докажешь.

– Я ни за что не стану терпеть, если брак окажется неудачным, и твердо намерена найти свое счастье – по крайней мере, я не собираюсь попусту тратить жизнь, как другие, не представляя собой ничего интересного и не совершая ничего выдающегося. Я решила не позволять людям вмешиваться в мои дела, как прежде. Вот теплая вода, мама, – закончила Гвендолин и, сняв платье, села перед зеркалом, дожидаясь, когда мама соберет ее волосы в пучок.

Минута-другая прошла в молчании, пока миссис Дэвилу не проговорила:

– Я уверена, что никогда ни в чем тебе не перечила.

– Но ты часто просишь делать то, что мне не нравится.

– Ты имеешь в виду занятия с Эллис?

– Да. И я это делаю, чтобы тебя не огорчать, но не понимаю, с какой стати и зачем. Я умираю от скуки! Она так медленно соображает. Не способна ни к музыке, ни к языкам, ни к чему-то другому. Пожалуй, ей лучше остаться невежественной. Такова ее роль, мама, и она отлично ее исполнит.

– Жестоко так отзываться о бедной сестре, которая искренне тебя любит и в любой момент готова услужить.

– Не понимаю, чем жестоко стремление называть вещи своими именами и все раскладывать по полочкам. Жестоко заставлять меня попусту тратить на нее время. Позволь, мама, я заколю твои волосы.

– Надо спешить: скоро приедут твои дядя и тетя. Ради бога, дитя мое, разговаривай с ними без пренебрежения и насмешки. И не дразни кузину Анну, ведь вам придется повсюду

ходить вместе. Обещай, Гвендолин. Сама понимаешь: невозможно ожидать от Анны равенства с тобой.

– Я вовсе не хочу, чтобы она в чем-то со мной сравнялась, – ответила Гвендолин, гордо вскинув голову и высокомерно улыбнувшись. На этом обсуждение закончилось.

Когда приехали мистер и миссис Гаскойн с дочерью, о высокомерии Гвендолин не могло быть и речи: она вела себя со всей возможной любезностью. Вынужденная заново знакомиться с родственниками, с которыми в последний раз виделась в неполных шестнадцать лет, она старалась завоевать – нет, даже не старалась, а уверенно завоевывала их восхищение.

Чертами лица миссис Гаскойн чрезвычайно напоминала сестру, однако выглядела более смуглой и стройной. Движения ее не казались столь же медлительными и вялыми. Лицо не хранило печати пережитого горя, а производило впечатление живости и критического настроения, как и подобает супруге священника, призванной осуществлять благотельное управление всеми насущными делами прихода. Пожалуй, главное сходство сестер заключалось в мягкости манер, в склонности к подражанию и подчинению. Однако, в силу различия жизненных обстоятельств, это свойство натуры привело к противоположным результатам. Младшая из сестер оказалась опрометчивой или, по крайней мере, несчастной в браках, в то время как старшая считала себя самой удачливой из жен. Невероятная гибкость ума и стремление угодить супругу порою приводили к удивительной твердости и прямолинейности. Многие ее взгляды – в частности, относительно церковного управления и личности архиепископа Лауда – казались чересчур радикальными, если учесть, что жена пастора вряд ли могла сформировать мнение, отличное от мнения мужа. Авторитет ее супруга заслуживал полного и несомненного доверия. Мистер Гаскойн обладал рядом приятных добродетелей и впечатляющих достоинств, даже приписываемые ему недостатки в конечном счете приводили к успеху.

Одно из серьезных преимуществ приходского священника заключалось в его красоте, даже в пятьдесят семь лет производившей впечатление более сильное, чем в молодости. Лицо его не отличалось пасторским выражением, а в манерах не ощущалось ни чопорности, ни наигранной легкости. В свободном плаще с капюшоном он походил не на служителя церкви, а на красивого джентльмена с крупным с горбинкой носом и некогда черными, а теперь седыми, со стальным оттенком, волосами. Не исключено, что отсутствием клерикальной заправки, проникающей в плоть, кровь, голос и жесты, пастор Гаскойн был обязан тем временам, когда звался капитаном Гаскином: духовный сан и дифтонг в фамилии он получил незадолго до помолвки с мисс Эрмин. Если кто-то смел указать на то, что он имеет недостаточную для пастора подготовку, сторонники мистера Гаскойна спрашивали, найдется ли среди клерикального сообщества тот, кто выйдет на кафедре внушительнее, проповедует убедительнее и пользуются большим авторитетом среди прихожан? Мистер Гаскойн обладал природным даром руководителя, терпимо относился к любым мнениям и поступкам, поскольку знал, что способен настоять на своем, и не страдал раздражительностью, свойственной тем, кто сознает собственную слабость. Он приятно улыбался, сталкиваясь со странностями вкусов, которых не разделял, – в частности, с популярными среди местного духовенства увлечениями: садоводством и собиранием антикварных вещей. Сам же предпочитал следить по историческим картам за ходом турецкой кампании или предсказывать действия графа Нессельроде в том случае, если бы английский кабинет избрал другой курс. После долгих молчаливых сомнений и глубоких раздумий мистер Гаскойн приобрел не столько теологический, сколько духовный образ мысли – не современный англиканский, а тот, который он назвал бы чисто английским, свободным от предрассудков. Подобный взгляд характерен для человека, смотрящего на национальную религию благоразумно и применительно к иным аспектам жизни. Ни один из членов церковного магистрата не обладал более значительным весом на заседаниях, чем он, и никто не делал менее его ошибок в мирских делах. Действительно, самым суровым обвинением в его адрес могла бы стать практичность. Невозможно было доказать, что он отворачивался от менее

удачливых коллег, но в то же время предпочитал завязывать отношения, выгодные с точки зрения отца шести сыновей и двух дочерей. Критически настроенные наблюдатели – а десять лет назад в графстве Уэссекс обитали люди, чья склонность к критике теперь может показаться неправдоподобной, – утверждали, что его мнение изменялось в соответствии именно с этим принципом действий.

Гвендолин удивилась тому, что совсем забыла, насколько красив дядя, но в шестнадцать лет была слишком неопытным и равнодушным судьей. Сейчас, однако, близкое соседство столь представительного родственника приобрело чрезвычайный интерес: наконец-то семейная жизнь утратит вялый, сугубо женский характер. Позволить дяде руководить собой она не собиралась, однако радовалась тому обстоятельству, что он с гордостью будет представлять ее как свою племянницу. Несомненные признаки гордости проявились с первой минуты встречи. Восхищенно глядя на Гвендолин, мистер Гаскойн заметил:

– Ты намного выше Анны, дорогая.

Нежно обняв дочь, чье смущенное лицо представляло крошечную копию его собственного, он заставил девушку подойти ближе.

– Кузина на год моложе тебя, но, конечно, уже перестала расти. Надеюсь, вы сумеете найти общий язык.

Окинув дочь оценивающим взглядом, он отметил, что, хотя скромность и миниатюрность Анны и уступали броской красоте племянницы, соперницами девушки никогда не станут. Гвендолин поняла это сразу, а потому сердечно обняла кузину и любезно заверила:

– Дружеское общение – именно то, о чем я мечтаю. Я так рада, что мы приехали сюда жить! Рядом с вами, тетушка, мама почувствует себя намного счастливее.

Миссис Гаскойн выразила искреннюю уверенность, что так и будет, а подходящий дом в приходе мужа назвала истинным благословением. Затем, разумеется, внимание переключилось на четырех младших сестер. Гвендолин считала их посредственными и всегда воспринимала как обузу, полагая, что относится к ним намного добрее, чем следовало бы. Дядя и тетя, по ее мнению, тоже были огорчены и разочарованы таким количеством девочек. Да и кто мог испытывать иные чувства, кроме бедной мамы? Она не замечала, что Эллис принимала жеманные позы и безобразно скидывала брови, Берта и Фанни все время шушукались и хихикали, а Изабель всегда подслушивала и подсматривала и постоянно наступала на ноги старшим сестрам.

– У тебя есть братья, Анна, – заметила Гвендолин, пока девочки получали свою порцию внимания. – Можно позавидовать.

– Да, – просто ответила Анна. – Я очень их люблю, но папа озабочен образованием мальчиков. Раньше он говорил, что в такой компании я тоже вырасту сорванцом. Мы с Рексом постоянно вместе хулиганили. Он приедет домой на Рождество. Надеюсь, он сразу тебе понравится.

– Помню, в детстве ты казалась мне довольно нелюдимой и стеснительной, а вот представить тебя сорванцом трудно, – с улыбкой ответила Гвендолин.

– Конечно, сейчас я стала другой: начала появляться в обществе, и все такое, – но на самом деле так же, как прежде, люблю собирать ягоды вместе с Эдви и Лоттой, а светская жизнь не доставляет мне большого удовольствия. Надеюсь, выезжать вместе с тобой будет намного приятнее. Я не могу похвастаться умом и никогда не знаю, что сказать. Всем известные истины повторять не хочется, а ничего другого придумать не могу: вспоминается только то, что говорит папа.

– Я буду очень рада проводить время вместе с тобой, – заверила Гвендолин, проникшись симпатией к наивной кузине. – Ты любишь ездить верхом?

– Да. Только у нас на всех один-единственный шотландский пони. Папа говорит, что больше купить не может, ведь еще необходимо содержать экипаж и его собственную верховую лошадь. Расходы значительные.

– Я тоже собираюсь приобрести лошадь и много времени проводить в седле, – решительно заявила Гвендолин. – Здесь приятное общество?

– Папа считает, что очень приятное. Правда, главным образом священники. Но есть также Кволлоны, Эрроупойнты, лорд Брэкеншо и сэр Хьюго Мэллинджер, который, впрочем, не живет в своем поместье. А там очень красиво. Замечательное место для пикников. Две-три интересных семьи живут в Вончестере, а еще старая миссис Валкони из Наттингвуда и...

От дальнейшего испытания памяти и красноречия Анну избавило известие о грядущем обеде, а на вопрос Гвендолин вскоре косвенно ответил дядюшка, не жалевший красок для описания бесконечных достоинств найденного им дома. Помимо арендной платы Оффендин требовал не больше расходов, чем обычный дом в Вончестере.

– Всегда имеет смысл принести небольшую жертву ради достойного стиля дома, – заявил мистер Гаскойн легким, жизнерадостным и уверенным тоном, от которого весь окружающий мир казался вполне удобным для обитания местом. – Особенно если глава семьи – леди. К вам начнут ездить все лучшие люди округа, а устраивать дорогие обеды вовсе не обязательно. Правда, мне приходится тратить на приемы значительные суммы, так что это существенная статья расходов. Но ведь дом достается мне даром. Если бы пришлось платить за него три сотни в год, держать стол уже было бы не на что. Огромных средств требует обучение мальчиков. Ваша семья находится в более выгодном положении, чем наша: никаких затрат, кроме дома и экипажа.

– Уверю тебя, Фанни, теперь, когда дети подрастают, приходится постоянно экономить и выкручиваться, – подхватила тему миссис Гаскойн. – По натуре я плохая хозяйка, но Генри научил меня многому. Он умеет все сделать наилучшим образом, не позволяет себе никаких лишних расходов и даже помощников-викариев находит даровых. Достаточно неприятно, что, в отличие от других, он еще не стал пребендарием или кем-то в этом роде, особенно если учесть его связи и острую необходимость иметь на местах людей, обладающих умеренными взглядами по всем важным вопросам. Чтобы церковь сохранила свое положение, способности и характер ее служителей должны говорить сами за себя.

– Ах, дорогая Нэнси, ты забыла старую историю: хвала небесам, есть еще триста таких же прекрасных священников, как я. А главное, я уверен, что оснований для жалоб у нас нет и не будет. Трудно отыскать друга более надежного, чем лорд Брэкеншо, – кстати, Фанни, это твой домовладелец. Леди Брэкеншо непременно нанесет вам визит. Я уже беседовал о вступлении Гвендолин в наш клуб стрелков из лука – так называемый «Клуб Брэкеншо», – самое избранное сообщество, которое только можно представить. Разумеется, если она не возражает, – добавил мистер Гаскойн, с иронией глядя на племянницу.

– О большем счастье и мечтать невозможно. Нет на свете ничего лучше, чем целиться и поражать цель, – ответила Гвендолин, грациозно кивнув и очаровательно улыбнувшись.

– Наша Анна, бедняжка, слишком близорука для стрельбы, но себя я считаю первоклассным лучником, так что готов обучать племянницу. К июлю, когда состоится главное состязание года, я обязуюсь превратить Гвендолин в законченного мастера. С точки зрения соседских отношений трудно представить место более удачное. Вот, например, Эрроупойнты – одно из наших лучших семейств. Мисс Эрроупойнт – восхитительная девушка, представлена ко двору. Их поместье – Кветчем-Холл – настоящее произведение искусства, а балы, на которые тебя непременно будут приглашать, – лучшие в округе. Архидиакон – свой человек в доме, да и другие хорошие люди постоянно гостят. Миссис Эрроупойнт, конечно, особа крайне пикантная – можно сказать, карикатурная, – но при этом чрезвычайно благодушная. А вот мисс Эрроупойнт невероятно хороша собой. Так что не всем молодым леди достались такие же красивые и изящные матушки, как тебе и Анне.

В ответ на небольшой комплимент миссис Дэвилоу лишь слабо улыбнулась, а муж с женой переглянулись с такой откровенной нежностью, что Гвендолин подумала: «По край-

ней мере, дядя и тетя счастливы, а не унылы и мрачны». Жизнь в Оффендине открывала огромные преимущества, особенно по сравнению с теми условиями, с которыми приходилось мириться прежде. Даже, как случайно выяснилось, даровые викарии почти всегда были молодыми людьми из хороших семей, а мистер Мидлтон – нынешний помощник – был настоящий клад. Жаль только, что скоро он должен уехать.

Однако существовал один вопрос, до такой степени волновавший Гвендолин, что она не могла допустить, чтобы вечер прошел без попытки приблизиться к его разрешению. Как известно, управление расходами мама собиралась всецело предоставить зятю. Подобное намерение диктовалось не только благоразумными соображениями. Сознывая, что в глазах родственников она всегда оставалась «дорогой бедняжкой Фанни», второй брак которой оказался печальной ошибкой, миссис Дэвилу находила сердечную радость и удовлетворение в искреннем единении с семьей сестры, а потому с готовностью поручала свои дела авторитетному, основанному на глубоком интересе управлению. Следовательно, вопрос о подходящей верховой лошади, уже в достаточной степени обсужденный с мамой, следовало задать мистеру Гаскойну. Сыграв на специально доставленном из Вончестера фортепиано, восхитив слушателей пением и убедив дядю выступить с ней в дуэте – разве есть на свете что-нибудь, способное столь же благоприятно повлиять на человека, который пел бы чудесно, если бы не мешали иные, более важные дела? – Гвендолин выбрала удобный момент и напомнила:

– Мама, ты еще не побеседовала с дядей о моих прогулках верхом.

– Больше всего на свете девочка мечтает получить собственную лошадь – красивую легкую дамскую лошадь, – послушно проговорила миссис Дэвилу, доверчиво глядя на мистера Гаскойна. – Как по-твоему, мы можем себе это позволить?

Выпятив нижнюю губу и саркастически вскинув брови, мистер Гаскойн посмотрел на племянницу. Гвендолин тем временем изящно устроилась на подлокотнике маминого кресла.

– Мы можем иногда давать ей пони, – поспешила с ответом миссис Гаскойн, наблюдая за выражением лица мужа и с готовностью разделяя его неодобрение.

– Это доставит неудобство другим, тетушка, но не принесет мне ни малейшего удовольствия. Я терпеть не могу пони, – возразила Гвендолин. – Ради лошади я готова отказаться от какой-нибудь другой привилегии.

(Живет ли на свете молодая леди или молодой джентльмен, не готовые отказаться от некой неясной привилегии ради достижения вполне конкретной, желанной цели?)

– Девочка отлично держится в седле. Брала уроки верховой езды, и учитель сказал, что она обладает такой хорошей посадкой и настолько крепкой рукой, что справится с любым, даже самым норовистым конем, – добавила миссис Дэвилу. Даже не желая, чтобы любимая дочка получила лошадь, она считала себя обязанной сделать все возможное, чтобы Гвендолин все-таки добилась цели.

– Подумайте, сколько стоит лошадь – самое меньшее шестьдесят фунтов. Да еще надо учесть расходы на содержание, – заметил мистер Гаскойн тоном хотя и полным сомнений, но в то же время выдававшим согласие удовлетворить требование. – Мы ведь держим экипаж с упряжкой – уже серьезное бремя. К тому же, леди, не забывайте, сколько сейчас стоят ваши наряды.

– Лично я не ношу ровным счетом ничего, кроме двух черных платьев, – торопливо возразила миссис Дэвилу. – Да и младшие девочки пока не нуждаются в туалетах. А Гвендолин сэкономит мне значительную сумму, если будет давать сестрам уроки. – Нежные щеки «бедняжки Фанни» стремительно покрылись румянцем. – Если бы не ее помощь, пришлось бы нанимать более дорогую гувернантку, да еще и учителей.

Мамины слова рассердили Гвендолин, но она постаралась скрыть гнев.

– Вот это хорошо. Действительно хорошо, – с воодушевлением заключил мистер Гаскойн, глядя на жену.

А Гвендолин, которая, следует признать, обладала глубокой проницательностью, внезапно удалилась в противоположный конец длинной гостиной и принялась разбирать ноты.

– Милая девочка совершенно лишена развлечений и радостей, – тихо, умоляющим тоном проговорила миссис Дэвилоу. – На мой взгляд, в первый же год на новом месте подобная трата опрометчива. Но Гвендолин действительно нуждается в движении. Нуждается в веселье. А если бы вы увидели ее в седле, то согласились бы, что это зрелище поистине великолепно.

– Анне мы не можем позволить такую роскошь, – призналась миссис Гаскойн. – Но бедняжка безропотно согласилась бы ездить и на ослике и осталась бы довольна.

В это время Анна увлеченно играла с Изабель, которая где-то обнаружила старые нарды и упростила маму посидеть еще часок.

– Конечно, красивая женщина нигде и никогда не выглядит лучше, чем в седле, – заметил мистер Гаскойн. – А Гвендолин к тому же обладает прекрасной фигурой амазонки.

– Во всяком случае, можно попробовать взять лошадь на время, – предложила миссис Гаскойн. – А при необходимости отказаться.

– Пожалуй, проконсультируюсь со старшим конюхом лорда Брэкеншо. В лошадиных делах он – мой верный Ахат³.

– Спасибо, – не скрывая облегчения, поблагодарила миссис Дэвилоу. – Вы так добры.

– Генри никогда не откажет в просьбе, – вставила миссис Гаскойн, а вечером, оставшись с мужем наедине, с упреком заявила: – По-моему, в отношении лошади для Гвендолин ты проявил почти чрезмерную мягкость. Ей не следует просить намного больше того, о чем думает твоя дочь. Особенно прежде, чем мы увидим, как Фанни распоряжается своим доходом. Разве тебе не хватает собственных дел, чтобы наваливать на себя еще и эти заботы?

– Дорогая Нэнси, надо рассматривать обстоятельства со всех точек зрения. Эта девушка действительно достойна некоторых затрат: нечасто увидишь ей равную. Она обязана блестяще выйти замуж, а я не выполню свой долг, если не сделаю все возможное, чтобы помочь ей предстать в выгодном свете. Ты ведь и сама понимаешь, что с таким отчимом она всегда оставалась в тени, в невыгодном положении. Я испытываю к девушке глубокие родственные чувства. Больше того: я хочу, чтобы твоя сестра и все ее дети убедились, что твой выбор при замужестве был более удачный, чем ее.

– Намного более удачный! В этом я уверена. И все же я глубоко благодарна за то, что ради моей сестры и ее детей ты взвалил на плечи такую тяжесть. Конечно, я никогда и ни в чем не упрекну бедную Фанни, но не могу не думать об одном обстоятельстве, хотя ты ни словом о нем не упомянул.

– О чем же?

– О мальчиках. Надеюсь, они не воспылают нежными чувствами к Гвендолин.

– Не думай ни о чем подобном, дорогая, и ничего не случится. Рекс никогда не приезжает домой надолго, а Уорхэм вообще собирается в Индию. Самая мудрая позиция для нас – представить как само собой разумеющееся, что любовь между кузенами невозможна. А если ты начнешь принимать меры предосторожности, то чувство вспыхнет помимо их воли. Нельзя брать на себя роль Провидения в тех вопросах, которые так же трудно держать под контролем, как выводок цыплят. У наших сыновей ничего нет, и у Гвендолин ничего нет. Брак между ними невозможен. В худшем случае немного поплачут, но спасти мальчиков и девочек от слез невозможно.

Миссис Гаскойн успокоилась: если что-то и случится, муж твердо знает, что делать, и обладает достаточной энергией, чтобы принять необходимые меры.

---

³ Fidus Achátēs (лат.) – т. е. верный друг, наперсник.

Глава IV

Пожалуй, было бы излишне обвинять пастора прихода Пенникот в том, что, рассматривая сложившиеся обстоятельства со всех точек зрения, он увидел в Гвендолин молодую леди, способную заключить блестящий брак. На каком основании следовало бы ожидать, что в этом вопросе он отличался от современников и не желал племяннице лучшего итога очаровательного девичества из всех возможных вариантов? К чести мистера Гаскойна, по этому вопросу в его душе родились исключительно благие чувства. А если рассуждать о соотношении средств и целей, было бы поистине глупо руководствоваться из ряда вон выходящими, идиллическими примерами – в частности, советовать, чтобы Гвендолин ходила в таком же потрепанном платье, как Гризельда⁴, и тогда в нее влюбится маркиз, или настаивать, чтобы молодая леди держалась в стороне от общества, поскольку красавицу необходимо отыскать в глуши. Расчеты доброго дядюшки были исключительно рациональными: он даже не задумался о возможности приобретения слишком резвой лошади, чтобы Гвендолин оказалась в опасности, а некий богатый джентльмен ее спас. Он искренне желал племяннице добра и стремился представить ее местному обществу в самом выгодном свете.

Намерения родственника наилучшим образом совпали с собственными устремлениями Гвендолин, однако не следует полагать, что она также рассматривала блестящий брак как естественный результат покорения мира обворожительной грацией в седле или множеством иных достоинств. Гвендолин признавала, что выйти замуж рано или поздно все равно придется, но была твердо уверена, что брак ее окажется далеким от тех заурядных союзов, которыми довольствуется большинство девушек, и эта уверенность не нуждалась в аргументах и подтверждениях. Однако мысли Гвендолин никогда не касались брака как осуществления честолюбивых планов. Те драмы, где она воображала себя главной героиней, никогда не достигали подобного финала. Успех, ухаживания, предложения руки и сердца, безнадежные вздохи казались неотъемлемыми и приятными свидетельствами женской власти, однако роль жены с бесчисленными домашними хлопотами и тяготами этого положения представлялась досадной необходимостью. Наблюдения за семейной жизнью привели к выводу, что брак – унылое, безотрадное состояние, в котором женщина не может делать то, что хочет, имеет больше детей, чем желает, и в результате влачит жалкое существование, безвозвратно погрузившись в однообразие повседневности. Конечно, брак означал немыслимое для одинокой женщины восхождение по социальной лестнице. Однако порою восхождению сопутствовала настойка из горьких трав: титул пэра не удовлетворит мужчину, стремящегося к власти, а эта двадцатилетняя изящная сильфида жаждала именно власти, ибо подобные страсти бушуют и в женской душе. Впрочем, в душе Гвендолин страсти ограничивались сугубо светской обстановкой и не имели отношения к распространению образования или усовершенствованию конституции. Круг ее знаний не предполагал таких понятий, как точка опоры или длина рычага, необходимая и достаточная, чтобы повернуть мир к прогрессу. Она собиралась заниматься тем, что доставляло удовольствие, и делать это восхитительно; точнее говоря, любые поступки, способные поразить окружающих и отразиться в душе обжигающе ярким восприятием жизни, представляли в воображении приятными и желанными.

– Гвендолин не успокоится, пока весь мир не окажется у ее ног, – заявила кроткая гувернантка мисс Мерри.

Эта расхожая метафора давно получила узкий смысл, ибо кто не слышал о юных красавицах, у чьих ног лежал весь мир в образе полудюжины поклонников из респектабельных пригородов? Впрочем, иначе как иносказательно вряд ли можно было описать перспективу

---

⁴ Гризельда – героиня одной из новелл книги «Декамерон» Дж. Боккаччо.

туманного величия мисс Харлет, парящей на вершине юношеского самолюбования. Другие позволяли превращать себя в рабов и швырять собственную жизнь из стороны в сторону подобно потерявшим управление кораблям. С ней такого случиться не могло, она больше не собиралась приносить себя в жертву людям более низкого достоинства, а, напротив, готовилась использовать каждый предложенный судьбой шанс и победить обстоятельства своим выдающимся умом. Разумеется, жизнь в Оффендине, где самыми яркими событиями могли считаться записка от леди Брэкеншо, прием в клуб лучников или приглашение на обед у Эрроупойнтов, вряд ли изобиловала разнообразными возможностями, однако решимость Гвендолин основывалась в первую очередь на вере в собственные силы. Она чувствовала, что прекрасно подготовлена к господству над жизнью. Многие обстоятельства своей прошлой жизни она считала достаточно суровыми, но в то же время признавала, что в отношении «образования» находилась в весьма выигрышном положении. В школе ее быстрый ум набрался тех поверхностных знаний, которые спасают невежество от болезненного осознания своего ничтожества; что же касается оставшейся сферы познания, то она считала, что в достаточной степени ознакомилась с ней посредством романов, пьес и стихов. В отношении двух определяющих достоинств молодой леди – французского языка и музыки – ни малейшего повода для беспокойства не существовало. Если же ко всем этим качествам, как положительным, так и отрицательным, добавить непосредственное осознание собственной правоты, с которым приходят в этот мир отдельные счастливые личности, способные во всем, что привлекает внимание, находить яркое свидетельство верности собственных суждений, то кто удивится, что Гвендолин не сомневалась, что готова управлять судьбой?

В мире существовало немало тем и предметов – возможно, их было большинство, – которыми она не интересовалась, считая скучными; дело в том, что нередко молодым людям темы и предметы кажутся скучными точно так же, как старикам скучным кажется тусклый свет. И все же, если возникал подобный разговор, Гвендолин вовсе не страдала от беспомощности. Не стоит забывать, что никто и никогда не ставил под сомнение силу ее ума и общее превосходство. Как на ступенях дома в Оффендине, так и внутри его окружающие всегда первым делом интересовались, что думает Гвендолин. Если лакей тяжело шагал в скрипучих башмаках или работа прачки никуда не годилась, горничная заявляла:

– Мисс Харлет будет недовольна.

И даже если в камине спальни дымили дрова, миссис Дэвилу, чьи слабые глаза начинали болеть и слезиться, извинялась перед дочерью за неудобство. А когда во время утомительного путешествия она не выходила к столу до конца завтрака, возникал лишь один вопрос: как сохранить кофе горячим, а тосты хрустящими. Но вот, наконец, Гвендолин появлялась с тщательно расчесанными, блестящими волосами и сияющими из-под длинных густых ресниц, словно омытые волнами ониксы, восхитительными глазами. Сразу оказывалось, что именно она вынуждена проявлять ангельское терпение: просить сидевшую в ожидании Эллис не поднимать так ужасно плечи или требовать, чтобы Изабель прекратила задавать бесконечные вопросы и немедленно отправилась к мисс Мерри.

Гвендолин неизменно представляла принцессой в изгнании. В дни голода ей к завтраку полагалась свежее испеченная булочка из тщательно просеянной муки, а среди общей неустроенности ее персональная серебряная вилка должна была храниться не в багаже, а отдельно, в полной боевой готовности. Чем это объяснить? Причин было несколько: красота Гвендолин, явная необычность ее облика, решимость воли, осязаемая в грациозных движениях и в чистом, не затуманенном сомнениями голосе. Если дождливым днем она входила в комнату, где все страдало от скуки и не представляли, чем можно заняться, сразу возникал убедительный стимул к активной жизни. Завидев ее, даже официанты в отелях принимались энергичнее сметать со столов крошки, расправлять складки на скатертях и убирать тарелки с остатками еды и застрявшими мухами. Сила обаяния в сочетании с тем обстоятельством, что Гвендолин была

старшей дочерью, перед которой матушка постоянно испытывала чувство вины за дурное обращение отчима, настолько полно и убедительно объясняло существование ее домашней империи, что искать иную причину было все равно что спрашивать, откуда берется дневной свет, когда сверкает солнце. Однако делать выводы без сравнений опасно. Помню, что я не раз встречала подобное поклонение особам, не наделенным ни красивой или необычной внешностью, ни решительностью. К тому же они вовсе не были старшими дочерьми нежной застенчивой матери, испытывающей угрызения совести за доставленные неудобства. Единственное сходство между всеми подобными личностями заключалось в несокрушимом стремлении получить то, что доставляло удовольствие, в сочетании с бесстрашной готовностью открыто выплеснуть на близких недовольство и даже опасный гнев, если достичь цели не удавалось. Кого с почти-тельным трепетом убаживают и обхаживают слабые женщины, если не беспринципного мужчину, способного, когда дома негде развернуться, отправиться туда, где не существует пределов и границ? Поэтому я считаю необходимым выразить собственное мнение: даже обладая безусловным обаянием и особым положением в глазах любящей матери, Гвендолин могла бы воздержаться от исполнения роли королевы в изгнании. Правда, для этого потребовалось бы обуздать врожденную энергию эгоистичных желаний и способность вселять в окружающих страх перед своими словами и поступками. И все же очарование побеждало: те, кто боялся, не переставали ее обожать. Возможно, как страх, так и обожание усиливались качеством, которое правильнее всего назвать изменчивостью характера – игрой различных, и, больше того, противоречивых стремлений. Рассуждение Макбета о невозможности одновременно представлять собой множество противоположных сущностей относилось к суровым действиям, а вовсе не к тонким чувствам. Нельзя произнести слова преданности и в то же время подло смолчать, нельзя одновременно убить и не убить, однако даже мига достаточно, чтобы проявить и благородное, и низкое желание, вынашивать коварные мысли и немедленно испытывать чувство раскаяния.

Глава V

Прием, оказанный Гвендолин соседями, вполне оправдал ожидания дяди. Везде, от Брэнкшо-Касла до поместья «Пихты» в Вончестере, где на широкую ногу жил банкир мистер Кволлон, красавицу приняли с нескрываемым восхищением. Даже те леди, у которых она не вызвала безусловного одобрения, обрадовались привилегии приглашать к себе новую интересную особу. Стоит ли напоминать, что часто принимающие гостей хозяйки должны составлять списки обедающих с той же осмотрительностью, с какой министры формируют свои кабинеты – исходя не только из личной симпатии. К тому же, чтобы заполучить Гвендолин в качестве гостыи, вовсе не требовалось приглашать кого-то неприятного – миссис Дэвилу выступала в роли тихой, благопристойной дуэньи, а мистер Гаскойн с готовностью соглашался на любые предложения.

Среди тех домов, где Гвендолин не очень любили, однако с готовностью принимали, следует назвать Кветчем-Холл. Одним из первых светских раутов мисс Харлет стал большой обед у Эрроупойнтов, где произошло официальное представление ее местному обществу. Дело в том, что в тщательно подобранный по возрасту элитный круг из тридцати человек вошли представители почти всех достойных внимания семейств. Но ни одна молодая особа не могла сравниться с Гвендолин, когда та в белых одеждах, подобно видению, прошла по длинной анфиладе украшенных цветами и огнями комнат. Никогда прежде мисс Харлет не присутствовала на столь торжественных мероприятиях, но в эти минуты с восторгом ощущала, что произвела впечатление своим парадным выходом. Впервые увидевший красавицу наблюдатель мог предположить, что роскошные залы и множество лакеев вдоль стен – обычное явление ее жизни, в то время как кухня Анна, действительно хорошо знакомая с обстановкой, растерялась почти так же, как внезапно попавший в яркий луч света кролик.

– Кто это шествует рядом с Гаскойном? – поинтересовался архидиакон, отвлекаясь от обсуждения военных маневров, к которым, как истинный священнослужитель, питал естественную склонность.

А в противоположном конце комнаты его сын – подававший большие надежды молодой ученый, уже успевший прославиться новыми переводами греческих текстов, – почти в тот же момент воскликнул:

– Боже милостивый! Что это за античная богиня с великолепно поставленной головой и восхитительной фигурой?

Однако благодушно настроенному уму, желающему, чтобы все вокруг выглядели хорошо, было больно видеть, насколько Гвендолин превосходила и затмевала остальных. Даже красивая мисс Лоу, известная как дочь леди Лоу, внезапно показалась коренастой, неуклюжей и тучной, а мисс Эрроупойнт, к несчастью, также одетая в белое, сразу напомнила портрет дамы, в котором интерес представляло исключительно ее платье. Но если мисс Эрроупойнт пользовалась всеобщей симпатией за естественную простоту и легкость, с которой несла груз своего богатства и сглаживала странности в поведении матушки, то в привлечшем всеобщее восторженное внимание изысканном облике Гвендолин отмечалось нечто неуместное.

– Если внимательно рассмотреть лицо мисс Харлет, она вовсе не покажется красивой, – в разгар вечера заметила миссис Эрроупойнт в доверительной беседе с миссис Валкони. – Всего лишь обладает определенным стилем, на первый взгляд производящим неотразимое впечатление, но потом оказывается менее привлекательной.

Случилось так, что, вовсе того не желая, а стремясь к противоположному эффекту, Гвендолин оскорбила хозяйку дома – особу не вспыльчивую и не раздражительную, однако обладающую некоторой впечатлительностью. В натуре леди Кветчем, по мнению местных резонеров, просматривались некоторые особенности, неразрывно между собой связанные. Так, упомина-

лось, что она унаследовала огромное состояние, нажитое посредством не слишком благородного бизнеса в городе, и это обстоятельство в полной мере объясняло приземистую квадратную фигуру, резкий, похожий на крик попугая, голос и невероятно высокую прическу. Так как эти детали делали ее внешний вид нелепым, многие полагали вполне естественным, что эта леди имела и литературные наклонности. Однако даже при поверхностном сравнении легко доказать, что все эти качества существуют независимо друг от друга: дочери членов городского управления обладают прекрасной фигурой и правильными чертами лица; миловидные женщины порою наделены резкими или хрипылыми голосами, а создание слабых литературных произведений свойственно людям с чрезвычайно разнообразными физическими особенностями, будь то мужчины или женщины.

Гвендолин, зорко отмечавшая в окружающих мельчайшую нелепость или странность, но расположенная к любому, кто способен сделать ее жизнь приятной, собиралась завоевать расположение миссис Эрроупойнт, проявив такой интерес и внимание, какого не проявляли остальные гости, однако самоуверенность чаще всего основана на воображаемой глупости собеседников. Точно так же обеспеченные люди разговаривают с бедняками льстивым тоном, а те, кто пребывает во цвете лет, нарочито повышают голос и упрощают речь в беседе со старшими, заведомо считая их глухими и бестолковыми.

При всем своем уме и стремлении казаться любезной Гвендолин не избежала подобной ошибки: не дав себе труда поразмыслить, заранее решила, что если миссис Эрроупойнт нелепа, то наверняка не отличается прозорливостью, а потому разыграла небольшую сценку, не подозревая, что без внимания не остались даже малейшие оттенки ее поведения.

– Говорят, вы любите читать, а также увлекаетесь музыкой, верховой ездой и стрельбой из лука, – начала беседу миссис Эрроупойнт, после обеда подойдя к Гвендолин в гостиной. – Кэтрин обрадуется такой разносторонней соседке.

Эти слова, произнесенные негромким мелодичным голосом, прозвучали бы самым блажелательным комплиментом, однако сказанные резким, непомерно громким тоном показались Гвендолин унизительно покровительственными, и она игриво ответила:

– Напротив, я считаю, что это мне необыкновенно повезло. Мисс Эрроупойнт сможет объяснить, что такое хорошая музыка. Я готова поступить к ней в ученицы. Слышала, что она хороший исполнитель.

– Кэтрин, несомненно, обладает прекрасными музыкальными способностями. Сейчас у нас живет первоклассный музыкант герр Клезмер; возможно, его произведения вам известны. Я вам его представлю. Полагаю, вы поете. Кэтрин играет на трех инструментах, но не поет. Надеюсь, вы порадуете нас своим искусством. Говорят, вы настоящая певица.

– О нет! «Мастерство ничтожно, однако стремление велико», как заметил Мефистофель.

– Ах, вы с легкостью цитируете Гёте! В наши дни молодые леди так глубоко образованны. Полагаю, вы уже прочитали все на свете.

– Нет, далеко не все. Буду рада, если посоветуете, что следует прочитать. Я просмотрела книги, хранящиеся в библиотеке Оффендина, но не нашла ничего интересного. Страницы слиплись и пахнут плесенью. Я хочу писать книги для собственного развлечения, как это делаете вы! До чего же, должно быть, приятно создавать сюжет по собственному вкусу, вместо того чтобы читать чужие сочинения! Книги домашнего изготовления, очевидно, кажутся особенно милыми.

Сатирический оттенок последних слов заставил миссис Эрроупойнт внимательно посмотреть на юную гостью, однако Гвендолин по-девичьи невинно воскликнула:

– Ради собственной книги я готова отдать все, что угодно!

– Так что же мешает вам писать? – ободряюще произнесла миссис Эрроупойнт. – Надо просто начать, как это сделала я. Перо, чернила и бумага найдутся в каждом доме. Я с удовольствием пришлю вам все мои сочинения.

– Спасибо. Буду очень рада прочитать ваши книги. Знакомство с автором должно помогать пониманию их замыслов: во всяком случае, легче определить, какие части смешны, а какие серьезны. Боюсь, часто я смеюсь не там, где нужно. – Здесь Гвендолин осознала опасность и поспешила добавить: – У Шекспира и других великих писателей никогда не поймешь, что сказано в шутку, а что всерьез. Но мне всегда хочется знать больше, чем написано в книгах.

– Если вас заинтересуют мои сочинения, могу предложить их в рукописном виде, – заявила миссис Эрроупойнт. – Думаю, что рано или поздно я опубликую эти вещи: друзья убеждают меня это сделать, а упрямыться нехорошо. Вот, например, моего «Тассо»⁵ – можно было бы сделать в два раза толще.

– Я без ума от Тассо, – уместно вставила Гвендолин.

– Что же, если хотите, я вам дам рукопись. Как вам известно, о Тассо писали многие, но все эти измышления неверны. Что касается особенной природы его сумасшествия, чувств к Леоноре, истинной причины тюремного заключения, характера Леоноры, которая, на мой взгляд, была бессердечной женщиной, иначе вышла бы за него против воли брата, то в этих вопросах все ошибаются. Мое мнение отлично от мнения других авторов.

– До чего интересно! – восхитилась Гвендолин. – Мне нравится от всех отличаться. Я считаю, что соглашаться ужасно глупо. Вот что самое плохое в изложении собственного мнения: заставлять людей соглашаться.

Это высказывание пробудило задремавшее было легкое подозрение миссис Эрроупойнт, однако Гвендолин выглядела совершенно искренней и с невинным видом продолжала:

– Не знаю ни одного сочинения Тассо, кроме поэмы «Освобожденный Иерусалим», которую мы читали и учили наизусть в школе.

– О, его жизнь намного интереснее творчества. Я написала роман о ранних годах Тассо. Если вспомнить его отца Бернардо и прочие коллизии, то многое может показаться правдой.

– Воображение нередко правдивее фактов, – решительно заявила Гвендолин, хотя объяснить смысл красивой фразы вряд ли смогла бы. – Я буду рада узнать о Тассо буквально все, особенно о его безумии. Наверное, поэты всегда немного безумны.

– Совершенно верно. Как писал Кристофер Марло⁶, «взгляд поэта неистово блуждает», а о нем самом кто-то сказал: «Владело им священное безумство, достойное великого поэта».

– Но ведь сумасшествие не всегда заметно? – невинно уточнила Гвендолин. – Скорее всего взгляды некоторых безумцев неистово блуждают только в одиночестве. Лишенные рассудка люди часто очень хитры.

По лицу миссис Эрроупойнт снова скользнула тень, однако появление в гостиной джентльменов предотвратило открытый конфликт с чересчур бойкой молодой леди, слишком далеко зашедшей в изображении наивности.

– Ах, а вот и сам герр Клезмер, – объявила хозяйка, представила музыканта гостям и удалилась.

Герр Клезмер наглядно воплощал счастливое сочетание германских, славянских и семитских черт: крупные благородные черты красивого лица, живописно растрепанные длинные каштановые волосы, живые карие глаза за стеклами золотых очков. По-английски он говорил почти без акцента, не хватало лишь свободы самовыражения, а острый, вселяющий тревогу ум в этот момент утратил опасность от глупого желания, которому подвержены даже гении, всеми силами угодить красавице.

Вскоре зазвучала музыка. Мисс Эрроупойнт и герр Клезмер исполнили на двух фортепиано пьесу, убедившую почтенную публику в чрезмерной ее продолжительности, а Гвендолин – в том, что тихая, сдержанная в общении мисс Эрроупойнт так великолепно владеет инструмен-

---

⁵ Тассо Торквато (1544–1595) – итальянский поэт Возрождения и барокко.

⁶ Марло Кристофер (1564–1593) – английский поэт, переводчик и драматург.

том, что ее собственное музицирование кажется наивной детской забавой. Впрочем, даже сейчас Гвендолин не разочаровалась в достоинствах своей игры, часто заслуживающей похвалы. Затем все пожелали услышать пение Гвендолин; особенно настаивал мистер Эрроупойнт, что было вполне естественно для хозяина дома и истинного джентльмена, о котором все знали только то, что в свое время он удачно женился на богатой мисс Каттлер и получил возможность курить лучшие сигары. С естественной любезностью он подвел гостью к фортепиано. Герр Клезмер приветливо улыбнулся и, уступив ей место за инструментом, встал в нескольких футах, чтобы наблюдать за исполнением.

Гвендолин не нервничала: все, за что бралась, делала без дрожи, а пение всегда доставляло ей наслаждение. Она обладала довольно сильным сопрано и хорошим слухом, и ее пение неизменно нравилось неискушенным слушателям, так что мисс Харлет привыкла к аплодисментам. Во время пения она выглядела едва ли не лучше, чем обычно (редкое качество), а потому стоявший напротив герр Клезмер совершенно ее не смущал. Гвендолин исполнила заранее выбранное произведение – любимую арию Беллини, в которой чувствовала себя абсолютно свободно и уверенно.

– Очаровательно, – отозвался мистер Эрроупойнт, как только ария закончилась.

Похвала повторилась многократным эхом с той долей неискренности, которую можно встретить в светском обществе. И лишь герр Клезмер стоял неподвижно, словно статуя (если можно представить статую в очках) – во всяком случае, молчал, как статуя. Гвендолин попросили еще раз спеть, чтобы продлить всеобщее удовольствие, и отказываться она не стала, однако прежде приблизилась к герру Клезмеру и с виноватой улыбкой проговорила:

– Это будет слишком жестоко по отношению к великому музыканту. Жалкое любительское пение не может вам понравиться.

– Так и есть, но это ничего не меняет, – ответил герр Клезмер с внезапно проявившимися в словах, незаметными прежде типично немецкими резкими окончаниями. Очевидно, речь его зависела от перемены настроения – точно так же в минуту волнения или гнева ирландцы особенно явственно переходят на характерную провинциальную манеру речи. – Это ничего не меняет. *Смотреть*, как вы поете, всегда приятно.

Столь неожиданное проявление превосходства прозвучало грубо. Гвендолин густо покраснела, однако со свойственным ей самообладанием не выразила негодования. Мисс Эрроупойнт, стоявшая достаточно близко, чтобы услышать диалог (а также заметить, что герр Клезмер смотрит на мисс Харлет с более откровенным восхищением, чем допускает хороший вкус), тут же подошла и обратилась к Гвендолин с величайшим тактом и добротой:

– Только представьте, что мне приходится переносить от этого профессора! Он не терпит ничего, что мы, англичане, делаем в музыке. Остается одно: смириться с безжалостной критикой и жестокими суждениями. Подобное знание не доставляет радости, но унижение со стороны одного человека можно стерпеть, если все остальные восхищены.

– Буду чрезвычайно благодарна за возможность услышать худшее, – ответила Гвендолин, постепенно приходя в себя. – Осмелюсь признаться, что учили меня крайне плохо, да и таланта нет – одна лишь любовь к музыке.

Гвендолин сама удивилась последним своим словам, особенно если учесть, что такая мысль никогда прежде на ум ей не приходила.

– Да, правда: хорошего обучения незаметно, – спокойно подтвердил герр Клезмер. Женщин он любил, однако музыку любил больше. – Впрочем, нельзя утверждать, что дарование полностью отсутствует. Поете вы чисто и обладаете неплохими данными, вот только звуки извлекаете неправильно, да и музыка, которую исполняете, вас недостойна. Вокальная линия показывает низкую степень развития культуры – топчется на месте и выражает страсти и мысли людей с ограниченным кругозором. В каждой фразе такого пения слышна самодовольная глупость. Ни единого проблеска глубокого, таинственного чувства, ни единого конфликта, ни еди-

ного прорыва к высокому обобщению. Слушая подобную музыку, люди мельчают. Спойте что-нибудь более значительное. Тогда я пойму.

– О, только не сейчас. Когда-нибудь потом, – отказалась Гвендолин, чье сердце не выдержало широты горизонта, внезапно открывшегося перед ней.

Для молодой леди, стремившейся блистать повсюду и покорять всех, подобный опыт в самом начале карьеры мог оказаться катастрофическим. Однако Гвендолин не желала вести себя глупо, а мисс Эрроупойнт помогла выйти из затруднительного положения, уверенно подтвердив:

– Да, лучше когда-нибудь потом. После критики герра Клезмера требуется не меньше получаса, чтобы собраться с духом. Лучше попросим поиграть его самого: пусть покажет, что такое хорошая музыка.

В качестве достойного восхищения образца герр Клезмер исполнил собственное произведение под названием «Freudvoll, leidvoll, gedankenvoll»⁷ – пространную фантазию, выражавшую не слишком очевидные музыкальные идеи. Исполнитель извлекал из фортепиано столько разнообразия и глубины страсти, сколько позволяет этот умеренно отзывчивый инструмент. Наделенные магической властью пальцы оживляли костяные клавиши и деревянные молоточки, заставляя струны отвечать то взволнованной и трепетной, то томительной речью. Несмотря на уязвленный эгоизм, Гвендолин почувствовала силу по-настоящему талантливой игры; скрытые от посторонних глаз слезы унижения постепенно сменились волнением, и на миг она сделалась отчаянно безразличной к собственной неудаче и была готова посмеяться над своим исполнением. Глаза заблестели, щеки слегка зарумянились, а с языка так и рвались саркастические замечания.

– Прошу вас снова спеть для нас, мисс Харлет, – обратился к Гвендолин молодой Клинтон, сын архидиакона, которому выпала честь сопровождать ее к столу, едва герр Клезмер закончил выступление. – Подобная музыка словно создана специально для меня. Никогда ничего не понимал в этой безупречной игре. Похоже на банку с пиявками, где не видно ни начала, ни конца. А ваше пение готов слушать весь день.

– Да, мы будем рады услышать что-нибудь популярное. Еще одна песня в вашем исполнении позволит отдохнуть, – поддержала Клинтонка миссис Эрроупойнт, с самыми любезными намерениями оказавшаяся рядом.

– А все потому, что вы стоите на низшей ступени культурного развития и обладаете ограниченным кругозором: мне только что об этом сказали, а также о том, насколько плох мой вкус, – и теперь я испытываю глубокие страдания. А страдания никогда не бывают приятными, – ответила Гвендолин, не обращая внимания на миссис Эрроупойнт и с сияющей улыбкой глядя на молодого Клинтонка.

Любезную хозяйку задела проявленная грубость, однако она ограничилась простым замечанием:

– Что же, не будем настаивать на том, что неприятно.

Между тем гости разбились на мелкие группы и вели непринужденные беседы, и миссис Эрроупойнт, увидев, что ее внимание никому не требуется, с облегчением села в кресло.

– Рад, что вам понравилось наше общество, – заметил молодой Клинтон, довольный возможностью побеседовать с Гвендолин.

– Чрезвычайно понравилось. Кажется, здесь всего понемногу и ничего в изобилии.

– Довольно двусмысленная похвала.

– Только не для меня. Люблю, когда всего в меру: например, немного абсурда – это очень забавно. Приятно видеть нескольких странных людей, а вот когда их много, становится скучно.

---

⁷ Радостный, скорбный, задумчивый (нем.).

(Слушая этот диалог, миссис Эрроупойнт уловила в речи Гвендолин совершенно новую интонацию и вновь ощутила сомнение в ее интересе к безумию Тассо.)

– Считаю, что прежде всего здесь недостает крокета, – признался молодой Клинтон. – Я редко приезжаю, но если бы проводил в доме отца больше времени, то обязательно вступил бы в крокетный клуб. Слышал, что вы уже присоединились к сообществу стрелков из лука. Поверьте, однако, что крокет – игра будущего. Жаль только, что она еще недостаточно воспета. Один из наших лучших студентов сочинил о крокете поэму в четырех песнях – такую же прекрасную, как произведения Поупа⁸. Я уговариваю его опубликовать шедевр. Поверьте, вам еще не доводилось читать ничего лучше.

– Завтра же начну учиться играть в крокет. Займусь им вместо пения.

– Нет-нет, ни в коем случае! Но крокетом все-таки займитесь. Если хотите, я пришлю поэму Дженнингса. У меня есть рукописная копия.

– Он ваш близкий друг?

– Достаточно близкий.

– Ну, если всего лишь «достаточно», то, пожалуй, не надо. А если все-таки пришлете, то обещайте не допрашивать и не требовать ответа, какая из частей понравилась мне больше остальных, потому что нелегко понять поэму, не прочитав, так же как понять проповедь, не услышав.

«Несомненно, эта девушка непроста и настроена саркастически, – подумала миссис Эрроупойнт. – Разговаривать с ней надо осторожно».

Тем не менее Гвендолин продолжала получать приглашения на обеды и ужины, во многом благодаря Кэтрин. Досадный инцидент у фортепиано пробудил сожаление в нежной душе мисс Эрроупойнт, которая, ввиду занятости матушки, ведала всеми приемами и визитами.

---

⁸ Поуп Александр (1688–1744) – английский поэт.

Глава VI

Надменная критика обрела Гвендолин на новые страдания. Она никогда не призналась бы, что болезненно переживает очевидное музыкальное превосходство мисс Эрроупойнт, а потому не имеет возможности оспорить мнение герра Клезмера. И еще меньше она была готова признаться даже самой себе, что при каждой встрече с мисс Эрроупойнт в душе рождалось непривычное чувство зависти. Гвендолин завидовала вовсе не богатству, а тому обидному обстоятельству, что девушка, чью внешность вы не смогли бы описать иначе, как заурядная – средний рост, мелкие черты, невыразительные глаза и землистый цвет лица, – тем не менее обладала несомненным умственным превосходством и утонченным музыкальным вкусом. Эти качества не позволяли навязать ей чужое мнение и вызвали благоговейный трепет как перед недостижимым уровнем исполнения, так и перед независимостью суждений. Эта невзрачная с виду молодая леди двадцати четырех лет от роду, на которую вряд ли бы кто обратил внимание, не зовись она «мисс Эрроупойнт», по всей видимости, была убеждена, что умения мисс Харлет не превышают среднего уровня. И убеждение это оставалось скрытым от посторонних глаз, поскольку неизменно пряталось за безупречной любезностью манер.

Однако Гвендолин не любила задумываться о фактах, выставивших ее в неблагоприятном свете. В отсутствие герра Клезмера (а он часто ездил в Лондон), вдохновленная нескрываемым восторгом, с которым ее пение было встречено в Брэншо-Касле, «Пихтах» и других домах округи, Гвендолин быстро восстановила пошатнувшееся было самообладание, ибо считала одобрение более заслуживающим доверия, чем порицание, и не страдала изнуряющим стремлением достичь не востребованного соседями, абстрактного совершенства. Возможно, было бы опрометчиво утверждать, что мисс Харлет обладала чем-то необыкновенным; необыкновенными были лишь грациозные движения и определенная дерзость, придававшая пикантность обыкновенному эгоистичному честолюбию, незаметному при нескладной внешности. Полагаю, что сами по себе эти качества не определяют внутреннего стремления к превосходству, а лишь влияют на способ, которым оно достигается, особенно если стремлением к превосходству обладает девушка, чье рвение к исключительности сопровождается безупречной родословной и унижительной нехваткой денег. В душе Гвендолин активно противилась ограничениям, обусловленным финансовым положением семьи, и с готовностью смотрела сквозь собственные обязательства, словно руководствовалась самыми смелыми теориями. Однако в действительности она вовсе не предавалась подобным размышлениям и при случае откестилась бы от любой преданной идее или практической реформе, безжалостно ее высмеивая. Ей доставляло удовольствие чувствовать себя особенной, однако кругозор ее соответствовал кругозору элегантных романов, героиня которых изливает в дневнике полную неясной силы, оригинальности и противоречий душу, в то время как жизнь ее спокойно течет в принятом светским обществом русле. А если вдруг случайно она забредает в болото, то вся драма заключается в том, что на ногах оказались атласные туфельки. Таковы строгие ограничения, наложенные природой и обществом на поиски ярких приключений ради того, чтобы душа, сгорающая от несовершенства мироздания и готовая бросить в костер саму жизнь, все-таки оставалась пленницей в сетях светских правил и не совершала исключительных поступков.

С опасностью столь банального исхода Гвендолин столкнулась уже в первую зиму жизни в Оффендине; не спасла даже новизна обстоятельств. Она ясно сознавала, что не желает вести такую же пресную жизнь, какую вели обычные молодые леди, однако не представляла, каким образом наладить иное существование и что предпринять ради достижения свободы. Оффендин оставался бы хорошим фоном, если бы вокруг что-нибудь происходило, однако соседи не соответствовали данному условию.

Помимо осознания силы собственной красоты визиты к соседям не доставляли радости, и, возвращаясь домой, Гвендолин заполняла пустые дни обычными, немудреными девичьими делами и затеями. Самым открытым утверждением собственной исключительности стал отказ от занятий с Эллис (на том основании, что невежество для девочки более естественно). Вместо уроков Гвендолин привлекла сестру, а также мисс Мерри и призванную прислуживать всем дамам горничную, к созданию различных театральных костюмов. Хотелось заранее подготовиться к возможным в неопределенном будущем шарадам и пьесам, которые она собиралась организовать силой собственной воли и изобретательности. Сама Гвендолин никогда не выступала на сцене, лишь в школе участвовала в живых картинах, однако не сомневалась, что способна играть хорошо. Побывав раз-другой в «Театр Франсэ» и услышав, как мама говорит о Рашель⁹, Гвендолин, размышляя о своей будущей судьбе, порою задавалась вопросом: а не стать ли актрисой подобно Рашель, тем более что красотой она, безусловно, затмевала худую иудейку? Тем временем дождливые предрождественские дни прошли в приятных хлопотах. В греческих, восточных и других костюмах мисс Харлет позировала и произносила монологи перед домашней публикой. Для более громких аплодисментов позвали даже экономку, однако та повела себя недостойно, заметив, что молодая госпожа больше похожа на королеву в собственном платье, а не в этой мешковатой тряпке и с голыми руками. Второй раз ее не пригласили.

– Я так же хороша, как Рашель, мама? – спросила однажды Гвендолин, после того как выступила перед Анной в греческом платье, исполнив несколько трагических монологов.

– Руки у тебя красивее, чем у Рашель, – ответила миссис Дэвилу. – Твои руки смотрятся великолепно, Гвен. Но голос не так трагичен, как у нее. Не хватает глубины.

– Если захочу, смогу брать и низкие ноты, – с готовностью ответила Гвендолин и тут же решительно добавила: – Но, по-моему, высокий голос звучит более впечатляюще. В нем больше женственности, а чем женственнее героиня, тем трагичнее кажутся ее отчаянные поступки.

– Возможно, в этом что-то есть, – вяло согласилась миссис Дэвилу. – Вот только не понимаю, что хорошего в том, чтобы у зрителей стыла кровь. А если так уж необходимо совершить что-нибудь ужасное, то лучше предоставить это мужчинам.

– Ах, мама, до чего же ты прозаично мыслишь! Можно подумать, что все великие, прославленные поэзией преступления не совершены женщинами! На мой взгляд, мужчины – жалкие осторожные существа.

– Пусть так, но ты, дорогая, боишься остаться ночью одна. Так что не думаю, что когда-нибудь отважишься на преступление. Слава богу!

– Я говорю не о реальности, мама, – нетерпеливо возразила дочь.

Но в эту минуту миссис Дэвилу пришлось отлучиться по неотложным хозяйственным делам, и Гвендолин тут же обратилась к кухне:

– Анна, попроси у дяди позволения поставить у вас дома несколько шарад. Мистер Мидлтон и Уорхэм тоже смогут принять участие. Мама говорит, что нехорошо приглашать мистера Мидлтона сюда для обсуждения и репетиций. Он, конечно, неповоротлив, но ведь всегда можно подобрать подходящую роль. Попроси, а не то придется просить мне.

– О, только не раньше, чем придет Рекс. Он такой умный, такой милый! Даже может изобразить Наполеона, который стоит на морском берегу и смотрит вдаль. Ну просто вылитый Наполеон! Рекс может сделать все, что угодно.

– Ни капельки не верю в твоего Рекса, Анна, – со смехом возразила Гвендолин. – В итоге он окажется похожим на те убогие сине-желтые акварели, которые ты развесила по стенам в своей комнате и боготворишь.

---

⁹ Рашель Элиза (1821–1858) – знаменитая французская актриса.

– Что же, сама увидишь. Я, конечно, плохо понимаю, что значить быть умным, но он уже получил стипендию, а папа сказал, что скоро получит средства на научные исследования. И в шарады играет лучше всех. Он умнее мистера Мидлтона и остальных, а мистера Мидлтона ты называешь умным.

– Мистер Мидлтон умен точно так же, как ярк потайной фонарь. К тому же артистичен как палка. Если вдруг придется воскликнуть: «Будь проклята моя душа, но я ее люблю!» – то он произнесет фразу точно таким же голосом, каким говорит: «На этом второй урок закончен».

– Ах, Гвендолин! – воскликнула Анна, пораженная столь нелестным отзывом. – Очень нехорошо говорить так о человеке, который искренне тобой восхищен. Я однажды услышала, как Уорхэм сказал маме: «Мидлтон явно сохнет по Гвендолин». Мама очень рассердилась, но я знаю, что это значит: так они в колледже говорят о том, кто влюблен.

– А я чем могу помочь? – презрительно отозвалась Гвендолин. – Будь проклята моя душа, если я полюблю его.

– Речь не о любви. Думаю, папа этого и не захотел бы. К тому же Мидлтон скоро уедет. Просто мне очень грустно, когда ты над ним смеешься.

– Что же ты со мной сделаешь, когда я стану смеяться над Рексом? – лукаво уточнила Гвендолин.

– Но, дорогая, ты ведь так не поступишь, правда? – воскликнула Анна со слезами на глазах. – Я не вынесу твоего пренебрежения. В нем действительно нет ничего нелепого. Только ты способна найти в человеке что-нибудь странное. До тебя никому в голову не приходило, что можно высмеивать Мидлтона. Все говорили, что он хорош собой и обладает безупречными манерами. А я всегда его боялась из-за учености, черного облачения и дяди-епископа. Но обещаю, что не станешь насмехаться над Рексом, – закончила Анна, с трогательной мольбой взглянув на кузину.

– До чего же ты мила! – растаяла Гвендолин, прикоснувшись к нежному подбородку Анны. – Даже не хочется делать ничего такого, что может тебя обидеть. Особенно если Рекс все устроит – шарады и прочее.

Когда наконец Рекс Гаскойн приехал на рождественские каникулы, оживление, внесенное им в жизнь Оффендина и пасторского дома, а также заинтересованное участие во всех начинаниях, заставили Гвендолин забыть о любых шутках. Рекс оказался замечательным молодым человеком с открытым сердцем и красивым лицом, очень похожим на отца и Анну. Умный, здоровый, добрый, он настолько умел ценить обычные невинные радости, что порок не обладал для него притягательной силой, а знания о низменной стороне жизни до такой степени выходили за рамки обычных интересов, что даже не вызывали глубокого отвращения. Порочные привычки представляли в его глазах тем, «что делают некоторые ребята», «глупыми затеями», от которых лучше держаться подальше. На обожание Анны Рекс отвечал нежностью столь безраздельной, какую только можно ожидать от брата: большей любви он не знал.

Кузены постоянно проводили время вместе – то в одном доме, то в другом. Чаще выбор падал на Оффендин, предоставлявший больше свободы, а говоря точнее, позволявший Гвендолин полностью захватить власть в свои руки. Каждое ее желание становилось для Рекса заветной целью. Шарады не только устраивались в полном соответствии с ее планами, но и обогащались новыми, заранее не предусмотренными небольшими сценами, где Гвендолин пришлось выступать экспромтом. Все театральные опусы репетировались и исполнялись в Оффендине. Теперь, в присутствии несравненного, незаменимого Рекса, миссис Дэвилуу не возражала против участия мистера Мидлтона. Уорхэм сосредоточенно готовился к обязательным для поездки в Индию экзаменам и даже занимался с наставником из Вончестера, так что свободным временем не располагал. Целеустремленный молодой человек глубоко страдал под грузом любых познаний, кроме ответов на вопросы предстоящего экзамена.

Мистера Мидлтона уговорили сыграть несколько серьезных ролей, причем Гвендолин не уставала хвалить достойную зависти неподвижность его лица. Поначалу дружба мисс Харлет с Рексом отозвалась в душе викария болезненной ревностью, однако утешение пришло вместе с мыслью о естественной между кузенами, исключаящей глубокую страсть родственной симпатии. Больше того, время от времени мистер Мидлтон воображал, что учтивое отношение к нему молодой леди свидетельствовало о тайной благосклонности, и перед отъездом из Пенникота подумывал сделать ей предложение, хотя прежде собирался держать чувства в тайне до тех пор, пока его положение не укрепитя. Мисс Харлет, в свою очередь, в полной мере сознавала поклонение молодого священника с жидкими бакенбардами и жестким прямым воротничком и не имела ничего против. Она обращала к нему спокойный безжалостный взор и порождала сонм умеренно возбуждающих надежд, избегая прямого контакта.

Кое-кто может предположить, что молодой человек англиканских убеждений, наделенный чувством святости в отношении как великого, так и малого, редко смеющийся, кроме как из вежливости, и вообще не склонный называть вещи своими именами ввиду грубости последних, не сочтет достойной невестой девушку дерзкую, насмешливую, не обладающую необходимыми супруге священника добродетелями. Не менее логично предположить, что молодой человек, обладающий глубокими теологическими познаниями, должен бы осознать собственное несоответствие вкусу такой живой, подвижной молодой леди, как мисс Харлет. Но стоит ли всегда объяснять, почему факты не соответствуют умозрительным представлениям некоторых особ? Извиняться должны те, кто склонен к ложному образу мысли.

Что касается Рекса, он скорее всего проникся бы сочувствием к бедному Мидлтону, если бы знал о душевном конфликте безупречного викария, но молодой человек сам впервые влюбился и был так погружен в это чувство, что не замечал людей и окружающие предметы. Он вряд ли ясно видел перед собой Гвендолин, но безошибочно чувствовал все, что она говорила и делала, и знал, не поворачивая головы, когда она входила в комнату. К концу второй недели Рекс влюбился так сильно, что уже не представлял жизни без Гвендолин. Бедный юноша не видел препятствий. Собственная любовь казалась ему гарантией ответного чувства, поскольку питалась спокойным, не омраченным сомнениями восторгом перед чистым образом избранницы. Он не представлял, что любимая может причинить боль, точно так же как египтяне не представляют, что может пойти снег. Гвендолин пела и играла для него, когда Рексу того хотелось; всегда радовалась его обществу во время верховых прогулок, хотя взятые взаймы лошади нередко выглядели комично; с готовностью участвовала во всех забавах и справедливо оценивала достоинства Анны. Иными словами, все признаки симпатии были налицо. Рексу не приходило в голову, что столь безупречное существо, как Гвендолин, создано исключительно для блестящего брака. Он не обладал самодовольством и тщеславием – во всяком случае, в большей мере, чем эти качества необходимы для формирования личности, – а всего лишь в благословенном юношеском порыве чувств воспринимал совершенство Гвендолин как часть того добра, каким ему казалась сама жизнь.

Однажды, во время представления шарад, случился казус, убедивший Рекса в необычайной чувствительности мисс Харлет и внезапно осветивший скрытую сторону ее натуры, неожиданную для человека, который, подобно кузену, прежде встречал лишь бесстрашие при верховой езде и прекрасное настроение в светском и дружеском общении.

После усердных репетиций было решено, что необходимо пригласить в Оффендин избранную компанию и сыграть перед публикой сцены, доставлявшие актерам глубокое удовлетворение. Анна приятно всех удивила тонким исполнением порученных ей небольших ролей, выявивших дар проницательного наблюдения, скрывавшегося за внешней простотой. Мистер Мидлтон тоже отлично соответствовал замыслу своим старанием не выглядеть комично. Главным препятствием и источником сомнений оказалось желание Гвендолин появиться в греческом одеянии. Ни во сне, ни наяву в ее изобретательную голову не приходило

ни единого слова, годного для шарады и позволяющего принять величественную позу в любимом наряде. Искать тему у Расина¹⁰ не имело смысла, ибо ни Рекс, ни остальные участники действия не владели французским языком и не могли декламировать стихи, а импровизированные реплики обратили бы сцену в карикатуру. К тому же мистер Гаскойн запретил заимствовать сцены из пьес. Обычно он придерживался мнения, что развлечения, приличествующие мирянам, приличествуют и духовному лицу, однако в отношении театра не считал возможным преступить общепринятые в этой части Уэссекса рамки. Что и говорить: невинные шарары не имели ничего общего с домашним театральным спектаклем в полном смысле слова.

Разумеется, все участники представлений искренне старались удовлетворить желание Гвендолин, а Рекс предложил разыграть картину, в которой эффект от совершенства и величия ее фигуры не будет стерт речью других исполнителей. Героине идея чрезвычайно понравилась; оставалось только выбрать картины.

– Умоляю, дети, придумайте что-нибудь приятное, – попросила миссис Дэвилу. – Не выношу греческой озлобленности.

– Она ничуть не хуже озлобленности христианской, мама, – парировала Гвендолин.

– И не так скандальна, – добавил Рекс. – К тому же все думают о Греции как о далеком прошлом. Что скажешь о сцене пленения Брисейды? Я предстану в образе Ахилла, а ты устремись на меня взгляд через плечо – так, как нарисовано в книге.

– Пожалуй, такая поза мне подойдет, – согласилась Гвендолин, однако спустя миг решительно заявила: – Нет, не годится. В этой сцене должны участвовать трое мужчин в подходящих костюмах, иначе получится нелепо.

– Придумал! – воскликнул Рекс после короткого размышления. – Может быть, изобразишь статую Гермiony из «Зимней сказки» Шекспира? Я в роли Леонта и мисс Мерри в роли Паулины встанем по обе стороны от тебя. Неважно, в каких костюмах мы появимся, – продолжил он со смехом. – Леонт может походить на Наполеона, а Паулина – на современную старую деву. Вполне в духе Шекспира и очень романтично.

В итоге выбор пал на Гермionу. Все согласились, что возраст героини не имеет значения, но Гвендолин настояла, чтобы вместо неподвижной картины была разыграна драматическая сцена, где под звуки музыки она спустилась бы с пьедестала и сделала несколько шагов, а Леонт преклонил бы колени и поцеловал край ее платья, после чего занавес закрывался. Холл с широкой двустворчатой дверью мог чудесным образом трансформироваться в сцену.

Все обитатели Оффендина и Пенникота вместе с деревенским плотником Джарретом погрузились в подготовку грядущего представления, которое, как подражание настоящему театру, обещало иметь успех, ведь из древней притчи нам известно, что подражание имеет больше шансов на признание, чем оригинал.

Накануне представления Гвендолин не могла сдержать особого волнения, поскольку, узнав, что герр Клезмер опять приехал в Кветчем-Холл, позаботилась о включении его имени в список приглашенных лиц.

По прибытии в Оффендин Клезмер пребывал в спокойном, миролюбивом, молчаливом состоянии духа: сидел в безмятежном раздумье, а на все обращения отвечал благодушными, хотя и невнятными, возгласами, словно кротко нес свой крест в переполненном дилетантами мире или, подобно льву, осторожно ступал мощными лапами, опасаясь раздавить нахальную, но неосторожную мышь.

Представление шло гладко, без серьезных неожиданностей – все импровизации и случайности не нарушали заранее предусмотренных границ, до тех пор, пока не произошло событие, выставившее Гвендолин в неожиданном свете.

Как это случилось, поначалу оставалось тайной.

---

¹⁰ Расин Жан (1639–1699) – французский драматург.

Картина «Гермиона» произвела особенно сильное впечатление своей непохожестью на предыдущие картины и была встречена восторженными аплодисментами.

Положив руку на колонну, Гермиона стояла на небольшом возвышении, чтобы по сигналу начать спускаться, демонстрируя прелестные ножки.

– Музыка, ударь и разбуди ее! – приказала Паулина (миссис Дэвилу уступила мольбам и согласилась исполнить эту роль, надев белый бурнус с капюшоном).

Герр Клезмер проявил любезность: присел к фортепиано и извлек громоподобный аккорд, – но в тот же миг, прежде чем Гермиона успела сделать шаг, справа от сцены внезапно распахнулась дверца панели, скрывавшей жуткую картину, и в бледном свете восковых свечей взорам предстало изображение мертвого лица и убегающей фигуры. Все собравшиеся в испуге обернулись к панели, и в это время раздался пронзительный крик Гвендолин, которая продолжала стоять неподвижно, но с изменившимся, полным беспомощного ужаса выражением лица. В эту минуту она казалась статуей, в которую вселилась душа страха: бледные губы приоткрылись, обычно прищуренные под длинными ресницами глаза округлились и застыли. Миссис Дэвилу, более встревоженная, чем удивленная, бросилась к дочери. Рекс тоже не смог сдерживать душевного порыва и поспешил на помощь. Однако прикосновение маминой руки произвело эффект электрического разряда: Гвендолин упала на колени и закрыла лицо ладонями, дрожа всем телом. Впрочем, ей хватило самообладания, чтобы обуздать внешние проявления страха, и вскоре она позволила увести себя со сцены.

– Великолепный образец пластического искусства! – заметил Клезмер, обращаясь к мисс Эрроупойнт, в то время как по рядам прокатилась волна приглушенных вопросов и ответов.

– Это часть сюжета?

– Нет. Разумеется, нет. Мисс Харлет невероятно испугалась. Чувствительное создание!

– Боже мой! Я и не знала, что за этой панелью скрывается картина. А вы?

– Нет. Откуда мне знать? Скорее всего это проявление эксцентричного нрава одного из графов.

– До чего неприятно! Умоляю, закройте эту дверцу.

– Разве она не была заперта? Чрезвычайно странно. Должно быть, здесь замешаны духи.

– Но ведь среди нас нет медиума.

– Откуда вы знаете? Когда случаются подобные события, приходится признать, что есть.

– Очевидно, панель не была заперта и распахнулась от внезапной вибрации фортепиано.

Объяснение предложил мистер Гаскойн, он же обратился к мисс Мерри с просьбой, если возможно, найти и принести ключ, однако миссис Валкони сочла подобную легкость в объяснении тайны недостойной священника и шепотом заметила, что всегда считала мистера Гаскойна слишком светским человеком. Однако ключ принесли, и пастор повернул его в замке с подчеркнутой, почти оскорбительной наглядностью – как будто хотел сказать, что больше панель не распахнется, – а потом для надежности положил ключ в карман.

Вскоре Гвендолин вернулась к гостям, демонстрируя обычную жизнерадостность. Очевидно, она намеревалась по возможности забыть неприятный инцидент.

Но стоило герру Клезмеру обратиться к ней со словами похвалы и поблагодарить за великолепную кульминацию действия, как лицо мисс Харлет зарделось от удовольствия. Ей нравилось принимать на веру комплименты, на самом деле представлявшие собой всего лишь тонкое притворство. Герр Клезмер почувствовал, что обнаружение страха перед всеми унизило бы самолюбивую особу, а потому дал понять, будто бы принял нервный срыв за хорошую актерскую игру. Гвендолин сделала вывод, что отныне строгий судья поражен ее талантом ничуть не меньше, чем красотой, и тревога относительно его мнения уступила место спокойному самодовольству.

Однако для большинства зрителей оставалось загадкой, что из увиденного было задумано и отрепетировано, а что – нет, и никто, кроме Клезмера, не позаботился об избавлении

Гвендолин от воображаемого унижения. Общее мнение сошлось на том, что о происшествии лучше забыть.

И все-таки медиум, повинный в неожиданном открытии дверцы, действительно существовал: торопливо и незаметно покинув комнату, он спрятался в своей постели, мучимый угрызениями совести. Маленькая Изабель, чье ненасытное любопытство, не успокоенное мимолетным взглядом на странную картину в день приезда в Оффендин, заставило проявить завидное терпение и наблюдательность, чтобы выяснить, где Гвендолин хранит ключ, дождалась удобного момента, когда вся семья вышла в сад, встала на стул и отперла дверцу. Пока она удовлетворяла жажду познания, в коридоре послышались приближающиеся шаги. Изабель поспешно закрыла панель и попыталась запереть, однако не смогла. Опасаясь разоблачения, она вытащила ключ в надежде, что панель не откроется (пока, во всяком случае, так и было). Уверенная в благополучном исходе, Изабель вернула ключ на место, а смутную тревогу подавила рассуждением: даже если обнаружится, что дверца отперта, никто не узнает, каким именно способом это произошло. Подобно другим преступникам проказница не учла непреодолимой потребности в признании.

– Я точно знаю, что, прежде чем отдать мне ключ, экономка заперла дверцу, потому что потом сама проверила, – сказала Гвендолин на следующий день за завтраком. – Значит, кто-то залез в мой ящик и украл ключ.

Изабель показалось, что ужасные глаза старшей сестры задержались на ней дольше, чем на других девочках. Не давая себе времени передумать, дрожащими губами она пролепетала:

– Прости меня, пожалуйста, Гвендолин.

Прощение было даровано немедленно: Гвендолин стремилась как можно быстрее стереть из собственной памяти и памяти других свидетельство проявленного ею страха. Особое раздражение вызывал тот факт, что беспомощный страх нахлынул на нее не в одиночестве, а на глазах у публики, в ярко освещенном зале. Идеальным поведением Гвендолин считала резкую прямооту в суждениях и безрассудство в преодолении опасностей – как моральных, так и физических, – хотя ее собственная жизнь значительно отставала от этого идеала. Но противоречие это объяснялось ничтожностью обстоятельств и узостью поприща, предложенного жизнью двадцатилетней девушке, не способной воспринимать себя иначе чем леди, и в положении, соответствующем правилам приличия. Гвендолин не сознавала других уз или духовных ограничений, поскольку всегда отрицала все, что преподносилось под именем религии, точно так же как другие не в состоянии воспринимать арифметику или бухгалтерские расчеты. Религия не рождала в душе иных чувств, кроме неприязни: ни тревоги, ни страстного порыва. Таким образом, вопрос о вере возникал в сознании мисс Харлет ничуть не чаще, чем вопрос о колониальных владениях или банковском деле, от которых, как она имела немало возможностей убедиться, непосредственно зависело материальное благополучие семейства. Все эти факты относительно собственной персоны Гвендолин была согласна признать, но в то же время с крайней неохотой сознавала и была бы рада скрыть от других свою предрасположенность к приступам мистического ужаса, хотя источник благоговейного трепета таился вовсе не в религиозном воспитании и не в отношениях с людьми. Со стыдом и страхом, что это может повториться, она вспоминала болезненное ощущение растерянности, когда приходилось идти куда-нибудь без спутников, а освещение внезапно менялось. Одиночество в большом пространстве вселяло смутное чувство непостижимого, чуждого бытия, среди которого она беспомощно искала и не находила себе места. Полученные в школе скромные астрономические познания порою распаляли воображение до суеверной дрожи. Однако, стоило кому-нибудь оказаться рядом, Гвендолин успокаивалась и снова обретала свой обычный мир. В окружении чужих глаз и ушей Гвендолин умела сохранять уверенность и была полна сил завоевать весь мир.

Матушка и другие близкие объясняли склонность Гвендолин к робости и страху чувствительностью и возбудимостью натуры, однако такое объяснение не согласовывалось с ее

обычным полным безразличием и редким самообладанием. Тепло – великая движущая сила в природе, однако для объяснения существования Вселенной требуются знания и о других явлениях. Так же затруднительно одним понятием «чувствительность» объяснить человеческий характер. И все же кто из любящих Гвендолин людей не проявил бы склонности рассматривать каждую особенность ее натуры как признак превосходства? Именно так поступил Рекс. После представления «Гермиона» он окончательно убедился, что Гвендолин преисполнена необыкновенной чувствительности и не только готова ответить на его обожание, но и способна любить глубже, чем другие девушки. Исполненный радужных надежд, Рекс расправил молодые крылья и счастливо воспарил.

Глава VII

Первым признаком неожиданной снежной бури было прозрачное белое облачко на чистом небе. Анна не подозревала о чувстве Рекса: впервые в жизни он не поделился с сестрой сокровенными мыслями, полагая, что она уже все знает. Точно так же, впервые в жизни, Анна не смогла поведать брату то, о чем постоянно думала. Возможно, ей было больно: ведь Рекс так рано полюбил другую больше, чем ее, – и чувство это отступило перед сомнениями и тревогой за его участь. Анна восхищалась кузиной, нередко с искренней простотой признавала: «Гвендолин всегда очень добра ко мне», – и считала, что должна неизменно подчиняться и исполнять все ее желания. Но в то же время она созерцала объект восхищения со страхом и недоверием, в замешательстве открывая черты невиданного прекрасного зверя, наделенного таинственной природой и способного, как предполагала Анна, без сожаления сожрать всех мелких существ, которых считала своими любимцами. И вот сейчас любящее сердце Анны переполняла тяжелая убежденность в том, что Гвендолин никогда не ответит Рексу взаимностью, – убежденность тем более гнетущая, что высказать ее она не осмеливалась. Все, что вызывало нежность и благоговение в ее душе, оставляло кузину равнодушной: было легче представить Гвендолин презирающей Рекса, чем разделяющей его чувства. К тому же мисс Харлет явно считала себя созданием необыкновенным. «Бедный Рекс! Как рассердится папа, если узнает, что сын так влюбился! Ведь он еще слишком молод». Анна всегда думала, что пройдут долгие годы, прежде чем случится что-нибудь подобное, и все это время она будет жить вместе с Рексом и вести его хозяйство. Но каким же каменным должно оказаться сердце, не готовое ответить на любовь такого человека! Предвидя страдания брата, Анна ощутила, как душа переполняется неприязнью к чрезмерно очаровательной и непростительно высокомерной кузине.

Как и брату, Анне казалось, что последнее время их жизнь переполняли бурные события, очевидные каждому, кто не ленился обратить внимание. Если бы Рекса спросили, он ответил бы прямо, что не желает скрывать надежду на помолвку, о которой немедленно сообщит отцу. И все же впервые в жизни брат держал в секрете не только чувства, но и – что еще больше удивляло Анну – даже некоторые поступки. Всякий раз, когда отец или мать заводили с ней разговор наедине, она боялась услышать их мнение об отношениях Рекса и Гвендолин, однако родители словно не замечали волнующей драмы, развивавшейся главным образом в виде пантомимы, абсолютно понятной тем, кто участвовал в ней, но незаметной для наблюдателей, заинтересованных просмотром страниц «Гардиан» или «Клерикал газетт», а на банальные проблемы молодежи обращавших не больше внимания, чем на суету муравьев.

– Куда ты собрался, Рекс? – спросила Анна пасмурным утром, когда отец отправился по делам службы, миссис Гаскойн поехала вместе с ним, а брат появился в прорезиненных штанах – единственном предмете гардероба, имеющем отношение к охоте.

– В Три-Барнс. Хочу посмотреть, как спускают гончих.

– Гвендолин поедет с тобой? – робко уточнила Анна.

– Она тебе сказала?

– Нет. Я сама догадалась. А папа знает?

– Понятия не имею. Вряд ли это его интересует.

– Но ведь ты возьмешь его коня?

– Ему известно, что я делаю это всякий раз, когда предоставляется возможность.

– Только не позволяй Гвендолин преследовать собак, – предупредила Анна. Страх наделил ее даром ясновидения.

– Почему же? – осведомился Рекс с насмешливой улыбкой.

– Папа, мама и тетюшка Дэвилуо не хотят, чтобы она участвовала в погоне. Считают, что это неправильно.

– С какой стати ты полагаешь, что она готова делать то, что неправильно?

– Иногда она никого не слушает, – ответила Анна, слегка рассердившись и оттого осмелев.

– В таком случае она и меня не послушает, – возразил Рекс, безжалостно издеваясь над тревогой сестры.

– Ах, Рекс, это невыносимо! Ты обрекаешь себя на огромное несчастье! – Анна разрыдалась.

– Нэнни, Нэнни, ради бога, что с тобой случилось? – нетерпеливо спросил Рекс, стоя в шляпе и с кнутом в руке.

– Она никогда тебя не полюбит. Ни капельки, я точно знаю! – всхлипывая, прошептала бедная Анна, совсем потерявшая самообладание.

Рекс покраснел и поспешил выйти на улицу.

Всю дорогу до Оффендина Рекс думал о словах сестры – неприятных, как любое злое предсказание, однако быстро нашел объяснение в преданности младшей сестры и пожалел, что уехал, не успокоив ее. Все остальные чувства быстро растворились в упрямой убежденности в любви Гвендолин и стремлении доказать собственную правоту. Впрочем, тревога и сомнения, поселившиеся в сердце, побудили его к признанию, которое еще долго не прозвучало бы в условиях безмятежного спокойствия.

Когда Рекс появился у ворот, Гвендолин уже сидела в седле в нетерпеливом предвкушении. Чтобы оградить себя от разочарования на случай его опоздания и не ждать унижительно долго, она приказала конюху подготовиться к выезду. Однако теперь третий оказался лишним: конюха тут же отправили восвояси, и кузены тронулись в путь, наслаждаясь свободой. Гвендолин пребывала в прекрасном настроении, и Рекс подумал, что никогда еще она не выглядела такой прелестной. Лаконичная простота амазонки безупречно подчеркивала гибкую фигуру, стройную белую шею, изящную линию щеки и подбородка. Трудно было представить образ более возвышенный и прекрасный. Молодому, пылко влюбленному человеку казалось, что в объекте его обожания – воплощение не только красоты, но и всех добродетелей.

Стояло тихое, спокойное январское утро: дождя не предвиделось, а серое небо создавало безмятежный фон для очаровательного зимнего пейзажа: заросших травой обочин, расцвеченных красными ягодами живых изгородей, откуда доносились птичьи голоса, багровой наготы вязов, темно-коричневых волн вспаханных полей. Звон подков сливался с голосами молодых людей. Гвендолин смеялась над костюмом Рекса, представлявшим полную противоположность костюму денди, а он радовался ее смеху. Свежесть утра подчеркивала свежесть молодых лиц; чистые голоса, взгляды, которые они дарили друг другу, – все напоминало бурлящий источник радости. Утро принадлежало им двоим и переполняло обоих восторгом. Представляя красивую пару в эти счастливые минуты, невольно уступаешь причудливой фантазии – если бы сейчас все сложилось немного иначе, если бы прекрасные молодые люди смогли здесь и сейчас посвятить себя друг другу и до конца жизни не изменить обету!..

– Анна вбила себе в голову, что сегодня утром тебе непременно захочется погнаться вслед за собаками, – поведал Рекс, для которого слова сестры обладали тайным смыслом, направлявшим разговор в опасное, но нужное русло.

– Неужели? – рассмеялась Гвендолин. – Оказывается, малышка наделена даром ясновидения!

– И что же? – уточнил Рекс, не веря, что кузина действительно готова нарушить волю старших, и на-деясь на торжество здравого смысла.

– Не знаю. Пока не приеду на место, не смогу сказать, что буду делать. Провидцы нередко ошибаются: предсказывают только то, что вероятно, – а я не люблю ничего вероятного, это скучно. Предпочитаю поступать неожиданно.

– О, вот ты и раскрыла свой секрет. Теперь, зная обычное поведение людей в той или иной ситуации, я смогу догадаться, что ты все сделаешь наоборот, и таким образом просчитать, что произойдет. Удивить меня тебе не удастся.

– Удастся. Не забывай, что всегда можно изменить намерения и поступить так, как все, – возразила Гвендолин, мелодично рассмеявшись.

– Сама видишь, что избежать некоторой степени вероятности невозможно. А противоречивость образует высшую степень вероятности. Так что придется тебе изменить свой образ действий.

– Ни за что. Мой образ действий – всегда и во всем поступать так, как захочется.

– Ты способна устроить так, чтобы испытывать только приятные чувства? – спросил он.

– Разумеется, нет: здесь важно, что делают другие люди, – но если бы мир вокруг стал добрее, то можно было бы ограничиться приятными чувствами. Жизнь девушек ужасно глупа: они никогда не делают того, что нравится.

– А мне казалось, что таков удел мужчин. Они вынуждены выполнять тяжелую работу, часто скучную и вредную. К тому же если мужчина искренне любит девушку, то старается исполнить все ее желания, так что, в конце концов, она все равно поступает по-своему.

– Не верю. Ни разу не встречала замужнюю женщину, поступающую по-своему.

– А что бы хотела сделать ты? – с искренней тревогой уточнил Рекс.

– О, не знаю! Отправиться на Северный полюс, принять участие в скачках с препятствиями или стать восточной царицей, подобно леди Эстер Стенхоуп¹¹, – небрежно заметила Гвендолин, хотя, если бы ей пришлось дать серьезный ответ, задумалась бы надолго.

– Неужели ты хочешь сказать, что никогда не выйдешь замуж?

– Нет, ничего подобного я не говорила. Вот только даже после замужества я не стану вести себя так, как другие женщины.

– Если ты выйдешь замуж за того, кто любит тебя больше всего на свете, то сможешь делать все, что душе угодно, – заявил Рекс. Бедный юноша упорно приближался к вопросу, в котором твердо решил добиться ясности. – И такой человек мне известен.

– Ради бога, только не упоминай мистера Мидлтона, – поспешно предупредила Гвендолин, густо покраснев. – Это любимая песня Анны. Уже слышен лай собак. Поедем быстрее.

Она пустила свою гнедую лошадку галопом, и Рексу не осталось ничего другого, как тоже прищипорить коня. И все же в сердце его затеплилась надежда. Гвендолин прекрасно знала, что кузен в нее влюблен, однако не подозревала о возможных последствиях, поскольку сама ни разу в жизни не испытывала мук любви. Ей всего лишь хотелось легкого, ни к чему не обязывающего флирта во время каникул Рекса в Пенникоте, поэтому она избегала объяснений, которые неминуемо привели бы отношения к преждевременному концу. Кроме того, плотская сторона любви вызывала у Гвендолин острое отвращение. При всем воображаемом чувственном восторге в натуре ее решительно превалировало девственное начало.

Однако вскоре все посторонние мысли отступили перед волнующей картиной, открывшейся взору в Три-Барнсе. Кое с кем из охотников Гвендолин уже успела познакомиться раньше, и сейчас с радостью обменивалась любезными приветствиями. Рексу больше не удалось с ней поговорить. Приготовления к охоте завладели душой Гвендолин с неведомой прежде силой. Никогда еще она не преследовала собак – только однажды сказала, что мечтает об этом, а в ответ услышала запрет. Мама боялась возможной опасности, а дядя заявил, что считает бешеную скачку неприличной для женщины и, что бы ни происходило в других частях страны, в Уэссексе ни одна добропорядочная леди в охоте еще не участвовала. Исключение составляла лишь миссис Гэтсби, жена капитана территориальной добровольческой части, но она прежде служила кухаркой и до сих пор говорила, как кухарка. Последний аргумент возымел действие,

---

¹¹ Стенхоуп Эстер (1776–1839) – английская аристократка, путешественница по Ближнему Востоку.

так что Гвендолин постоянно колебалась между стремлением отстоять собственную независимость и страхом оказаться в паре с миссис Гэтсби.

Некоторые из самых достойных женщин округа время от времени приезжали, чтобы понаблюдать за началом охоты, однако этим утром ни одна не появилась на поле, чтобы преподать Гвендолин урок благоразумия. И даже миссис Гэтсби с ее сомнительным прошлым отсутствовала. Таким образом, ничто не сдерживало Гвендолин от мощного порыва, поддержанного нетерпеливым лаем собак, стуком копыт и ржанием лошадей, переключкой охотников, движением ярких фигур на фоне серо-зеленого спокойного поля. Сама обстановка вызывала возбуждение от предстоящей погони.

Рекс ощутил бы больше радости, если бы мог держаться возле Гвендолин, а не наблюдать издали, как она поглощена разговорами и новым для себя зрелищем.

– Рад видеть вас здесь этим прекрасным утром, мисс Харлет, – приветствовал лорд Брэкеншо, пэр средних лет в аристократически потертой, грязноватой розовой куртке. Его легкие, беззаботные манеры даже угрозу потопы обратили бы в пустяк. – Охота сегодня первоклассная. Будет жаль, если не поедете с нами. Когда-нибудь пробовали пускать свою лошадку через канаву? Не испугаетесь, а?

– Ни капли, – заверила Гвендолин и не покривила душой: она никогда ничего не боялась. – Я часто заставляю ее прыгать через изгородь и канаву возле...

– Ах, боже мой! – негромко произнес его светлость, показывая, что некое происшествие вынуждает прервать разговор.

Едва он уехал, Рекс тут же оказался рядом. В этот миг собаки залаяли с особым воодушевлением, и все поле пришло в движение. Не сказав ни слова, Гвендолин помчалась вместе со всеми, а Рекс, не задумываясь, последовал за ней. Разве мог он оставить любимую? В иных обстоятельствах и не на отцовском старом коне погоня доставила бы ему удовольствие, однако сейчас, после безжалостно пресеченного намерения признаться в любви и услышать ответное признание, в душе царил смятение. Гвендолин между тем на своей резвой маленькой лошадке быстро вырвалась вперед, чувствуя себя бессмертной богиней и не думая о возможном риске ни для себя, ни уж точно для кузена. Если бы Гвендолин вспомнила о Рексе, то увидела бы забавное зрелище: полный сил красивый молодой человек, чье сердце билось так же полнокровно и бурно, как сердце гончей, словно заколдованный, медленно тащился на вялой церковной кляче, неумолимо отстав от остальных. Однако Гвендолин всегда отличалась склонностью думать о тех, кто видит ее, а не о тех, кого она не видит. К тому же вскоре Рекс и в самом деле отстал настолько, что увидеть его она уже не могла. Мне остается лишь с горечью сообщить, что, пробираясь по узкой тропинке между живыми изгородями, конь по имени Примроз споткнулся, упал, сломал ногу и непреднамеренно сбросил всадника через голову.

К счастью, сын кузнеца, также преследовавший собак при самых неблагоприятных обстоятельствах, а именно пешком (особый вид охоты, даже легкомысленными умами отмеченный как безнравственный), естественно, отстал и увидел постигшее молодого мистера Гаскойна несчастье. Он поспешил на помощь, которая оказалась абсолютно необходимой, ибо Рекс потерял сознание, а придя в чувство, ощутил острую боль. Джоэл Дэгт оказался тем самым незамеченным человеком, чьи познания вполне соответствовали обстоятельствам. Парень не только сразу понял, что случилось с лошадкой, не только сообразил, далеко ли до ближайшей деревни и до дома пастора, не только сообщил Рексу, что тот вывихнул плечо, но и оказал квалифицированную хирургическую помощь.

– Сэр, позвольте, я поставлю его на место. Я видел, как это делает костоправ Нэш, а потом сам дважды помогал нашей маленькой Салли. Все плечи одинаковы. Если доверитесь мне и немного потерпите, сейчас же вправлю.

– Валяй, старина, – согласился Рекс, умевший терпеть куда лучше, чем держаться в седле.

Джоэл успешно справился с операцией, хотя причинил пациенту невыносимую боль. Тот вытерпел молча, но так побледнел, что Джоэл заметил:

– Ах, сэр, вы просто не привыкли, вот и все. А мне довелось повидать разных вывихов и прочих гадостей. Однажды у мужика глаз вывалился – вот уж, скажу вам, история! Трудно придумать что-нибудь страшнее. Без этой штуки как жить? Но потом его вставили. Я и сам однажды проглотил три зуба. Умереть мне на месте, если вру. Эй, ты! – обратился он к Примрозу. – Вставай и не делай вид, что не можешь идти.

Поскольку Джоэл – персонаж второстепенный, к счастью, нет необходимости сообщать утонченному читателю подробности его жизни. Достаточно того, что он помог Рексу добраться до дома. Иного варианта, кроме как вернуться в Пенникот, не оставалось, хотя Рекс продолжал беспокоиться о Гвендолин и больше страдал от мысли, что с ней тоже может что-нибудь случиться, чем от собственной боли и страха перед раздражением отца. Утешала лишь уверенность, что недостатка в галантных кавалерах Гвендолин не испытает: каждый из участников скачки будет рад о ней позаботиться, а кто-нибудь из знакомых обязательно проводит в Оффендин.

Когда Рекс вернулся, мистер Гаскойн уже сидел в кабинете и писал письма. Услышав стук в дверь и подняв голову, он увидел сына. Лицо Рекса в эту минуту казалось бледным и явно расстроенным. Он всегда был тайным любимчиком отца и его точной копией. Несмотря на это, мистер Гаскойн не выказывал ему предпочтение – напротив, относился к сыну с особой строгостью и требовательностью. Расспросив Анну, он выяснил, что Рекс вместе с Гвендолин отправился на сбор охотников в Три-Барнс.

– В чем дело? – поспешно спросил он, даже не положив перо.

– Простите, сэр. Примроз упал и сломал ногу.

– Куда ты на нем ездил? – строго уточнил мистер Гаскойн, который редко выходил из себя.

– В Три-Барнс, чтобы посмотреть, как спускают собак на охоту.

– И тебе хватило глупости поехать следом?

– Да, сэр. Я не прыгал через изгороди. Лошадь угодила в ямку.

– Надеюсь, что пострадал не только Примроз, но и ты!

– Да. Вывихнул плечо, но молодой кузнец его вправил. Так что отделался синяками и ссадинами.

– Садись.

– Простите за лошадь, сэр. Я знал, что это известие очень вас расстроит.

– А что с Гвендолин? – внезапно спросил мистер Гаскойн.

Не подозревая, что отец расспрашивает о нем, Рекс покраснел и нервно ответил:

– Не знаю и сам очень тревожусь. Хочу немедленно отправиться в Оффендин или кого-нибудь туда послать, чтобы узнать, вернулась ли она. Но кузина так уверенно держится в седле, что должна справиться. К тому же вокруг нее всегда полно народу.

– Полагаю, это она потащила тебя на охоту? – осведомился мистер Гаскойн, пристально посмотрев на сына.

– Все получилось само собой. Она ничего не планировала, просто подчинилась мгновенному порыву. Ну а я не мог не поехать, если поехала она.

Мистер Гаскойн выдержал короткую паузу и со спокойной иронией произнес:

– И вот теперь, молодой джентльмен, вы видите, что у вас нет достойной лошади, чтобы ухаживать за кузиной. Так что откажитесь от этой забавы. Вы уже испортили мне Примроза – вполне достаточно на эти каникулы. Прошу немедленно собрать вещи и завтра же отправиться в Саутгемптон к Стилфоксу, а потом вместе с ним вернуться в Кембридж. Уверен, что так будет лучше как для ваших синяков, так и для вашей учебы.

Бедный Рекс почувствовал, что сердце затрепетало, как у молодой леди.

– Надеюсь, вы не будете настаивать на немедленном отъезде, сэр.

– Так плохо себя чувствуешь?

– Нет, дело не в этом, но... – С досадой ощущая, как подступают слезы, Рекс прикусил губу, а совладав с чувствами, добавил более твердо: – Нужно побывать в Оффендине, но могу отправиться туда сегодня вечером.

– Я сам съезжу и все узнаю о Гвендолин, если тебе это важно.

Разгадав намерение, фатальное не только для его счастья, но и для самой жизни, Рекс не выдержал. Он привык верить в проницательность отца и ожидать от него твердости.

– Отец, я не могу уехать, не сказав, что люблю ее, и не убедившись, что она любит меня.

Мистер Гаскойн не только мысленно упрекал себя в неосторожности и излишней поспешности, но и искренне сочувствовал парню, однако все рассуждения теряли силу перед единственно верной тактикой. Он быстро принял решение и ответил как можно спокойнее:

– Дорогой мой мальчик, ты еще слишком юн, чтобы совершать столь важные и ответственные поступки. Это всего лишь фантазия, вскружившая тебе голову во время недели-другой полного безделья. Пришло время заняться чем-нибудь полезным и остыть. Не делай опрометчивый шаг. Во-первых, неблагоразумно жениться в твоём возрасте; во-вторых, союзы между двоюродными братьями и сестрами крайне нежелательны. Соберись с духом и прими это неприятное разочарование. Всем нам постоянно приходится преодолевать жизненные невзгоды. Ты стоишь в начале пути и должен справиться с этим легким испытанием.

– Нет, не легким. Я этого не вынесу. Не смогу думать ни о чем другом. Я не стал бы возражать, если бы мог поговорить с ней и заручиться согласием. Тогда я был бы готов исполнить любой ваш приказ, – пылко возразил Рекс. – Однако бесполезно делать вид, что готов послушаться сейчас. Даже если пообещаю, то непременно нарушу обещание, потому что я должен встретиться с Гвендолин.

– В таком случае подожди хотя бы до завтра. Утром обсудим все снова. Дай слово, – негромко заключил мистер Гаскойн, и Рекс не нашел сил отказаться.

Пастор даже не сказал жене, что едет в Оффендин не только потому, что желает убедиться в благополучном возвращении Гвендолин.

Племянницу он обнаружил не только в добром здравии, но и в превосходном настроении. Мистер Кволлон, первым настигший лису, преподнес молодой леди ценный трофей – пушистый хвост, и она привезла его домой, прикрепив к седлу. Больше того, лорд Брэкеншо лично проводил мисс Харлет домой и выразил восторг мастерством наездницы. Все эти замечательные новости Гвендолин сразу выложила дяде, чтобы показать, насколько оправданным стал отказ следовать его совету. Благоразумный священник попал в затруднительное положение: в интересах племянницы он старался добиться расположения к ней лорда и леди Брэкеншо и запретил Гвендолин участвовать в охоте, боясь их осуждения, однако ему на помощь пришла миссис Дэвилу, заметив на восторженные слова дочери:

– И все же я надеюсь, что больше ты этого не сделаешь, иначе я буду волноваться каждую минуту. – И обратившись к мистеру Гаскойну, добавила: – Вы ведь знаете, что ее отец скончался в результате несчастного случая на охоте.

– Мапочка, дорогая, – проворковала Гвендолин, весело ее целуя, – сломанные ноги по наследству не передаются.

О Рексе до сих пор не было сказано ни слова. В Оффендине о нем явно не беспокоились. В разговоре с матушкой Гвендолин объяснила исчезновение кузена очень просто:

– Наверное, отстал от всех и в отчаянии вернулся в Пенникот.

Трудно было отрицать, что неудача кузена пришлась весьма кстати, поскольку позволила лорду Брэкеншо проводить мисс Харлет домой, однако сейчас, глядя на племянницу, мистер Гаскойн подчеркнуто строго произнес:

– Что же, для тебя приключение закончилось значительно удачнее, чем для Рекса.

– Да, приходится признать, что ему выпало ужасное испытание. Вы не научили Примроза прыгать через живые изгороди, дядя, – заметила Гвендолин без тени тревоги во взгляде и в голосе.

– Рекс упал, – лаконично сообщил мистер Гаскойн, не сводя глаз с Гвендолин.

– О господи! Я так и знала! – в тот же миг в ужасе выдохнула миссис Дэвилоу.

– Ах, бедняга! Надеюсь, он не пострадал? – воскликнула Гвендолин с той долей сочувствия, которую ликующие смертные пытаются изобразить, в то время как сердце стремительно стучит от радости.

– Насколько мне известно, вывихнул плечо и набил синяков, – продолжил мистер Гаскойн и снова ненадолго умолк, продолжая наблюдать за племянницей. Гвендолин ничуть не изменилась в лице, лишь слегка сдвинула брови, и повторила:

– Ах, бедняга! Значит, ничего серьезного?

Мистер Гаскойн уже выяснил все, что хотел, но для пущей уверенности продолжил рассказ:

– Неподалеку оказался какой-то кузнец – не из моих прихожан. Он проявил завидную сноровку и ловко вернул плечо на место. Так что, судя по всему, пострадали главным образом мы с Примрозом. У коня на мелкие кусочки разбито колено: угодил в ямку и сбросил Рекса через голову.

Услышав, что плечо Рекса уже удачно вправлено, Гвендолин прогнала с лица слабое подобие тревоги, а при последних словах дяди очаровательно рассмеялась.

– Очень мило со стороны молодой леди смеяться над чужой бедой, – проговорил мистер Гаскойн с осуждением, хотя в душе был рад, что Гвендолин не выказала волнения за судьбу сына.

– Умоляю, дядюшка, простите. Теперь, когда Рекс в безопасности, так забавно представлять, как они с Примрозом кувыркались на тропинке. Отличная карикатура на погоню!

Гвендолин гордилась своей способностью смеяться там, где другие нашли бы лишь повод для сочувственных вздохов и серьезных рассуждений. В самом деле, смех настолько подчеркивал ее красоту, что окружающие с готовностью разделяли ее мнение. В этот миг у мистера Гаскойна даже мелькнула мысль, что не стоит удивляться влюбленности мальчика в эту молодую колдунью.

– Как ты можешь смеяться над вывихнутым плечом, дитя? – возмутилась миссис Дэвилоу, все еще пребывая во власти мучительной тревоги. – Жалею, что мы вообще разрешили тебе сесть на лошадь. – Она мрачно посмотрела на мистера Гаскойна и уверенно кивнула. – Скоро сами убедитесь, как опасно мы ошиблись. По крайней мере, ошиблась я, поддержав просьбу дочери.

– В самом деле, Гвендолин, – обратился мистер Гаскойн тем рассудительным тоном, которым обычно разговаривают с человеком, в чьем здравомыслии не сомневаются, – решительно рекомендую и прошу сделать одолжение впредь не повторять сегодняшнюю авантюру. Лорд Брэкэншо чрезвычайно добр, однако наверняка присоединится к моим словам. Разговоры о молодой леди, которая охотится, уверен, совсем тебе не понравятся. Поверь, лорд Брэкэншо не позволил бы леди Беатрис и леди Марии охотиться в наших краях, будь они достаточно для этого взрослыми. Когда выйдешь замуж, положение изменится: ты сможешь делать все, что разрешит муж, – но если собираешься охотиться, то придется найти мужа со средствами.

– Не понимаю, с какой стати я должна выйти замуж, не имея даже малой перспективы благополучия, – обиделась Гвендолин.

Заявление дяди вызвало острое раздражение, но выразить его прямо она не осмелилась и вышла из комнаты.

– Девочка всегда говорит о браке в таком тоне, – заметила миссис Дэвилоу. – Ничего, как только встретит своего человека – сразу изменит мнение.

– Как по-вашему, ее сердце еще ни разу не трепетало от чувств? – спросил мистер Гаскойн.

Миссис Дэвилу молча покачала головой, а после долгой паузы пояснила:

– Только вчера вечером Гвендолин сказала мне: «Мама, понятия не имею, как девушки умудряются влюбляться. В книгах это легко сделать, а в жизни мужчины так нелепы».

Мистер Гаскойн коротко рассмеялся и сменил тему разговора.

На следующее утро, за завтраком, он поинтересовался:

– Как твои синяки, Рекс?

– О, еще не созрели, сэр. Только начинают понемногу темнеть.

– То есть пока ты не готов отправиться в Саутгемптон?

– Нет еще, – ответил Рекс, чувствуя, как сжимается сердце.

– Что ж, подожди до завтра, а сегодня отправляйся в Оффендин, чтобы попрощаться.

Миссис Гаскойн, которая успела узнать всю правду, сосредоточенно смотрела в чашку, чтобы не заплакать. Анна тоже едва сдерживалась.

Мистер Гаскойн чувствовал, что назначает бедному Рексу крайне суровое лекарство от внезапного недуга, однако не сомневался, что, в конце концов, оно окажется наиболее милосердным.

Узнать о безнадежности своей любви из уст самой Гвендолин – разве существует на свете средство вернее?

– Благодарю Бога за то, что она к нему равнодушна, – призналась миссис Гаскойн, войдя в кабинет мужа. – Гвендолин обладает чертами, с которыми я никак не могу примириться. При всей ее красоте и одаренности, моя Анна стоит двух таких кузин. Очень плохо, что она совсем не помогает в обучении деревенских детей – даже не заглядывает в воскресную школу. Наши с тобой советы пропускает мимо ушей, а бедную матушку и вообще ни во что не ставит. Знаю, однако, что ты лучшего мнения о племяннице, – закончила миссис Гаскойн с почтительным сомнением.

– О, дорогая, ничего особенно плохого в девочке нет. Всего лишь слегка своенравна, так что чересчур натягивать поводья не стоит. Главное – устроить ей подходящую партию. Для нынешней тихой жизни с мамой и сестрами в ней слишком много огня. Будет естественно и правильно, если она вскоре выйдет замуж, причем за человека не бедного, а того, кто в состоянии обеспечить ей достойное положение в обществе.

Вскоре Рекс, с рукой на перевязи, отправился в Оффендин. Неожиданное позволение встретиться с Гвендолин немало его озадачило, поскольку об истинной подоплеке действий отца он не догадывался. А если бы догадался, то сначала осудил бы мистера Гаскойна, а затем с недоверием отверг его выводы о чувствах Гвендолин.

В Оффендине Рекса встретили все, кроме Гвендолин. Услышав донесшийся из холла знакомый голос, четыре девочки выбежали из служившей классной комнатой библиотеки и бросились к Рексу с сочувственными расспросами о здоровье. Миссис Дэвилу захотела узнать, что именно и как именно произошло, а также где живет кузнец, чтобы в знак благодарности отправить ему подарок, в то время как мисс Мерри выразила сомнение, не окажется ли благодарность излишней – особенно для человека подобного сорта. Прежде шумное женское окружение никогда не раздражало Рекса, однако сейчас ему очень хотелось, чтобы вся компания исчезла и появилась Гвендолин, а добродушно притворяться не позволяло смущение. Когда же наконец он осмелился спросить, где кузина, миссис Дэвилу отправила Эллис узнать, готова ли сестра спуститься, и добавила:

– Утром я отослала Гвендолин завтрак в спальню. После охоты ей необходим долгий отдых.

Рекс, почти не скрывая нетерпения, заявил:

– Тетушка, я хочу поговорить с Гвендолин наедине.

– Хорошо, дорогой, подожди в гостиной. Я ее туда пришлю. – Миссис Дэвилу давно заметила, что молодой человек ценит общество кухни, что было вполне естественно, однако не придавала этому значения. Увлечение Рекса представлялось ей небольшим лирическим эпизодом затянувшихся рождественских каникул.

Рекс, в свою очередь, видел в предстоящем разговоре едва ли не волю судьбы. Почти десять минут он провел в ожидании, нетерпеливо меряя шагами гостиную, и все это время его постоянно занимали мысли о том, каким образом, заручившись согласием Гвендолин, убедительно доказать отцу, что помолвка – это самый разумный на свете шаг, придающий человеку бесконечную энергию для дальнейшей работы. Ему предстояло стать юристом, так что же мешало подняться на высоты, покоренные Элдоном?¹² Приходилось смотреть на жизнь мысленным взором отца.

Но как только дверь открылась и вошла та, кого он жаждал видеть, Рекс внезапно охватило сомнение. Мисс Харлет, одетая совсем просто: в черное шелковое платье с квадратным вырезом, подчеркивавшим изящную шею, – с распущенными пышными волосами, перехваченными черной лентой, выглядела еще более величественной, чем обычно. Возможно, секрет заключался в отсутствии шутливой кокетливой игривости, всегда заметной при встречах с Рексом. Ожидала ли она после его вчерашних слов разговора о любви? Хотела ли выразить сожаление по поводу несчастного случая? Возможно, и то и другое. Однако мудрость веков гласит, что, если встал не с той ноги, это может дурно повлиять на твоё настроение; досадная оплошность довольно часто настигает самых милых, очаровательных людей. Возможно, утром с Гвендолин именно это и случилось. Поспешное приведение себя в порядок, неловкость Багл в обращении с расческой, скучный журнал, нерадужные перспективы предстоящего дня и жизни в целом – все вызывало недовольство. Не то чтобы Гвендолин пребывала в дурном настроении – ничего подобного. Просто сегодня мир не соответствовал всем требованиям ее утонченной натуры.

Как бы там ни было, когда мисс Харлет вошла в гостиную и без тени улыбки протянула руку, Рекс увидел в ее облике внушающее благоговейный ужас величие. Происшествие, так развеселившее Гвендолин накануне, вдруг утратило забавные черты и показалось просто нелепым, однако, соблюдая приличия, она вежливо произнесла:

– Надеюсь, ты не очень пострадал, Рекс. Понимаю, что я заслуживаю справедливых упреков.

– Вовсе нет, – возразил Рекс. – Со мной все в порядке, ничего страшного не случилось. Я очень рад, что ты получила удовольствие, и готов заплатить за него падением. Жаль только, что конь сломал ногу.

Гвендолин подошла к камину и остановилась, глядя на огонь. Рекс мог видеть ее лицо только в профиль, что было весьма неудобно для столь важного разговора.

– Отец хочет, чтобы остаток каникул я провел в Саутгемптоне, – проговорил он слегка дрогнувшим голосом.

– В Саутгемптоне! Глупо туда ехать, не правда ли? – холодно ответила Гвендолин.

– Для меня особенно глупо, потому что там не будет тебя.

Гвендолин молчала.

– Ты будешь жалеть, что я уезжаю?

– Конечно. В этой тоскливой деревне отъезд каждого знакомого чувствителен, – последовал резкий ответ.

Предчувствие, что бедняга мечтает о нежности, заставило Гвендолин окаменеть подобно чуткой актинии, которую тронули пальцем.

---

¹² Скотт Джон (1751–1838) – адвокат и политик, первый граф Элдон, лорд-канцлер Англии.

– Ты сердишься на меня? Почему разговариваешь таким тоном? – покраснев, резко спросил Рекс, как будто тоже мог разозлиться.

Мисс Харлет взглянула на него с улыбкой.

– Сержусь на тебя? Что за чепуха! Я всего лишь немного не в духе. Зачем ты пришел так рано?

– Пожалуйста, относись ко мне как угодно сурово, но только не равнодушно, – умоляюще произнес Рекс. – Все счастье моей жизни зависит только от тебя – от того, любишь ли ты меня хотя бы немного больше, чем других.

Он попытался взять кузину за руку, однако Гвендолин поспешно отошла на другую сторону камина.

– Ради бога, только не приставай со своей любовью! Терпеть этого не могу! – Она взглянула на него с ненавистью.

Рекс побледнел, не в силах произнести ни слова, и не отводил от кузины взгляд. Гвендолин и сама не ожидала такой реакции. Все произошло само собой; чувство отвращения оказалось абсолютно новым. Еще вчера она ясно сознавала, что кузен влюблен, а насколько глубоко и пылко, ее не интересовало, так как признаться он не смел. А если бы кто-то спросил, чем ей не нравятся любовные речи, она бы со смехом ответила, что устала от них в книгах. И вот сейчас впервые в ее сердце пробудилась страсть: Гвендолин ощутила сильное отвращение к любви кузена.

Рексу показалось, что он навеки утратил радость жизни, но тем не менее нашел в себе силы заговорить снова:

– Это твое последнее слово? И так будет всегда?

Гвендолин видела отчаяние Рекса и сочувствовала ему, ведь он ничем ее не обидел и вообще не сделал ничего плохого. Решительно, но чуть добрее, чем мгновение назад, она ответила:

– Насчет признания в любви? Да. Но во всем остальном я не испытываю к тебе неприязни.

– Прощай, – ответил Рекс после короткой паузы и вышел из комнаты.

Вскоре Гвендолин услышала, как хлопнула тяжелая входная дверь.

Миссис Дэвилу тоже услышала звук закрывающейся двери и поспешила в гостиную. Гвендолин сидела на диване, спрятав лицо в ладонях, и горько рыдала.

– Дитя мое, что случилось? – воскликнула добрая матушка, никогда прежде не видевшая любимицу в таком горе, а потому испытывавшая болезненную тревогу, похожую на ту, которую женщины переживают при виде сломленного отчаянием сильного мужчины. Этот ребенок до сих пор оставался ее властителем. Присев рядом, она обняла дочь, пытаясь заглянуть ей в лицо, но Гвендолин уткнулась лбом в плечо матери и проговорила сквозь слезы:

– Ах, мама, что будет с моей жизнью? На свете нет ничего достойного!

– Что случилось, дорогая? – повторила изумленная миссис Дэвилу. Обычно дочь порицала ее за внезапные вспышки отчаяния.

– Я никогда никого не полюблю. Я не умею любить людей. Я их ненавижу.

– Твое время еще придет, дорогая.

Гвендолин мучительно содрогалась от рыданий, и все же, обвив руками шею матери с почти болезненной нежностью, горестно прошептала:

– Не выношу, чтобы кто-то, кроме тебя, находился совсем близко.

Матушка тоже разрыдалась, ибо никогда еще избалованное дитя не проявляло столь откровенного доверия. Так они и сидели – крепко обнявшись, прижавшись друг к другу и обливаясь слезами.

Глава VIII

В доме священника печаль продолжалась значительно дольше. Вернувшись из Оффендина, Рекс в полном безразличии к окружающему миру бросился на кровать и пролежал так до следующего дня, после чего домочадцы всерьез обеспокоились о его здоровье. О поездке в Саутгемптон уже не могло быть и речи: матушка и Анна думали только о том, как вылечить больного, который не хотел выздоравливать, превратившись из подвижного, энергичного, отзывчивого молодого человека в апатичное существо с потухшим взглядом, на все заботы отвечавшее одной-единственной фразой: «Оставьте меня в покое». Отец смотрел на это спокойнее и видел в кризисе кратчайший путь к избавлению от несчастной любви, однако сочувствовал неизбежному страданию и время от времени заходил в комнату сына, несколько минут молча сидел возле постели, а уходя, нежно гладил бледный лоб и тихо говорил: «Да благословит тебя Господь, мой мальчик». Уорхэм и младшие дети боязливо приоткрывали дверь, чтобы увидеть невероятную картину: всегда веселый, полный идей и сил брат лежал без движения, — однако им тут же грозили пальцем и приказывали заняться своими делами. Неизменным верным стражем стала Анна; она держала Рекса за руку, хотя ни разу не ощутила ответного благодарного пожатия, и душа ее разрывалась между мучительным сочувствием брату и осуждением Гвендолин.

«Возможно, это очень дурно с моей стороны, но, кажется, я уже никогда не смогу любить ее, как любила прежде». Эта мысль звучала в сознании бедняжки горьким рефреном. И даже миссис Гаскойн прониклась к племяннице гневными чувствами, которые не смогла сдержать и выразила в разговоре с мужем:

— Конечно, я понимаю, что все к лучшему: мы должны благодарить судьбу за то, что она не разделила чувств нашего бедного мальчика, — и все же, Генри, я считаю ее жестокой, бессердечной кокеткой. Гвендолин должна была оставить Рексу хотя бы искру надежды, чтобы разочарование не захлестнуло его с такой силой. Часть вины ложится и на бедную Фанни: в своей любви к дочери она совершенно слепа.

Мистер Гаскойн ответил категорично:

— Чем меньше мы будем об этом говорить, Нэнси, тем лучше. Мне самому следовало внимательнее наблюдать за сыном. Впрочем, возблагодарим Небеса, если его не постигнет несчастье более серьезное. Надо как можно быстрее забыть об инциденте, особенно в отношениях с Гвендолин. Будем держаться так, словно ничего не произошло.

В глубине души пастор воспринимал трагедию сына как счастливое избавление. Ответная любовь Гвендолин создала бы более тяжкую проблему, решение которой оказалось бы ему не по силам, однако предстояло преодолеть новые трудности.

В одно прекрасное утро Рекс принял ванну и привел себя в порядок. Узнав о благих переменах, Анна бросилась к лестнице, чтобы встретить брата. Впервые за время болезни Рекс ответил сестре улыбкой настолько грустной на исхудавшем бледном лице, что та с трудом сдержала слезы.

— Нэнни! — нежно произнес Рекс, взял сестру за руку и медленно повел в гостиную.

Увидев сына, миссис Гаскойн подошла к нему и поцеловала, а он покачал головой и пробормотал:

— Сколько беспокойства я вам доставил!

Потом сел к окну и застыл, глядя на лужайку и покрытые инеем кусты, на которые солнце бросало слабые лучи, похожие на грустную улыбку Рекса. Он чувствовал себя так, словно родился заново и не знал, что делать, оставив прежние интересы в жизни прошлой. Анна сидела рядом и притворялась, что вышивает, но на самом деле с тоской наблюдала за братом. За живой изгородью сада лежала дорога, на которой вскоре показалась нагруженная бревнами

телега. Лошади тянули ее из последних сил, а возница бежал рядом с первой упряжной и шелкал кнутом, опасаясь, что та свернет в сторону. Рекс будто внезапно очнулся, с интересом проводил телегу взглядом, пока та не скрылась из виду, а потом стал ходить по комнате. Миссис Гаскойн к этому времени уже ушла. Когда брат снова опустился в кресло, Анна увидела в его взгляде тягу к общению и не смогла остаться безучастной. Усевшись на низкую скамеечку у его ног, она взглянула на него, словно умоляя: «Поговори со мной».

И Рекс заговорил:

– Я скажу тебе, о чем думаю, Нэнни. Хочу поехать в Канаду или еще куда-нибудь.

– О, Рекс, только не навсегда!

– Навсегда. Я построю хижину в уединенном месте – чтобы вокруг стеной возвышались деревья и стояла абсолютная тишина – и буду зарабатывать на жизнь тяжелым трудом на вырубке леса.

– А меня с собой возьмешь? – спросила Анна со слезами на глазах.

– Разве это возможно?

– Больше всего на свете я хочу уехать вместе с тобой. К тому же переселенцы, как правило, переезжают на новые земли вместе с семьями. Я лучше отправлюсь в дикие края, чем останусь здесь, в Англии. Буду разводить огонь, чинить одежду, готовить еду. А хлеб научусь печь еще до отъезда. Ничего лучше быть не может. Это похоже на нашу детскую игру: помнишь, как мы строили хижину из одеял и сидели там с игрушечными кастрюльками и тарелками?

– Родители тебя непустят.

– Когда я все объясню,пустят. Нашим отъездом мы сэкономим семье деньги, и папа сможет больше истратить на обучение мальчиков.

Они обсуждали этот вопрос еще не раз, прежде чем объявить о своем решении отцу.

Разговор произошел в кабинете мистера Гаскойна, когда тот остался один. Матушку не хотелось расстраивать раньше времени, к тому же она всегда соглашалась с любым решением супруга.

– Итак, дети мои! – жизнерадостно приветствовал мистер Гаскойн сына и дочь. – Рекс, приятно снова видеть тебя здоровым.

– Можно нам немножко посидеть с тобой, папа? – спросила Анна. – Рекс хочет кое-что сказать.

– Конечно. Я всегда готов выслушать.

Все трое представляли заметную, достойную внимания группу, объединенную очевидным фамильным сходством: высокий лоб, прямой нос, короткая верхняя губа, сильный и четко очерченный подбородок, одинаковые глаза, и даже цвет лица один и тот же. Седой отец выглядел массивным; лоб его пересекала морщина, углублявшаяся всякий раз, когда он говорил с особым увлечением; привычка принимать решения и управлять наделила его властной сдержанностью манер. Рекс показался бы портретом отца в молодости, если бы можно было представить мистера Гаскойна без определенных планов и принципов, с разбитым сердцем и душевной болью, скрывать которую он умел не лучше раненого животного. Анна же являла собой миниатюрную копию Рекса: ее лицо повторяло каждое выражение лица брата, словно на двоих они делили одну душу.

– Ты знаешь причину моего страдания, отец, – начал Рекс, и мистер Гаскойн кивнул.

– К жизни в этой части мира я больше не пригоден. Не сомневаюсь, что возвращение в Кембридж бесполезно. Учиться я больше не могу. Провалю экзамены, и все затраты окажутся напрасными. Хочу получить ваше согласие начать другую жизнь, сэр.

Мистер Гаскойн кивнул уже не так уверенно, морщина на лбу заметно углубилась.

– Если вы дадите мне немного денег, то я бы отправился в одну из колоний, чтобы работать там на земле.

– Со мной вместе, папа, – добавила Анна. – Ведь Рексу потребуется женщина, чтобы вести хозяйство. Мы оба никогда не вступим в брак, и зажили бы счастливо. Конечно, уехать от вас с мамой нелегко, но вам надо воспитывать остальных детей, а мы больше хлопот не доставим.

Анна встала и подошла к отцу. Мистер Гаскойн не улыбнулся, но обнял дочь, посадил на колени, словно исключив из разговора неразумное дитя, и обратился к сыну:

– Признаешь ли ты, что жизненный опыт дает мне право судить за тебя, что я в состоянии решить практические вопросы лучше, чем решишь их ты?

– Да, сэр.

– Возможно, ты признаешь также – правда, не хотелось бы это подчеркивать, – что сыновнее почтение обязывает тебя считаться с моими суждениями и желаниями?

– Я еще ни разу вам не противоречил, сэр. – В глубине души Рекс чувствовал, что не сможет уступить отцу в главном требовании: отказаться от путешествия в колонии и вернуться в Кембридж.

– Но сделаешь это, если утвердишься в поспешном и глупом решении и не прислушаешься к суждениям, подсказанным мне жизненным опытом. Полагаю, ты уверен, что пережил тяжкий удар, изменивший все твои склонности, притупивший мозг, лишивший способности ко всякому труду, кроме самого грубого, и навсегда отвративший от общества. Я прав? Так ты считаешь?

– Что-то в этом роде. Я не смогу выполнять работу, обязательную для меня в Старом Свете. Не осталось душевных сил. Никогда больше я не стану прежним. Без тени неуважения к вам, отец, я думаю, что молодой человек имеет право выбрать собственный путь в жизни, если не причиняет никому вреда. Многие предпочитают домашний уют, и лишь некоторые стремятся отправиться туда, где есть еще не освоенные земли.

– Я убежден – и для этого у меня есть верные основания, – что нынешнее состояние твоего ума преходяще; если ты исполнишь намерение и уедешь, то в недалеком будущем пожалеешь, что не закончил учебу. Разве у тебя не хватит силы воли последовать моему совету и на собственном опыте убедиться в его правоте? Никак не могу согласиться, что ты волен бросить все, превратиться в колониста и, засучив рукава пропитанной соленым потом рубахи, от зари до зари махать лопатой и мотыгой. На мой взгляд, ты не имеешь права покидать родину до тех пор, пока не попытаешься честным трудом извлечь пользу из полученного здесь образования. Умолчим о том горе, которое твой отъезд доставит нам с мамой.

– Глубоко сожалею, но что же делать? Учиться я не могу, это точно, – возразил Рекс.

– Возможно, не сразу: придется пропустить семестр. Я уже позаботился о том, как ты проведешь следующие два месяца. Но должен признаться, Рекс, ты глубоко меня разочаровал. Я всегда считал тебя умным человеком. И вдруг, пережив самую банальную неприятность, через которую переступают почти все мужчины, ты утратил чувство долга. Можно подумать, что мозг твой внезапно размягчился, лишив тебя ответственности.

Что оставалось Рексу? Внутренне он продолжал сопротивляться, однако противопоставить железным аргументам отца хоть сколько-нибудь убедительные доводы не мог. Несмотря на увещевания мистера Гаскойна, по-прежнему уверенный, что готов уже завтра мчаться в колонии, он сознавал, что должен испытывать иное чувство – и испытывал бы, если бы был умнее и лучше, – чувство глубокой привязанности ко всему, что его взрастило. Только эта вера поддерживает нас в душевных недугах.

Рекс встал, словно желая показать, что разговор окончен.

– Значит, ты согласен с моим планом? – спросил мистер Гаскойн тем не допускающим возражений тоном, который свидетельствует о неизменности принятого решения.

Немного помолчав, Рекс ответил:

– Постараюсь сделать все, что в моих силах, сэр. Обещать не могу. – Он полагал, что старания окажутся напрасными.

Анна хотела было уйти вслед за братом, однако отец удержал ее в объятиях.

– Ах, папа, – обливаясь слезами, заговорила она, едва дверь закрылась. – Рексу очень тяжело, очень плохо. Разве он не выглядит больным?

– Да, так и есть, но поверь: скоро ему станет лучше. Горе уляжется и забудется. А ты, Анна, сиди тихо, как мышка, и никому ни слова. После его отъезда даже не упоминай о том, что произошло у нас дома.

– Хорошо, папа. Но я ни за что и никогда не стану такой, как Гвендолин, – чтобы в меня так ужасно влюблялись. Слишком больно видеть эти страдания.

Анна не осмелилась признаться, что разочарована запретом отправиться в колонии вместе с братом, но втайне часто вспоминала эту историю и говорила себе: «Подумать только, мне пришлось бы отказаться от выездов в свет, от перчаток, от кринолина, от бесед во время торжественного шествия к столу... от всего на свете!»

Чтобы утолить интерес пытливых мыслителей всех рангов, хочу точно указать время действия и связать течение жизни частных лиц с историческими событиями. Так вот, в эту эпоху мода на широкие кринолины вызвала в обществе дискуссию о необходимости увеличения пространства церквей, бальных залов и экипажей, но миниатюрная фигура Анны Гаскойн допускала размер юбки, рассчитанный исключительно на молодых леди четырнадцати лет от роду.

Глава IX

Через восемь месяцев после прибытия семейства в Оффендин – то есть в конце июня – по округе пронесся слух, возбуждавший у многих живой интерес. К итогам американской войны он отношения не имел, однако затронул все сословия, населявшие территорию вокруг Вончестера. Земледельцы, пивовары, торговцы лошадьми, шорники – все сочли новость благой, достойной чистой радости, поскольку она доказывала высокое значение аристократии в такой свободной стране, как Англия. Кузнец из деревни Диплоу почувствовал, что настали хорошие времена; жены батраков вознадеялись, что их десятилетние и двенадцатилетние сыновья получат работу помощниками лакеев, а фермеры сдержанно, с оттенком сомнения признавали, что, возможно, теперь снова удастся выгодно продавать или обменивать сено и солому. Если люди низшего сословия выражали столь радужные надежды, можно легко предположить, что благородные жители округа испытывали еще большее удовлетворение, правда, связанное скорее с радостями жизни, чем с ее деловой стороной. Перспектива замужества, однако, посетила головы как простые, так и утонченные. Подобно тому, как посещение того или иного города королевской персоной вызывает в умах местного муниципалитета мечты о звании рыцаря или баронета, наша новость возбудила в благовоспитанных умах туманные мысли о браке.

Новость заключалась в том, что Диплоу-Холл, дом сэра Хьюго Мэллинджера, уже два года стоявший с печально закрытыми белыми ставнями окнами, не обращая внимания на старинные вязы и буки, не замечая чудесного, заросшего лилиями пруда, не восхищаясь зелеными лугами, где свободно бродили олени, готовился к приезду жильца. Остаток лета и весь охотничий сезон дом и конюшни должны были достойным образом соответствовать своему прямому назначению. Однако ожидался приезд не самого сэра Хьюго, а его племянника, мистера Хенли Мэллинджера Грандкорта – предполагаемого наследника титула баронета, ибо брак дяди принес только дочерей. Но судьба польстила молодому Грандкорту не только этой счастливой случайностью. В то время как шанс на титул баронета достался ему от отца, матушка подарила сыну каплю баронской крови, так что при благоприятных обстоятельствах – а именно в случае смерти нескольких стоящих между ним и титулом малознакомых дальних родственников – он вполне мог стать бароном и пэром королевства.

Природа так несправедливо распределила украшения среди птиц, что яркий хохолок достался только самцу. Впрочем, мы еще не полностью последовали совету опрометчивых философов, считающих, что человечество должно полностью копировать мир фауны, поэтому, если бы мистер Мэллинджер Грандкорт стал баронетом или пэром, его супруга разделила бы титул. Это обстоятельство вкупе с фактическим состоянием джентльмена заранее обеспечило супруге, на данный момент еще не избранной, общий сочувственный интерес как к женщине, чье благополучие определено раз и навсегда.

Некоторые из читателей романа, несомненно, сочтут невероятным, что люди могут строить матримониальные планы лишь на том основании, что неподалеку должен поселиться богатый холостяк с хорошими перспективами, и отвергнуть данное утверждение как вымысел желчного автора. Строгие критики заявят, что ни они сами, ни их близкие родственники не способны на это, и не стоит тратить время на подобные умозрительные построения, которые вполне могут оказаться ошибочными. Но позвольте заметить, что в данном случае речь идет вовсе не о человеческой натуре в целом, а только о нескольких жителях уютного Уэссекса. Репутация их, однако, осталась незапятнанной. Больше того, могу с гордостью заявить, что все они сохранили добрососедские отношения с семействами своего круга, – например супруги Эрроупойнт, обитавшие в прекрасном поместье Кветчем-Холл. Никто не смог бы приписать им корыстных видов на брак единственной дочери, которой они оставляли по меньшей мере полмиллиона. Однако, слегка волнуясь о будущем дорогой Кэтрин (она решительно отвергла

предложение лорда Слогана, безупречного ирландского пэра, чьему поместью не хватало лишь дренажной системы и населения), лорд и леди Кветчем интересовались – возможно, не только из филантропических соображений – будущим соседом, а именно: хорош ли собой мистер Грандкорт, здоров ли, добродетелен ли, а если либеральный консерватор, то не слишком ли либеральный? Не желая ничьей смерти, грядущий титул они воспринимали как желанное событие.

Если подобные мысли посещали мистера и миссис Эрроупойнт, то стоит ли удивляться, что мистер Гаскойн также не остался безразличным? Священный сан отнюдь не отменяет забот отца и попечителя, тем более что забот с каждым днем становилось все больше.

Естественно, никто не сообщал друг другу все, что чувствовал и думал относительно приезда молодого Грандкорта. Излишняя открытость не оказывает благоразумной помощи ни в одном деле – даже в производстве кислот или определении местоположения неподвижных звезд. Вас либо опередят, воспользовавшись вашими же идеями, либо, обладая иными взглядами на кислоты и неподвижные звезды, составят о вас дурное представление. Мистер Гаскойн не спрашивал мистера Эрроупойнта, обладает ли тот достоверным источником информации о Грандкорте как о возможном муже для очаровательной девушки. Точно так же миссис Эрроупойнт не спешила делиться с миссис Дэвилоу убежденностью, что если Грандкорт займется поисками супруги в окрестностях Диплоу, то разумно ожидать единственного исхода: он непременно предложит руку и сердце Кэтрин. Та, в свою очередь, не примет ни этой руки, ни этого сердца, если не проникнется полной уверенностью в грядущем счастье. Размышлениями о возможном брачном союзе священник не делился даже с женой, поскольку трезво рассуждал, что на следующем собрании клуба лучников мистер Грандкорт встретится с Гвендолин. Но стоит ли говорить, что разум миссис Гаскойн работал в этом направлении куда активнее? В разговоре с сестрой она воскликнула:

– Было бы счастьем, если бы эта девушка удачно вышла замуж!

Различив в страстном пожелании ноту осуждения своей любимицы, миссис Дэвилоу сочла за благо не отвечать вслух, хотя мысленно возразила: «Не надейся заставить ее пойти под венец ради твоего удовольствия». Когда речь заходила о дочери, добрая матушка становилась довольно резкой, если не сказать грубой.

Мужу миссис Гаскойн сказала:

– Говорят, что у мистера Грандкорта есть два собственных поместья, а в Диплоу он собирается охотиться. Остается надеяться, что аристократ станет для всей округи хорошим примером. Генри, ты что-нибудь слышал о новом соседе?

Мистер Гаскойн ничего не слышал. Во всяком случае, даже если знакомые мужчины сплетничали в его присутствии, он предпочитал не повторять сплетни и не придавать им значения. Пастор считал неприличным любопытствовать относительно прошлого молодого человека, чье происхождение, богатство и, как следствие, праздность делали невинными многие привычки, которые в иных условиях оказались бы непростительными. Что бы ни делал Грандкорт, он сумел не разориться. А хорошо известно, что в мире азартных игр тот, кто обладает силой воли встать и уйти, разорив других, считается победителем и пользуется всеобщим уважением. Не было никаких достоверных сведений, что мистер Грандкорт нуждался в исправлении больше других молодых людей в возрасте тридцати пяти лет. Во всяком случае, богатый землевладелец, в чьих жилах смешалась благородная кровь двух старинных фамилий, не нуждался в таком же пристрастном допросе, который приходится терпеть нанимающемуся дворецким или слугой.

Миссис Дэвилоу также не могла остаться равнодушной к появлению в округе человека, способного обеспечить Гвендолин блестящее будущее. Мистер Грандкорт представал в воображении миссис Дэвилоу красивым, прекрасно воспитанным молодым человеком, безусловно удовлетворяющим ее строгие требования к мужу любимой дочери. Но удовлетворит ли он тре-

бования самой Гвендолин? Матушка не знала, что именно угодило бы вкусу молодой леди и разбудило спящие чувства: не исключено, что это окажется не внешнее совершенство, а нечто другое. С трудом подбирая беспроегрешный вариант, матушка мысленно успокоила себя: «Если она даст согласие подходящему человеку, не так уж и важно, полюбит ли она его». Каким бы ни оказался ее собственный брак, она желала замужества дочери. Однако неудачи семейной жизни привели к тому, что миссис Дэвилу почти не беседовала с Гвендолин о привлекательных сторонах замужества, опасаясь получить ответ, подобный тому, который сама дала, когда любящая мамаша, убеждая ее принять предложение, пообещала: «Ты будешь счастлива». – «Да, мама, как ты», – парировала дочь.

В отношении мистера Грандкорта миссис Дэвилу меньше всего была склонна возводить воздушные замки: она этого стыдилась, а кроме того, боялась, что Гвендолин, узнав об этом, заранее воспылает презрением к желательному супругу. Разыгравшаяся после прощального визита Рекса бурная сцена внушила матушке новое чувство опасности: теперь она боялась касаться тайных переживаний дочери и поспешно определять, в чем для нее заключается благополучие. Вот только сама миссис Дэвилу не представляла иной формы благополучия, чем замужество.

Обсуждение платья, в котором Гвендолин предстояло появиться на заседании клуба лучников, приобрело особенное значение. Наконец было решено, что Гвендолин наденет белое кашемировое платье, а лучшим украшением к нему станет светло-зеленое перо, прикрепленное к шляпке. Стоя перед зеркалом, Гвендолин неожиданно изобразила, как натягивает тетиву лука, и с удовольствием проговорила:

– До чего мне жалко других девушек из клуба лучников – ведь все они мечтают о мистере Грандкорте! Но ни у одной нет шансов!

От растерянности миссис Дэвилу не нашлась что ответить, а Гвендолин лукаво продолжила:

– Ты ведь сама это знаешь, мама. Ты, дядя и тетя – все вы уверены, что он в меня влюбится.

Решившись на небольшую хитрость, миссис Дэвилу возразила:

– Ах, дорогая, трудно утверждать наверняка. Мисс Эрроупойнт обладает достоинствами, которых у тебя нет.

– Знаю. Но ее достоинства требуют осмысления, а моя стрела пронзит его сердце раньше, чем он успеет задуматься. Он падет к моим ногам, и я отправлю его за тридевять земель в поисках обручального кольца счастливой жены. Тем временем все, кто стоит между ним и титулом, умрут от разных болезней. Он вернется без кольца, но лордом Грандкортом, и снова падет к моим ногам. Стоя над ним, я засмеюсь, и он поднимется в негодовании. Я засмеюсь громче. Он вскочит на коня и помчится в Кветчем-Холл, где обнаружит, что мисс Эрроупойнт недавно вышла замуж за бедного музыканта. Миссис Эрроупойнт сорвет с головы чепчик, а мистер Эрроупойнт, как всегда, останется в стороне. Лорд Грандкорт гордо удалится и вернется в Диплоу.

Жила ли когда-нибудь на свете другая такая же молодая ведьма? Вы с невинным видом пытались что-нибудь от нее скрыть и думали, что у вас это получилось, но вдруг оказывалось, что все это время она точно знала, о чем вы так старательно помалкивали! С таким же успехом можно было запереть дверь на ключ, чтобы отгородиться от сырости! Не исключено, подумала миссис Дэвилу, что благодаря дару прорицания и о самом мистере Грандкорте Гвендолин уже знала больше, чем все остальные.

– Каким человеком ты его представляешь? – спросила она.

– Дай подумать! – Колдунья приложила указательный пальчик к губам, слегка нахмурилась, а потом, словно найдя ответ, взмахнула рукой. – Он маленького роста – мне по плечо, – но очень хочет казаться выше и для этого подкрутил вверх усы и отпустил длинную бороду. В

правом глазу носит монокль, чтобы выглядеть умнее всех. Уверен в выборе жилета, но постоянно сомневается насчет погоды. На эту тему он и заведет первый разговор. Будет все время на меня смотреть и, чтобы монокль не вывалился, корчить страшные физиономии – особенно при попытке лстиво улыбнуться. Боясь рассмеяться, я не выдержу и опущу взгляд, а он делает вывод, что его внимание мне небезразлично. Ночью мне приснится огромное насекомое с необыкновенной физиономией, а наутро он сделает предложение. Обо всем, что случится дальше, ты уже слышала.

– Это портрет мужчины, которого ты когда-то видела, Гвен. Мистер Грандкорт вполне может оказаться восхитительным молодым человеком.

– Да, конечно, – равнодушно произнесла Гвендолин, сняла шляпку и принялась задумчиво крутить ее в руках. – Интересно, как ведет себя восхитительный молодой человек? Знаю, что у него есть охотничьи собаки и скаковые лошади, особняк в Лондоне и два загородных дома: один с зубчатыми башнями, а второй с верандой. И если он убьет нескольких родственников, то, вероятно, получит титул.

Ирония в этом монологе смешалась с изрядной долей искренней веры, а потому вызвала сомнения. Бедная миссис Дэвилу пришла в смятение и взмолилась:

– Ради бога, не говори так, дитя! Ты читаешь опасные книги – они и вселяют подобные мысли обо всем на свете. Когда мы с твоей тетушкой были молоды, то ничего не знали о грехе. По-моему, так было лучше.

– Почему же ты не воспитала меня в таком же духе? – спросила Гвендолин, но заметив сокрушенный вид матушки, поняла, что нанесла глубокую рану. Отбросив шляпу, она упала на колени и воскликнула: – Мама, милая мама! Я же пошутила. Я не думаю ни о чем подобном.

– Как я могла, Гвендолин? – еле сдерживая рвущиеся из груди рыдания, пробормотала бедная миссис Дэвилу. – Ты всегда была сильнее; даже если бы обстоятельства сложились иначе...

– Дорогая мама, я тебя не виню! – воскликнула Гвендолин, страдая от угрызений совести. – Разве ты в состоянии что-то во мне изменить? Тем более что я такая очаровательная. Ну же, не плачь. – Она достала носовой платок и нежно вытерла глаза матери. – Честное слово, я вполне собой довольна и рада, что не похожа на тебя и тетю в молодые годы. До чего же скучными вы, наверное, были!

Нежные ласки дочери помогли матушке успокоиться, как часто случалось в подобных случаях. Но случившийся инцидент был неприятен обоим: Гвендолин страшилась непривычного ей чувства раскаяния за доставленные матери страдания, а миссис Дэвилу с горечью осознавала, что дочь имела право упрекать ее за свое воспитание. По этой причине возникло обоюдное решение исключить мистера Грандкорта из разговоров.

Когда же мистер Гаскойн раз-другой упомянул имя нового соседа, миссис Дэвилу обеспокоилась, как бы Гвендолин не выдала своей проницательности в отношении действительных мыслей дядюшки, однако тревога не оправдалась: Гвендолин так же безошибочно чувствовала характеры людей, с которыми приходилось общаться, как птицы чувствуют погоду. Приняв твердое решение избежать контроля со стороны дяди, она так же твердо решила с ним не сталкиваться. Взаимопонимание между ними основывалось главным образом на удовольствии от совместной стрельбы из лука. Один из сильнейших лучников Уэссекса, мистер Гаскойн с гордостью отмечал успехи племянницы, а Гвендолин, в свою очередь, старалась сохранять его снисходительное отношение, тем более что после неприятности с Рексом миссис Гаскойн и Анна чуждались ее. В общении с милой кузиной мисс Харлет пыталась держаться с полной сожаления нежностью, однако ни одна из них не решалась упомянуть о Рексе, а Анна с трудом выносила присутствие разрушившей счастье брата самовлюбленной красавицы. Она добросовестно старалась избегать малейшего проявления изменившихся чувств, но разве тот, кто испытывает боль, способен наполнить взгляд и прикосновение радостью?

Несправедливое осуждение ожесточило Гвендолин и заставило вести себя еще более дерзко. Дядя также мог рассердиться, если бы она отвергла второго влюбленного мужчину. Однажды, думая об этом, Гвендолин заметила:

– Мама, теперь я понимаю, почему с радостью выходят замуж: чтобы избежать необходимости доставлять удовольствие всем, кроме себя.

К счастью, мистер Мидлтон уехал, так и не сделав какого бы то ни было заявления.

Восхищение красотой и обаянием мисс Харлет распространилось в радиусе тридцати квадратных миль от Оффендина, плотно населенных свободными молодыми людьми, каждый из которых не упускал возможности побеседовать с остроумной девушкой. И все же, несмотря на веские основания, что долго ждать более разговорчивых поклонников, чем стеснительный викарий, мисс Харлет не придется: таковые пока не появлялись.

Природа позаботилась не только о том, чтобы деревья не сметали с неба звезды, но и о том, чтобы не каждый из восхищенных красотой девушки мужчин непременно в нее влюбился, и даже о том, чтобы не каждый из влюбленных признался в своих чувствах. Законы природы, несомненно, милостивы и не заставляют всех нас дружно влюбиться в самое восхитительное из всех смертных существо. А мы уже знаем, что не все признавали в Гвендолин безусловное превосходство. Впрочем, она приехала в Оффендин всего каких-то восемь месяцев назад, а любовь в некоторых людях проявляется так же медленно, как тянутся к солнцу растения.

Ввиду того, что ни один из обитавших в округе достойных молодых людей еще не сделал Гвендолин предложение, почему-то считалось, что мистер Грандкорт совершит поступок, который они не совершили.

Возможно, причина такой уверенности заключалась в том, что он казался еще более достойным претендентом, а людям всегда кажется вероятным то, что всего лишь отражает их желания. Например, мистер и миссис Эрроупойнт, не озабоченные блестящим замужеством мисс Харлет, считали вероятным совершенно другой исход.

Глава X

Поместье Брэкеншо-Парк, где проходило собрание лучников, было расположено на пологих холмах, возвышавшихся над окружающей долиной, далекими низменностями на востоке и широкой полосой возделанных полей, простирающихся на запад. Построенный из грубо обтесанного известняка замок стоял на плоской вершине самого высокого из холмов и казался черно-белым из-за контраста светлого, отмытого дождями камня и разросшегося на стенах темного лишайника. Поле для стрельбы из лука представляло собой ровную, тщательно ухоженную площадку в дальнем конце парка, огражденную с юго-запада высокими вязами и густыми зарослями падуба, за которыми скрывалась посыпанная гравием дорожка и свежескошенная лужайка, где располагались мишени.

Трудно представить более живописный фон для ярких, как цветы, молодых леди. Все они ходили, кланялись и поворачивали головы так, как это сделали бы роскошные лилии, если бы внезапно обрели способность двигаться. Звуки также радовали слух, даже когда замолкал приглашенный из Вончестера военный оркестр: всюду слышался мелодичный смех и жизнерадостные, дружеские разговоры. Голоса то возвышались до сдержанного возбуждения, то понижались до добродушного бормотания.

Никакое другое развлечение на свежем воздухе не могло соперничать с собранием лучников: здесь не было ни шума, ни толкотни, лишаящих привлекательности большинство современных раутов. Трудно представить общество более избранное, ибо число приглашенных было ограничено ввиду ужина и бала в замке после собрания. Зрители, кроме арендаторов лорда Брэкеншо с семьями на соревнования не допускались. Этой привилегией воспользовались главным образом женщины, к тому же привели детей, а также младших братьев и сестер. Немногочисленные мужчины развлекались тем, что держали пари в пользу любимых лучников, а женщины обсуждали туалеты нарядных леди, пытаясь представить, кем бы они хотели стать, если бы получили право выбора. Гвендолин, кстати, не пользовалась успехом у этих бесхитростных сельских душ, однако окружавшие мисс Харлет мужчины с редким единодушием провозгласили ее прекраснейшей среди присутствующих дам.

Неудивительно, что в этот чудесный июльский день Гвендолин наслаждалась жизнью. Неоспоримое превосходство, пусть даже в неподходящей обстановке, тешит душу тех, кто его ценит. Возможно, миф о рабе, гордящемся тем, что его купили первым, вовсе не миф, однако для полного удовольствия внутренние ощущения должны находиться в гармонии с внешними обстоятельствами. Именно в таком состоянии и находилась Гвендолин.

Кто будет отрицать, что в женских руках лук и стрелы – одно из красивейших оружий кокетства? Пользуясь ими, можно принимать различные позы, исполненные грации и силы, но без свойственной мужчинам идеи кровопролития. Освященный веками британский обычай добыть еду, «что-нибудь убив», в наши дни уже не требует лука и колчана: воины, охраняющие свои земли от завоевателей, сражаются под иной защитой, нежели туча стрел. Стрельба из лука не отравляет воздух отвратительным запахом серы и не калечит людей так, как ружья. Единственная опасность – промах, который только больше распаляет добиться успеха. Лучники клуба Брэкеншо получали благородные символические призы: не те, которые можно унести в свертке, унизив честь до мелкой выгоды, а золотые и серебряные стрелы и звезды, обладающие достоинством лавровых венков. Иными словами, клуб лучников Брэкеншо был основан на благородных принципах, исключающих даже мысль о скандале.

Сегодня все складывалось благоприятно: погода стояла умеренно теплая, без ветра, способного нарушить прическу, наряд или полет стрелы, – так что когда прозвучала команда собрать стрелы из мишеней, шествие веселых молодых леди представляло собой великолепное красочное зрелище. Гвендолин напоминала Калипсо в окружении нимф. Глядя на ее грациоз-

ную походку, изящные движения и величественную фигуру, все признали непревзойденное очарование мисс Харлет.

– Эта девушка напоминает ретивую скаковую лошадь, – заметил лорд Брэкеншо, обращаясь к молодому Клинтону.

– Первый сорт! И невероятно хороша собой, – согласился не скупившийся на знаки внимания элегантный эллинист. – Никогда еще не видел ее столь очаровательной.

Возможно, Гвендолин действительно никогда еще не выглядела так хорошо. Лицо светилося ничем не омраченным удовольствием. Довольная собственными шансами на победу, она благоволила ко всем собравшимся и Вселенной в целом. Осознание, что у нее отсутствует высокий титул и огромное наследство, как у мисс Эрроу-пойнт, только помогало прочувствовать свой триумф. Поменять группу поддержки, чтобы предстать в более выгодном свете, Гвендолин ни за что бы не согласилась: мама внешностью походила на добрую симпатичную герцогиню, дядя и тетя Гаскойн в сопровождении Анны также выглядели прилично, а сама Гвендолин слишком жизнерадостно верила в себя, чтобы хоть в малейшей степени завидовать мисс Эрроупойнт, хотя та и считалась одной из лучших лучниц графства.

Даже внезапное появление герра Клезмера, удивившее всех, не испортило веселого настроения Гвендолин. При виде контраста между Клезмером и английской провинциальной аристократией по лицу мисс Харлет скользнула усмешка. Мы, англичане, народ разнообразный, и добрая половина представителей нашей нации может отличаться телосложением и строением лица. Однако надо признать, что англичане как тип не похожи на живую, страстную нацию, поглощенную мыслями об идеальном мире и считающую реальную действительность лишь досадной необходимостью. Сильной стороной истинного английского джентльмена следует считать строго приличный внешний вид. Он не желает ничего вычурного в одежде и точно так же не желает выглядеть возвышенным и вдохновленным.

А теперь представьте, как общество мужчин, отмеченных печатью чистокровного английского происхождения, может встретить появление герра Клезмера – с гривой буйных волос, развевающихся на ветру, в нелепой старомодной шляпе, словно в шутку нахлобученной на голову, поверх правильных, но крупных черт, выразительного рта и чисто выбритого выдающегося подбородка. К высокой худой фигуре совершенно не подходил костюм, тем более неприглядный, что, не соответствуя английскому стилю, подчеркивал стремление стать своим. В просторных одеждах и во флорентийском берете, музыкант без стеснения мог бы встать рядом с Леонардо да Винчи. Но что делать, если он предстал перед почтенной публикой в брюках, не соответствующих английскому пониманию фасона? Что делать, если лихорадочный блеск в глазах и неуклюжие движения вызвали улыбку, особенно при взгляде на шляпу, требующую коротко стриженных волос и степенных манер – таких, например, как у мистера Эрроупойнта, чья близость и безупречный внешний вид нигде и никогда не вызвала ни тени насмешки? Чтобы стать великим, надо умереть, а чтобы вписаться в общество, желательно стать таким же, как все.

Многие из присутствующих знали Клезмера лично или слышали о нем, однако видели его только при свечах, сидящим за музыкальным инструментом, когда он был музыкантом и не обладал той мировой славой, которая заставляет большинство обычных людей считать артиста великим, прослышав о его огромных гонорарах. И вот герр Клезмер предстал в новом свете – неожиданно появившись июльским днем в избранном обществе. Одни с трудом сдерживали смех, другие испытывали неудовольствие тем, что Эрроупойнты злоупотребили присланными им пригласительными билетами.

– До чего же причудливы эти артистические натуры! – заметил молодой Клинтон, обращаясь к мисс Харлет. – Посмотрите, как он смешон: кланяется леди Брэкеншо, приложив ладонь к сердцу. А перо на шляпе миссис Эрроупойнт едва достает ему до плеча.

– Сразу видно, что вы профан, – возразила Гвендолин. – Не в состоянии оценить величие гения. Герр Клезмер внушает мне благоговейный ужас; в его присутствии я невольно склоняю голову.

– О, значит, вы глубоко понимаете его музыку.

– Вовсе нет, – легко рассмеялась Гвендолин. – Это он глубоко понимает мое пение и считает его жалким.

Мисс Харлет нашла в себе силы шутить даже после того, как Клезмер вынес неутешительный приговор ее музыкальному таланту.

– Полагаю, ваше пение не предназначено для рафинированных ушей, чему я очень рад. Мне оно доставляет удовольствие.

– О, вы очень добры. Но как чудесно сегодня выглядит мисс Эрроупойнт! Золотистое платье невероятно ей идет.

– Чересчур великолепно, не находите?

– Ну, если только чересчур символично – словно олицетворение богатства.

Слова Гвендолин прозвучали почти злобно, но на самом деле не подразумевали ничего, кроме забавной болтовни. Она не стремилась убрать с дороги ни мисс Эрроупойнт, ни других соперниц, веря в свою удачу даже больше, чем в мастерство. Получить первый приз – это успех, особенно поразительный для дебютантки, а при темпераменте Гвендолин первый успех определял следующий. Она витала в облаках: все удовольствия казались возможными – и думать о том, что делать дальше, чтобы держаться на должной высоте, не собиралась.

– Интересно, кто победит? – осведомилась леди Брэкеншо, выступающая в роли верховной жрицы.

Во время одного из перерывов к ней подошел супруг.

– Похоже, мисс Харлет получит золотую стрелу. Ей-богу, так и будет, если ничего не изменится. Она уже почти догнала Джульетту Фенн. Поразительно для первого состязания. А Кэтрин сегодня не дотягивает до своего обычного уровня, – добавил его светлость, обращаясь к миссис Эрроупойнт. – Но она завоевала золотую стрелу в прошлый раз. А так даже лучше: сложилось острое соперничество, и все получают шанс.

– Кэтрин обрадуется, если выиграет кто-нибудь другой, – заметила миссис Эрроупойнт. – Она так великодушна. Исключительно ее деликатность заставила нас пригласить герра Клезмера вместо каноника Стопли, который выразил желание ее сопровождать. Уверена, что ей самой было бы приятнее видеть каноника, но она всегда думает о других. Я предупредила, что не принято приглашать в общество человека, настолько далекого от нашего круга, но Кэтрин ответила: «Гений никогда не соответствует тому, что принято. Он является в мир, чтобы создавать новые правила». Приходится согласиться: это действительно так.

– Да, несомненно, – небрежно подтвердил лорд Брэкеншо и поспешно добавил: – Что касается меня, то никакого великодушия. Я хотел бы победить! Но, черт возьми, не осталось ни единого шанса. С возрастом я становлюсь все ленивее. Молодые рвутся вперед. Как справедливо заметил Нестор¹³, боги не посылают нам все сразу: когда-то я был молод и смел, а теперь становлюсь старым и мудрым. Старым уж точно. Этот дар получает каждый, кому удастся прожить достаточно долго, так что зависти он не вызывает. – Граф мило улыбнулся жене.

– Право, милорд, люди, двадцать лет живущие по соседству, не должны упоминать о возрасте, – возразила миссис Эрроупойнт. – Не случайно тосканцы говорят, что годы созданы для тех, кто сдает дома в аренду. Но где же наш новый сосед? Мне казалось, что мистер Грандкорт обязательно сегодня появится.

– Да, кстати, он должен быть здесь. Времени уже немало! – воскликнул его светлость, взглянув на часы. – Он только на днях приехал в Диплоу. Во вторник навестил нас и сказал, что

---

¹³ Нестор Геренианский (древнегреческий) – легендарный мудрый царь Пилоса, описанный в «Одиссее» Гомера.

немного утомился от дел. Должно быть, заботы увлекли его в ином направлении. Эй, Гаскойн! – позвал он пастора, который как раз проходил мимо под руку с мисс Харлет. – Это уже слишком. Вы не только стреляете лучше нас, но и привезли племянницу, чтобы победить всех лучниц.

– Действительно, крайне нелюбезно с ее стороны обойти более опытных соперниц, – признал мистер Гаскойн, улыбаясь. – Но я здесь ни при чем, милорд. Я всего лишь хотел, чтобы Гвендолин прилично выступила, никого не превосходя.

– И я тоже не виновата, – добавила Гвендолин с очаровательным лукавством. – Если уж прицелилась, не могу промахнуться.

– Для многих это может кончиться плохо, – добродушно парировал лорд Брэкеншо, а затем снова посмотрел на часы и повернулся к миссис Эрроупойнт: – Да, время и вправду не стоит на месте. Впрочем, Грандкорт всегда опаздывает, это я заметил еще в городе. К тому же он ничего не понимает в стрельбе из лука. Но я велел ему непременно приехать, чтобы увидеть весь цвет нашего общества. Он видел визитную карточку Эрроупойнта и спрашивал о вас. Полагаю, в городе вы с ним не встречались: Грандкорт много времени провел за границей, так что с ним знакомы немногие.

– Действительно, я его не знаю, – подтвердила миссис Эрроупойнт. – Что очень странно: с его дядей, сэром Хьюго Мэллинджером, мы дружны.

– Не вижу ничего странного. Дяди и племянники не так часто появляются вместе, как дяди и племянницы, – возразил его светлость, улыбаясь священнику. – Можно отвлечь вас на минутку, Гаскойн? Хочу перекинуться парой слов насчет стрельбы по мишеням.

Гвендолин также предпочла удалиться и провести оставшееся до следующего выступления время в обществе мамы и тетушки. То обстоятельство, что мистер Грандкорт может вообще не появиться на состязании, чуть испортило ее настроение. Под едкими насмешками о Грандкорте как о будущем женихе, скрывалось чувство, весьма далекое от безразличия по поводу того, какое впечатление она на него произведет. Гвендолин не боялась оказаться в его власти (Гвендолин не осознавала, что стремление покорить само по себе является некой зависимостью) и заранее поместила мистера Грандкорта в разряд тех любезных, полных неутомимого восхищения поклонников, которых у нее было немало. Предчувствуя, что все родственники жаждут, чтобы он ей понравился, Гвендолин заранее решила считать незнакомого джентльмена нелепым. Однако все сказанное выше вовсе не означало, что мисс Харлет не желала присутствия мистера Грандкорта на празднике, и даже предчувствие неприятных последствий в том случае, если претендент не вызовет симпатию и получит отказ, не вызывало ни тени желания, чтобы он не обратил на нее внимания и обручился с мисс Эрроупойнт.

Поэтому, когда он все-таки появился на празднике, ни миссис Эрроупойнт, ни мистер Гаскойн, ни кто другой не восприняли это событие острее, чем Гвендолин, хотя упорно отказывалась смотреть в ту сторону, где находился джентльмен, и ничем не выдавала своего интереса к тому, появился или нет вызвавший так много разговоров мистер Мэллинджер Грандкорт. Мисс Харлет настолько глубоко погрузилась в стрельбу из лука и так решительно отказала себе в искушении внимательно посмотреть по сторонам, что, даже если бы новый обитатель Диплоу занял самое лучшее место среди зрителей, она все равно бы его не заметила. Однако все это время уверенность в его присутствии ни на миг не покидала сознания. Возможно, именно благодаря этому Гвендолин начала стрелять еще лучше, чем прежде, так что три стрелы подряд попали в «яблочко», и публика встретила успех восторженными аплодисментами. Среди лучников Брэкеншо подобное достижение вознаграждалось не вульгарным денежным призом, а специальной золотой звездой, которую следовало с гордостью носить на груди. Этот миг стал счастливым не только для Гвендолин: о подобном успехе мечтали мама и дядя. Публика выстроилась в два ряда, чтобы героиня смогла торжественно прошествовать туда, где восседала миссис Брэкеншо, и получить из ее рук драгоценную награду.

Все присутствующие смотрели только на нее, тогда как сама Гвендолин не замечала никого вокруг, хотя и тешила себя мыслью, что герр Клезмер и мистер Грандкорт видят ее в самом выгодном свете и скорее всего восхищаются.

Благосклонную улыбку леди Брэкеншо Гвендолин встретила без тени румянца (краснела она только в тех случаях, когда была застигнута врасплох). С очаровательно счастливым лицом она улыбнулась в ответ и грациозно склонилась, позволяя приколоть звезду на плечо. Как только церемония закончилась, Гвендолин оказалась в окружении восторженных зрителей, принимая поздравления и обмениваясь игривыми репликами. Теперь всех интересовало точное количество очков, и когда собравшиеся отправились к мишеням, победительница оказалась в одиночестве, рассеянно рассматривая наконечник стрелы. Внезапно рядом раздался голос лорда Брэкеншо:

– Мисс Харлет, вот этот джентльмен не пожелал ждать, когда его представят. Позвольте познакомить вас с мистером Мэллинджером Грандкортом.

Часть вторая. Встречные потоки

Глава I

Желание мистера Грандкорта быть представленным Гвендолин не удивило ее, однако едва лорд Брэкеншо отошел в сторону, пропуская вперед незнакомца, Гвендолин оказалась с ним лицом к лицу и ее щеки мгновенно окрасились румянцем смущения. Такая реакция последовала из-за обманутых ожиданий: Грандкорт никак не соответствовал воображаемому портрету. Он был чуть выше Гвендолин, так что их глаза оказались почти на одном уровне; ни на лице, ни в глазах не мелькнуло даже тени улыбки, а манеры не выдали ни следа стеснительности или волнения. Когда мистер Грандкорт приподнял шляпу, взору открылась большая лысина, обрамленная светлыми рыжеватыми волосами, и безупречная рука. Его лицо не искажали ни гримасы, ни суетливые ужимки, но в то же время оно выглядело совершенно безжизненным. В истинном англичанине, застывшем в неподвижности после поклона, угадывается внутренняя энергия, готовая вырваться на свободу, едва закончится официальное действие. Однако осанка Грандкорта свидетельствовала скорее о безволии и пассивности. Лицо со следами увядшей красоты напоминало лицо актрисы, смывшей яркий грим. Длинные узкие серые глаза выражали безразличие. Впрочем, любые попытки описать человека с первого взгляда никогда не бывают удачными. При первом знакомстве мы узнаем алфавит, но при этом не уверены в языке. Я передаю впечатление, полученное Гвендолин в первые минуты ее встречи с Грандкортом, – впечатление, которое можно выразить одной короткой фразой: «Он не смешон». Вскоре лорд Брэкеншо удалился, и между Гвендолин и мистером Грандкортом завязалась беседа, во время которой он не сводил с нее прямого пристального взгляда. Гвендолин тем временем лишь изредка кокетливо посматривала на него.

После каждой ее реплики следовала продолжительная пауза, словно, прежде чем заговорить снова, собеседник собирался с мыслями.

– Всегда думал, что стрельба из лука невероятно скучна, – начал Грандкорт.

Говорил он с прекрасным произношением, однако растягивал слова как человек, переживающий гриппозное состояние.

– А сегодня изменили мнение? – осведомилась Гвендолин.

(Пауза, во время которой она успела подумать, какое впечатление произвела на Грандкорта.)

– Да, после того как увидел ваше выступление. В подобных состязаниях участники обычно мажут и глупо улыбаются.

– Полагаю, вы прекрасно стреляете из ружья.

(Пауза, во время которой Гвендолин, быстро оглядев Грандкорта, мысленно описала его воображаемому слушателю.)

– Я отказался от стрельбы.

– О, в таком случае вы опасная личность. Люди, бросившие привычное занятие, заставляют остальных чувствовать себя жалкими – как будто старомодно одетыми. Надеюсь, вы не отказались от всех прихотей; я склонна ко многим из них.

(Пауза, во время которой Гвендолин успела по-разному истолковать собственные слова.)

– Что вы называете прихотями?

– Полагаю, что в общих чертах все приятное называется прихотью. Но, насколько я слышала, охоту вы не бросили.

(Пауза, во время которой Гвендолин вспомнила все, что слышала о положении Гранд-корта, и решила, что перед ней стоит самый аристократичный мужчина из всех, кого ей довелось видеть.)

– Чем-то надо заниматься.

– А скачки любите? Или они относятся к тем излишествам, от которых вы отказались?

(Пауза, во время которой Гвендолин подумала, что человек, обладающий чрезвычайно спокойными, холодными манерами, в роли супруга может оказаться не таким неприятным, как другие мужчины, и не станет мешать привычкам жены.)

– Время от времени выставляю свою лошадь, но не так часто, как другие. А вы любите лошадей?

– Да, очень. Нигде не наслаждаюсь жизнью так, как в седле, когда несусь галопом. В эти минуты я ни о чем не думаю и чувствую себя сильной и счастливой.

(Пауза, во время которой Гвендолин попыталась понять, понравился ли Грандкорт ее ответ, и решила, что не собирается скрывать свои вкусы.)

– Опасность вас привлекает?

– Не знаю. Во время скачки я никогда не думаю об опасности. Пожалуй, даже не замечу, если переломаю кости. И препятствия на пути меня не испугают.

(Пауза, во время которой Гвендолин мысленно провела охотничий сезон, ежедневно выбирая, на какой из двух прекрасных лошадей сегодня поедет.)

– Наверное, вам понравилась бы охота с копьем на тигров или кабанов. Пару лет я занимался чем-то подобным на востоке. После этого все происходящее у нас кажется ерундой.

– Значит, это вас привлекает опасность?

(Пауза, во время которой Гвендолин уверилась, что хладнокровные мужчины превосходят остальных в безрассудстве, и ощутила собственную проницательность.)

– Что-то должно щекотать нервы. Жаль только, что ко всему быстро привыкаешь.

– Начинаю думать, что я необыкновенно удачлива, потому что для меня все ново: сложность в том, что никак не могу насытиться. Не привыкла ни к чему, кроме скуки, от которой мечтаю отказаться, так же как вы отказались от стрельбы.

(Пауза, во время которой Гвендолин подумала, что мужчина с холодными и утонченными манерами может оказаться скучным собеседником, но, возразила она себе, многие люди скучны, а общительных мужей ей вообще не доводилось видеть; к тому же она не собиралась выходить замуж за Грандкорта.)

– Почему вам скучно?

– Это ужасное место: здесь совсем нечего делать, потому я и тренируюсь в стрельбе из лука.

(Пауза, во время которой Гвендолин задумалась о том, что жизнь незамужней женщины, которая не имеет возможности делать что хочет и не обладает властью, скучна повсюду и во все времена.)

– В итоге вы стали настоящей королевой среди лучниц. Полагаю, получите первый приз.

– Не уверена. Соперницы очень сильны. Разве вы не заметили, как великолепно стреляла мисс Эрроупойнт?

(Пауза, во время которой Гвендолин подумала, что мужчины склонны выбирать не ту женщину, которой больше всего восхищаются, и вспомнила несколько подобных примеров из романов.)

– Мисс Эрроупойнт? Нет... то есть да.

– Почему бы нам не пойти и не послушать, каков счет? Все собираются у мишеней. Может быть, присоединимся? Кажется, дядя смотрит сюда: наверное, ждет меня.

Закончив разговор, Гвендолин ощутила облегчение. Не то чтобы общение с мистером Грандкортом наедине показалось ей совершенно неприятным, однако она никак не могла изба-

виться от непривычного, предательского румянца и удивления, лишаящего обычного самообладания. При этом мистер Грандкорт, ставивший себя выше мисс Харлет (мало кто из нас способен смириться со столь абсурдным поведением), не должен был думать, что получил над ней власть, или вообразить, что если другие видят в нем завидного жениха, то она уже поступила в его полное распоряжение.

А что думал Грандкорт во время пауз, выяснится впоследствии.

– Ты немного не дотянула до золотой стрелы, Гвендолин, – сообщил мистер Гаскойн. – Мисс Джульетта Фенн опередила тебя на восемь очков.

– Очень рада это слышать. Если бы я забрала все награды, то почувствовала бы себя слишком жадной, – без тени сожаления ответила Гвендолин.

Трудно было завидовать Джульетте Фенн: такой же посредственной, как рынок перед закрытием, – во всем, кроме стрельбы из лука, и унаследовавшей от отца внешнюю непривлекательность.

Группы гостей смешались; разговор стал общим. Гвендолин заметила, что незнакомый джентльмен средних лет со смуглым полным лицом и толстыми руками представляет Грандкорт Клезмера. Сам он, судя по всему, прекрасно знал обоих. Вскоре все трое подошли к Эрроупойнтам. Гвендолин не интересовало, что это за джентльмен, однако она захотела узнать, как держится Грандкорт с другими собеседниками. Оказалось, что точно так же, как с ней. Разница заключалась лишь в том, что смотрел он не столько на мисс Эрроупойнт, сколько на Клезмера. Музыкант говорил с огромным воодушевлением, то вытягивая длинные пальцы горизонтально, то указывая вниз, на землю, то складывая руки на груди и потрясая гривой. Обращался он ко всем по очереди, включая Грандкорта, а тот слушал бесстрастно, сунув указательный палец левой руки в жилетный карман, а указательным пальцем правой легко поглаживая бритый подбородок.

«Интересно, чьи манеры более по нраву мисс Эрроупойнт?» – промелькнула мысль у Гвендолин, в то время как глаза и губы приняли насмешливое выражение. Однако она не стала далее наблюдать за мистером Грандкортом, чтобы не выдать любопытства, твердо решив, что ей все равно, подойдет он к ней снова или нет.

Грандкорт не подошел, но предложил миссис Дэвилу проводить ее до экипажа.

– Мы увидимся на балу? – спросила она, когда джентльмен приподнял шляпу на прощание.

Краткий ответ «да» прозвучал с обычной медлительностью и многозначительной торжественностью.

– Итак, в этот раз ты ошиблась, Гвендолин, – заметила миссис Дэвилу во время поездки в замок.

– Относительно чего, мама?

– Относительно внешности и манер мистера Грандкорта. Даже ты не сможешь найти в нем ничего смешного.

– Думаю, что смогла бы, если бы постаралась, но не хочу этого делать, – с раздражением ответила Гвендолин, и матушка побоялась сказать что-нибудь еще.

* * *

Согласно давнему обычаю на подобных праздниках леди и джентльмены обедали отдельно, чтобы во время трапезы и те и другие имели возможность расслабиться и отдохнуть. Надо сказать, что джентльмены располагали богатым набором историй об эпикурействе дам: оставшись одни, те якобы проявляли мужскую приверженность к оленине и даже просили принести жир – доказательство того, до чего могли бы опуститься женщины, если бы их не сдерживали строгие светские правила. Лорд Брэкеншо, известный как тонкий гастроном, из

года в год приводил мнение Байрона о том, что никогда нельзя смотреть, как женщина ест, причем предварял высказывание доверительным вступлением: «Должен признаться, что...» – как будто впервые выражал согласие с чувствами благородного поэта.

В дамской столовой стало ясно, что среди представительниц прекрасной половины местного общества Гвендолин отнюдь не пользуется любовью: между ней и другими девушками не возникло даже намека на приятельские отношения, так что во время беседы те лишь равнодушно выслушивали ее мнение, но не вступали в диалог. Возможно, дело в том, что молодые леди мало интересовали Гвендолин: оставшись среди них, она испытывала ощущение пустоты. Миссис Валкони однажды заметила, что мисс Харлет слишком любит джентльменов, однако нам отлично известно, что она любила вовсе не их самих, а тот пиетет, который они проявляли. Ну а женщины особого почтения не выражали. Исключение составляла лишь мисс Эрроупойнт: часто, хотя и ненавязчиво, Кэтрин оказывалась рядом и беседовала со спокойным дружелюбием.

«Как и я, она понимает, что наши близкие готовы поссориться из-за предполагаемого мужа, и пытается не допустить конфликта», – решила Гвендолин.

– Мисс Эрроупойнт обладает лучшими манерами, какие мне доводилось видеть, – заметила миссис Дэвилу, когда они с Гвендолин оказались наедине в туалетной комнате.

– Хотелось бы на нее походить, – ответила Гвендолин.

– Почему? Разве ты недовольна собой, Гвен?

– Ничего подобного. Но я недовольна тем, что вижу вокруг. А ее, кажется, все устраивает.

– Уверена, что сегодня ты должна испытывать удовлетворение. Стрельба из лука доставила тебе радость – я видела.

– Но состязание уже закончилось, а что будет дальше, неизвестно, – возразила Гвендолин и с тихим вздохом потянулась, обнажив красивые руки. Обычай предписывал танцевать в том же платье, в котором леди стреляла, но без жакета. Простота белого кашемира со светло-зеленой каймой как нельзя лучше подчеркивала прелесть фигуры. Единственными украшениями стали тонкая золотая цепочка на шее и золотая звезда на груди. Собранные в пышную корону блестящие золотистые волосы подчеркивали чистоту лба. Сэр Джошуа Рейнольдс¹⁴ с радостью написал бы портрет мисс Харлет, тем более что его задача оказалась бы проще задачи историка – по крайней мере в том отношении, что ему не пришлось бы изображать сложную игру лица: вполне хватило бы одного-единственного прекрасного момента.

– Скоро начнутся танцы, – заметила миссис Дэвилу. – И ты наверняка получишь удовольствие.

– Я собираюсь танцевать только кадрили, и уже сказала об этом мистеру Клинтону. Не желаю ни с кем вальсировать или прыгать в польке.

– С какой стати ты вдруг приняла такое решение?

– Терпеть не могу, когда безобразные люди оказываются так близко.

– И кто же кажется тебе безобразным?

– О, многие.

– Мистер Клинтон, например, совсем не безобразен.

– Ненавижу прикосновение шерстяной ткани.

– Ты только представь! – обратилась миссис Дэвилу к сестре, которая только что вошла в комнату вместе с Анной. – Гвендолин заявила, что не хочет танцевать ни вальс, ни польку.

– По-моему, она чересчур капризничает, – осуждающе заметила миссис Гаскойн. – Было бы более прилично вести себя так, как ведут в подобном случае другие молодые леди, тем более что Гвендолин обучали танцам лучшие учителя.

– Но почему я должна танцевать, если не хочу, тетушка? Катехизис не заставляет.

---

¹⁴ Джошуа Рейнольдс (1723–1792) – знаменитый английский портретный живописец.

– Дорогая! – воскликнула миссис Гаскойн тоном строгого порицания.

Анна испуганно взглянула на дерзкую кузину, но дальнейшего обсуждения не последовало.

За время, прошедшее после победного ликования на стрельбище, настроение Гвендолин изменилось, и все же в бальном зале, при свете канделябров, она выглядела ничуть не хуже, чем прежде. Мягкое очарование обстановки и приятные ароматы цветов действовали успокаивающе, особенно в сочетании с сознанием собственного невероятного успеха. Каждый танцующий джентльмен стремился заручиться ее согласием, а те, кто получал отказ от вальса и польки, не скрывали разочарования.

– Неужели вы дали клятву, мисс Харлет?

– Почему вы так жестоки ко всем нам?

– В феврале вы танцевали со мной вальс!

– И это вы, кто так безупречно вальсирует!

Подобные восклицания тешили самолюбие Гвендолин. Те леди, которые не отказывались от вальса, естественно, считали, что мисс Харлет стремится выделиться из общего ряда, однако дядя, услышав об отказе, поддержал племянницу.

– Обычно Гвендолин на все имеет веские причины. – Мистер Гаскойн считал модные танцы, в том числе и вальс, чересчур развязными, и был доволен, что племянница не вальсирует.

Однако в числе разочарованных кавалеров не оказалось мистера Грандкорта. После кадрили с мисс Эрроупойнт выяснилось, что другой партнерши он не ищет. Гвендолин часто замечала джентльмена в обществе семейства Эрроупойнт, притом что он ни разу не подошел к ней. Иногда с ним беседовал мистер Гаскойн, но мистер Гаскойн успевал повсюду. Теперь Гвендолин думала, что мистер Грандкорт не доставит ни малейшего беспокойства: скорее всего он смотрел на нее без особого восхищения, да и вообще слишком привык ко всему на свете, чтобы думать о ней иначе, чем об одной из многочисленных девушек, встреченных в этом уголке доброй старой Англии. Какой абсурд, что мама и дядя всерьез обсуждали действия человека, которого не видели даже в телескоп! Вероятно, Грандкорт намеревался жениться на мисс Эрроупойнт. Однако расстраиваться Гвендолин не собиралась: любое развитие событий представлялось шуткой, ибо она ни разу не скомпрометировала себя даже молчаливой верой в предполагаемые действия мистера Грандкорта. И все же мисс Харлет заметила, что время от времени джентльмен спокойно и размеренно изменял место: так, чтобы наблюдать за ней во время танца, – ну а если при этом не испытывал восхищения, то тем хуже для него!

Это наблюдение стало более откровенным под конец вечера, когда мисс Харлет приняла приглашение герра Клезмера. Музыкант, который то замечал все вокруг, то не видел дальше собственного носа, во время прогулки по залу неожиданно заключил:

– Мистер Грандкорт обладает прекрасным вкусом; ему нравится смотреть, как вы танцуете.

– Что, если ему нравится наблюдать за тем, что не соответствует его вкусу? – с легким смехом парировала Гвендолин. Теперь она уже совсем не боялась Клезмера. – Возможно, он настолько устал восхищаться, что для разнообразия решил испытать отвращение.

– Подобные слова не идут вам, – устрасяюще нахмурившись, возразил Клезмер.

– Слова вы оцениваете столь же строго, как музыку?

– Несомненно. Требую, чтобы ваша речь всегда соответствовала лицу и фигуре и неизменно походила на благородную музыку.

– Это комплимент в той же мере, что и замечание. Благодарю за то и другое. Но известно ли вам, что я достаточно смела и готова сделать ответное замечание, что вы не понимаете шуток.

– Можно понимать шутки и в то же время их не любить, – заявил несносный Клезмер. – Мне не раз присылали оперные либретто, полные шуток. Должен сказать, что не понравились они именно потому, что я все понял. Люди с чувством юмора готовы убить собеседника лишь за то, что он выглядит серьезным. «Не понимаете остроумия, сэр?» – «Нет, сэр, зато понимаю, что вы имеете в виду». И я сразу становлюсь тем, кого называют человеком, лишенным чувства юмора. Но на самом деле, – добавил Клезмер задумчиво, – на самом деле, я очень чувствую и ум, и остроумие.

– Рада, что вы сообщили мне об этом, – заметила Гвендолин не без доли лукавства. Однако Клезмер по обыкновению мыслями уже был далеко, так что тонкое лукавство осталось незамеченным. – Умоляю, скажите, кто стоит возле двери в карточную комнату? – продолжила она, увидев того самого незнакомца, с которым музыкант воодушевленно беседовал на стрельбище. – Полагаю, это ваш друг?

– Нет-нет. Просто любитель музыки, с которым я познакомился в городе. Мистер Лаш. Очень любит Мейербера¹⁵ и Скриба¹⁶ и обожает искусственный драматизм.

– Спасибо. А считаете ли вы, что его лицо и фигура требуют, чтобы его слова также были благородной музыкой?

Клезмер признал себя побежденным и одарил собеседницу восторженной улыбкой. Они беседовали до того момента, как Гвендолин попросила проводить ее к матери.

Спустя три минуты предположение о равнодушии к ней Грандкорта рассыпалось в прах. Обернувшись после краткой беседы с миссис Дэвилу, Гвендолин обнаружила его стоящим рядом.

– Можно спросить: вы слишком устали от танцев, мисс Харлет? – произнес мистер Грандкорт с прежним невозмутимым выражением лица.

– Ни в малейшей степени.

– Окажите мне честь: следующую или любую другую кадрили?

– Была бы очень рада, – ответила Гвендолин, глядя в карточку, – но следующая уже обещана мистеру Клинтону. Больше того, все кадрили уже заняты, не осталось ни единой свободной. – Она без сожаления наказала мистера Грандкорта за медлительность, хотя желала танцевать с ним, и очаровательно ему улыбнулась, в то время как он стоял неподвижно и смотрел без тени улыбки.

– Как жаль, что я опоздал, – проговорил он после короткой паузы.

– Мне показалось, что танцы вас не интересуют, – заметила Гвендолин, – и я решила, что это одна из тех прихотей, от которых вы отказались.

– Да, но я еще не танцевал с вами, – возразил Грандкорт. И через минуту добавил: – Танцам вы придаете новизну точно так же, как и стрельбе из лука.

– А новизна всегда приятна?

– Нет-нет, не всегда.

– В таком случае не знаю, чувствовать себя польщенной или нет. Как только вы потанцуете, ощущение новизны исчезнет.

– Напротив, новое ощущение станет намного сильнее.

– Глубокое высказывание. Я не понимаю.

– Трудно ли мисс Харлет объяснить силу ее власти? – обратился к миссис Дэвилу мистер Грандкорт.

Нежно улыбнувшись дочери, та ответила:

– Насколько мне известно, люди не сгуют на ее непонятливость.

---

¹⁵ **Мейербер Джакомо** (наст. имя Якоб Либман Бер, 1791–1864) – немецкий и французский композитор еврейского происхождения.

¹⁶ **Скриб Эжен** (1791–1861) – французский драматург, специализировавшийся на комедиях и водевилях, либреттист.

– Мама, – проговорила Гвендолин укоризненно, – я восхитительно глупа и хочу, чтобы мне все объясняли, особенно когда смысл сказанного приятен.

– Если вы глупы, то должен признать, что глупость действительно восхитительна, – сообщил мистер Грандкорт после обычной паузы, хотя явно знал, что и когда следует сказать.

– Начинаю подозревать, что кавалер обо мне забыл, – заметила Гвендолин спустя несколько минут. – Пары уже становятся для кадрили.

– За это он заслуживает отставки, – решительно провозгласил Грандкорт.

– Полагаю, его вполне можно простить, – отозвалась Гвендолин.

– Должно быть, произошла какая-то путаница, – вмешалась миссис Дэвилу. – Мистер Клинтон придавал приглашению слишком большое значение, чтобы о нем забыть.

Но в этот момент подошла леди Брэкеншо и обратилась к Гвендолин:

– Мисс Харлет, мистер Клинтон поручил мне передать его глубочайшее сожаление, но он не сможет танцевать с вами. Его отец, архидиакон, прислал за ним нарочного. Видимо, произошло что-то важное, и мистер Клинтон был вынужден удалиться в полном отчаянии.

– О, со стороны мистера Клинтона крайне благородно вспомнить о приглашении в неблагоприятных обстоятельствах, – признала Гвендолин. – Очень жаль, что ему пришлось нас покинуть. – Проявить вежливое сожаление относительно столь удачного стечения обстоятельств оказалось очень легко.

– В таком случае можно ли мне воспользоваться несчастьем мистера Клинтона? – осведомился Грандкорт. – Можно ли надеяться, что вы позволите занять его место?

– Буду рада танцевать эту кадрили с вами.

Стечение обстоятельств показалось Гвендолин счастливым знамением. Встав в пару с Грандкортом, она ощутила прилив утреннего вдохновения и уверенность в собственной избранности. Ни один джентльмен не смог бы двигаться под музыку с такой безупречной легкостью, с какой это делал Грандкорт, а отсутствие пристального внимания соответствовало вкусу партнерши. Теперь Гвендолин не сомневалась, что он стремился выделить ее из общего ряда и недвусмысленно выразить свое восхищение. Сейчас уже казалось возможным проявить свою власть и отказать ему во взаимности, тем самым продемонстрировав мистеру Грандкору истинное к нему отношение. Не меньшее удовольствие доставляло и осознание того, что из всех незамужних леди ей одной-единственной оказали предпочтение, и это не укрылось от глаз собравшихся на балу. Закончив кадрили, Гвендолин возвращалась на свое место под руку с мистером Грандкортом и в эту минуту казалась самой недалёковидной из всех живущих на свете молодых особ. Они подошли к мисс Эрроупойнт, стоявшей в обществе леди Брэкеншо и нескольких джентльменов. Богатая наследница приветливо посмотрела на Гвендолин:

– Надеюсь, вы проголосуете за нас, мисс Харлет, и мистер Грандкорт тоже, хотя он и не стреляет из лука.

Проявив умеренное любопытство, Гвендолин и ее спутник выяснили, что речь шла о голосовании по поводу пикника в клубе лучников в Карделл-Чейсе, где вечерний праздник в свете фонарей, развешанных на деревьях, обещал стать более поэтичным, чем бал при свечах.

Затем показалась Гвендолин чудесной, и мистер Грандкорт ее поддержал, после чего стоявший рядом с леди Брэкеншо мистер Лаш обратился, причем весьма фамильярно, к Грандкору:

– Диплоу мог бы стать отличным местом для праздника, к тому же очень удобным: между дубами у северных ворот есть прекрасный участок.

Мистер Грандкорт не обратил никакого внимания на эти слова, однако Гвендолин по-новому взглянула на мистера Лаши и решила, во-первых, что тот наверняка находится в близких отношениях с хозяином Диплоу, а во-вторых, что никогда не подпустит этого человека ближе чем на ярд. Толстый, хотя и чрезвычайно подвижный мистер Лаш с его выпуклыми гла-

зами и густыми, черными с проседью волосами вызывал у нее глубокую неприязнь и отвращение. Чтобы избавиться от липкого взгляда, она пробормотала, обращаясь к Грандкорту:

– Давайте продолжим путь.

Джентльмен немедленно подчинился, однако, оставшись наедине с мисс Харлет, в течение нескольких минут не проронил ни слова. Она же наполовину в шутку, наполовину всерьез решила провести эксперимент и не пожелала заговорить первой. Они вошли в просторную оранжерею, мягко освещенную китайскими фонариками. Другие пары прогуливались в отдалении, так что не могли помешать их разговору, однако оба продолжали молчать, пока не достигли противоположного конца, где располагался еще один вход в бальный зал. Грандкорт остановился и медленно поинтересовался:

– Вам нравятся подобные вещи?

Если бы полчаса назад кто-то сказал Гвендолин, что она окажется в такой ситуации, она от души рассмеялась бы и нашла какой-нибудь игривый ответ, однако сейчас по какой-то таинственной причине, которую она смутно осознавала, насмешливый тон показался ей неуместным: Гвендолин побоялась оскорбить Грандкрорта.

– Да, – тихо ответила она, не задумываясь, что кроется под выражением «подобные вещи»: цветы, ароматы, бал в целом или эта тихая прогулка под руку с мистером Грандкрортом.

Гвендолин выразила желание вернуться в зал, и Грандкрорт проводил ее к месту, где весь вечер сидела миссис Дэвилу.

Матушка в это время разговаривала с отвратительным мистером Лашем. Избежать с ним встречи не удалось.

– Гвендолин, дорогая, позволь представить тебе мистера Лаши, – невинно проговорила миссис Дэвилу.

Только что узнав, что этот джентльмен постоянный спутник мистера Грандкрорта, миссис Дэвилу сочла нужным познакомиться с ним дочь.

Гвендолин небрежно поклонилась и тут же прошла к своему месту заявив:

– Хочу надеть накидку.

Однако не успела она протянуть руку, как мистер Лаш оказался рядом и схватил накидку. Желая отомстить высокомерной молодой леди, он опередил Грандкрорта и, держа накидку наготове, произнес:

– Позвольте мне.

Но Гвендолин отшатнулась от него, словно от грязной собаки, и опустилась на оттоманку, презрительно пробормотав:

– Нет, спасибо.

Грандкрорт невозмутимо забрал накидку из рук мистера Лаши, и тот с легким поклоном удалился.

– Наверное, будет лучше, если вы все-таки это наденете, – предложил Грандкрорт, глядя сверху вниз все с тем же бесстрастным выражением.

– Спасибо. Пожалуй, не помешает, – согласилась Гвендолин, грациозно набросив накидку на плечи.

После этого мистер Грандкрорт обменялся с миссис Дэвилу несколькими вежливыми фразами и, прежде чем уйти, попросил позволения на следующий день приехать в Оффендин. Не оставалось сомнений, что оскорбление друга ничуть его не обидело. Ничто не мешало истолковать отказ Гвендолин принять накидку из рук мистера Лаши как желание принять ее из рук мистера Грандкрорта. Однако Гвендолин, бедное дитя, действовала не осознанно, а импульсивно – следуя инстинктам, которым доверяла точно так же, как рассудку. Она не считала этих мужчин темной тайной и была уверена, что ей не требуется помощь, чтобы составить о них мнение – во всяком случае, о мистере Грандкрорте. Главный вопрос заключался в следующем:

насколько его характер и образ жизни соответствуют ее желаниям? Гвендолин решила, что если не получит удовлетворительного ответа, то предложения не примет.

Могла ли в истории человечества существовать более тонкая, более незначительная нить, чем сознание девушки, погруженной в размышления о том, как сделать свою жизнь приятной? Да еще в то время, когда приверженцы великих идей собирались в армии и со свежими силами неистово заявляли о себе; когда женщины в Новом Свете не оплакивали мужей и сыновей, бесстрашно отдавших жизнь за общее дело, а люди в Старом Свете, которым не хватало хлеба, знали об этой добровольной смерти и терпели; когда душа человека начала подчиняться внутреннему ритму, который веками оставался незамеченным, и раскрылась к новой жизни, наполненной ужасом и радостью.

Какую роль в этой могучей драме играют девушки с их туманными мечтами? Они представляют собой тайный смысл той добродетели, ради которой мужчины сражаются и терпят невзгоды. В этих нежных сосудах передается сквозь века сокровище человеческой любви.

Глава II

Через день после состязаний в стрельбе из лука мистер Хенли Мэллинджер Грандкорт сидел за завтраком в компании мистера Лаша. Все вокруг них было приятно: в распахнутые французские окна, в которые со старинной зеленой лужайки могли свободно входить собаки, лился теплый летний воздух; старинный парк простирался вдаль и плавно перетекал в дикий лес; в убранстве комнаты преобладал стиль сдержанной старомодной элегантности, словно хранившей благовоспитанное молчание.

Но были ли приятны друг другу джентльмены? Мистер Грандкорт поставил свой стул так, чтобы сидеть лицом к лужайке. Положив левую ногу на другой стул, а правой рукой облокотившись на стол, он курил толстую сигару, в то время как мистер Лаш продолжал завтракать. Около полудюжины собак различных пород лениво входили в комнату, принимали позу услужливого внимания, отдавая предпочтение то одному, то другому джентльмену, и уходили обратно в сад. Ведя беззаботную жизнь, они лишь изображали голод, выпрашивая деликатесы, а затем отказываясь их есть. Так вели себя все, кроме красивого темно-каштанового водяного спаниеля, точнее спаниельши, по кличке Фетч. Она сидела неподвижно, задрав выразительную мордочку, и преданно смотрела на Грандкорта. Тот, однако, держал на коленях маленькую мальтийскую болонку в серебряном ошейнике с крохотным колокольчиком и, как только рука освобождалась от сигары или чашки кофе, принимался гладить теплый пушистый комочек. Фетч, безусловно, ревновала, поскольку хозяин не обращался к ней ни словом, ни взглядом. Наконец терпение собаки лопнуло: не в силах вынести пренебрежение, она осторожно положила большую шелковистую лапу на ногу невнимательного хозяина. С полминуты Грандкорт смотрел на Фетч все с тем же каменным лицом, после чего отложил сигару, поднес флегматичную болонку к подбородку и начать ее ласкать, при этом не сводя с Фетч мрачного взгляда. Время от времени бедняжка принималась жалобно подвывать, но тут же замолкала, словно стараясь скрыть досаду, и, наконец, положила голову на ногу хозяина. В глазах спаниеля читалась мольба. Так, по крайней мере, должен был понять поведение Фетч любитель собак, а Грандкорт держал их так много, что, несомненно, считался большим любителем. Во всяком случае, поведение Фетч забавляло его. Однако, как только подывание собаки переросло в громкий лай, Грандкорт без единого слова сбросил ее с ноги, небрежно посадил болонку на стол и посмотрел на сигару, еще больше рассердившись на Фетч, так как именно из-за нее мерзкая сигара погасла. Между тем Фетч, подобно многим человеческим представительницам своего пола, не найдя в себе сил успокоиться, завывала в полный голос.

– Будь добр, выгони эту скотину, – обратился Грандкорт к Лашу, не повышая голоса и даже не взглянув на него, как будто рассчитывал на постоянное внимание.

Лаш немедленно встал, взял Фетч на руки, хотя та весила немало, и вынес собаку в сад. Вернувшись, зажег сигару, сел напротив Грандкорта и после короткого молчания произнес:

– Вы сегодня поедете в Кветчем-Холл верхом или в экипаже?

– Я не собираюсь в Кветчем-Холл.

– Вы и вчера туда не ездили.

С полминуты Грандкорт курил молча, а потом заметил:

– Полагаю, ты отправил мою карточку с извинениями.

– Я сам туда поехал и сказал, что вы обязательно скоро появитесь. Они решат, что какая-то неприятность помешала вам исполнить намерение, особенно если не увидят вас сегодня.

Опять наступило молчание. Затем Грандкорт спросил:

– Кто из мужчин приглашен сюда вместе с женами?

Лаш достал записную книжку.

– Капитан и миссис Торрингтон придут на следующей неделе. А еще мистер Холлис с леди Флорой, Кушеты и Гогофы.

– Довольно пестрая компания, – заметил Грандкорт. – Зачем ты позвал Гогофов? Когда рассылаешь приглашения от моего имени, будь добр заранее показывать список, а не тащить сюда великаншу, даже не предупредив меня. Своим присутствием она испортит вид комнаты.

– Но вы сами пригласили Гогофов, встретившись с ними в Париже.

– При чем здесь парижская встреча? Я не раз велел тебе предоставлять мне список гостей.

Подобно многим Грандкорт разговаривал с разными интонациями. До сих пор мы слышали, как он говорит, притворно растягивая слова в лениво-скупающей манере. Однако последняя фраза прозвучала приглушенно, словно про себя, но в то же время абсолютно четко, не допуская возражений, о чем Лаш прекрасно знал.

– А еще кого-нибудь желаете пригласить?

– Да, найди несколько приличных, благообразных семей с дочерьми. И одного из ваших проклятых музыкантов. Только не этого нелепого парня.

– Не знаю, согласится ли Клезмер поехать к нам даже после того, как покинет Кветчем-Холл. А мисс Эрроупойнт любит хорошую музыку.

Лаш говорил беззаботно, однако на самом деле пользовался удобной возможностью, чтобы внимательно понаблюдать за Грандкортом. Тот впервые поднял глаза на собеседника, дважды глубоко затянулся, роскошно выпустил кольца голубого дыма и с нескрываемым презрением произнес:

– Скажи на милость, какое мне дело до мисс Эрроупойнт и ее музыки?

– Большое, – игриво ответил Лаш. – Впрочем, возможно, особо напрягаться не придется. Но прежде чем жениться на миллионе, положено соблюсти кое-какие формальности.

– Вполне вероятно. Но я не собираюсь жениться на миллионе.

– Жаль отказываться от подобной возможности и разрушать собственные планы.

– Полагаю, ты говоришь о своих планах.

– У вас долги, а наследство не бесспорно, и обстоятельства, в конце концов, могут сложиться неблагоприятно.

Грандкорт промолчал, и Лаш с воодушевлением продолжил:

– Возможность действительно прекрасная. Судя по всему, отец и мать не желают ничего другого, а внешность и манеры дочери не требуют ни малейшего снисхождения, даже если за душой у нее не было бы ни гроша. Она, конечно, не красавица, но выглядит вполне достойно, чтобы носить любой титул. И вряд ли отвергнет те перспективы, которые вы можете ей предложить.

– Возможно.

– Отец и мать позволят вам делать с ними все, что угодно.

– Но я ничего не хочу с ними делать.

Лаш выдержал многозначительную паузу, прежде чем заговорить глубоким проникновенным голосом:

– Боже милостивый, Грандкорт! С вашим-то жизненным опытом неужели вы допустите, чтобы каприз помешал вам устроить свою жизнь?

– Побереги свои ораторские способности для лучших целей. Я и сам знаю, что делать.

– Что же? – Лаш отложил сигару и сунул руки в карманы, как будто готовился услышать нечто невыносимое, но все-таки надеялся сохранить самообладание.

– Я собираюсь жениться на другой.

– Вы влюбились? – Вопрос прозвучал с откровенной насмешкой.

– Я собираюсь жениться.

– И уже сделали предложение?

– Нет.

– Насколько я могу судить, эта молодая леди с характером и рождена, чтобы создавать вокруг себя суматоху. И уж точно знает, что ей нравится.

– Ей не нравишься ты, – вставил Грандкорт, и в его глазах промелькнула тень улыбки.

– Совершенно верно, – подтвердил Лаш и, снова выбрав подчеркнуто насмешливый тон, добавил: – Однако, если вы с ней преданы друг другу, этого вполне достаточно.

Оставив последнее замечание без внимания, Грандкорт допил кофе, встал и в сопровождении собак вышел на лужайку.

Лаш посмотрел ему вслед и взял новую сигару. Курил он медленно, то и дело поглаживая бороду, словно обдумывал какое-то решение, пока тихо не произнес:

– Берегись, старик!

Лаш был человеком неглупым и не напрасно провел рядом с Грандкортом пятнадцать лет. За это время он успел выяснить, какие меры к нему применять бесполезно, хотя до сих пор оставалось неясным, какие именно могут принести пользу. В начале своей карьеры Лаш получил университетскую степень и едва не принял духовный сан, ради теплого местечка, но, не получив удовлетворения в открывшейся перспективе, согласился на должность постоянного компаньона при пожилом маркизе, а потом и при молодом Грандкорте. Тот рано потерял отца и счел Лаша настолько удобным помощником, что сделал премьер-министром во всех личных вопросах. За пятнадцать лет совместного существования Грандкорт окончательно разучился обходиться без ловкого компаньона, а тот, в свою очередь, все больше нуждался в ленивой роскоши, которую бесперебойно обеспечивали операции, проводимые им от имени патрона. Не могу утверждать, что за пятнадцать лет выросло уважение Грандкорта к помощнику, так как его не было с самого начала. Однако Грандкорт уверился во мнении, что при желании вполне может пнуть Лаша как собаку, вот только никогда не пинал, считая, что это компрометирует джентльмена, поэтому ограничивался словами – причем такими, что наперсник более независимого нрава счел бы их презрительными пинками. Но разве способен сын викария, не позволявшего жене и дочерям купить ситца на платья ради того, чтобы отправить единственного сына в Оксфорд, проявить независимость, привыкнув вкусно и дорого обедать, ездить на прекрасных лошадях, жить в роскошных комнатах – и все это не работая? В свое время мистер Лаш считался ученым человеком, но теперь сохранил лишь остатки образованности, необходимые занимаемой им синекуре, а ведь известно, что степень бакалавра искусств и иные звания представляют собой не что иное, как освященную веками подготовку к синекуре. Лаш понимал, как относится к нему Грандкорт, однако предпочитал относить такое поведение к особенностям характера патрона, чьи непредсказуемые настроения и суждения следовало принимать с философской невозмутимостью. Поскольку он полагал, что еще ни разу в жизни не совершил дурного поступка, то не считал нужным задумываться о том, сможет ли нарушить границы добродетели, если того потребует любовь к комфорту и праздности. В настоящее время это чувство находило полное удовлетворение, а если порою приходилось поднимать пудинг с земли, он выбирал кусочки из середины и находил их восхитительно вкусными.

Этим утром, например, испытав раздражение более острое, чем обычно, он уединился в собственной гостиной и целый час играл на виолончели.

Глава III

Приняв решение жениться на мисс Харлет, Грандкорт проявил недюжинные способности в поиске средств для достижения цели. В течение последующих двух недель не проходило ни дня, чтобы он под тем или иным предлогом не встречался с Гвендолин и с повышенным вниманием не доказывал, что она постоянно занимает его мысли. Кузина миссис Торрингтон отныне исполняла обязанности хозяйки дома, так что миссис Дэвилу и Гвендолин могли быть приглашены в Диплоу наряду с множеством других гостей, а те, в свою очередь, стали свидетелями того, как хозяин оказывал очевидное предпочтение прекрасной бесприданнице и полностью игнорировал богатую наследницу. Все достойные упоминания семьи в округе были уверены, что брак Грандкорта и Гвендолин дело решенное, а мистер Гаскойн был полон решимости выполнить по отношению к племяннице родственный долг и обеспечить достойную организацию процесса. Однако и его, и миссис Дэвилу несколько удивлял тот факт, что предложение, для которого выдалось уже немало подходящих случаев, до сих пор не прозвучало. Больше того, и сам Грандкорт в некоторой степени разделял это удивление. Сообщив Лашу о принятом решении, он полагал, что дело завершится быстрее, но, к собственному недоумению, едва ли не каждое утро давал себе слово, что сегодня же представит Гвендолин возможность принять предложение руки и сердца, а вечером обнаруживалось, что необходимые формальности по-прежнему не исполнены. Этот поразительный факт только усиливал в нем решимость перейти к делу на следующий день. Грандкорт никогда не допускал мысли, что мисс Харлет может ему отказать, но – да помогут всем нам Небеса! – часто мы не в состоянии действовать, уверенные в чем-либо: неприятие обратного исхода настолько сильно, что, подобно иллюзорной стене, встает между нами и нашей уверенностью. Так, мы точно знаем, что слепой червяк не в состоянии смертельно укусить, однако возможность укуса кажется настолько невыносимой, а существо выглядит до такой степени чуждым, враждебным и кусачим, что мы решительно отказываемся до него дотронуться.

Грандкорт попросил разрешения привести в Оффендин одну из своих прекрасных лошадей, чтобы Гвендолин могла поехать на ней в Диплоу на ленч. Миссис Дэвилу предстояло сопровождать дочь в экипаже. В качестве почетного спутника выступал сам мистер Грандкорт. Стоял чудесный день, какие порою случаются в наших краях в середине лета: не слишком жаркий для приятной поездки. По краям полей алели маки; легкий ветерок мягко, подобно благосклонному привидению, разгуливал между несжатыми колосьями и гнал по мягким серым холмам тени облаков. Здесь еще стояли снопы, там лошади с трудом тащили тяжело нагруженные возы, повсюду тянулись пастбища, и скот мирно отдыхал в тени деревьев. Дорога проходила по патриархальной местности, где молочные фермы выглядели точно так же, как в дни наших предков. Здесь мир и постоянство царили вдали от шумных перемен, символом которых стал проезжавший на горизонте поезд.

Однако дух мира и постоянства не настолько овладел сознанием бедной миссис Дэвилу, чтобы отвлечь от ставших уже привычными дурных предчувствий. Гвендолин и Грандкорт то пускали лошадей галопом, то переводили на спокойный шаг, чтобы экипаж мог их догнать. Наблюдать за ними было приятно, и все же даже эта радующая взор картина разжигала конфликт между надеждой и страхом за судьбу дочери. Трудно было представить более удобный случай для влюбленного джентльмена наконец-то заговорить и положить конец неопределенности, и миссис Дэвилу не оставалось ничего иного, как с трепетом надеяться, что Гвендолин примет благоприятное решение. Если любовь Рекса вызвала у нее отвращение, то мистер Грандкорт обладал преимуществом абсолютного контраста с кузеном. Очевидно, он произвел совершенно новое, не испытанное ранее впечатление, поскольку впервые в жизни Гвендолин

воздерживалась от сатирических замечаний и, более того, хранила упорное молчание в отношении его душевных качеств – молчание, которое матушка не осмеливалась нарушить.

«Тот ли это человек, рядом с которым она будет счастлива? – Этот вопрос неизбежно возникал в сознании миссис Дэвилу. – Что ж, пожалуй, так же счастлива, как с любым другим мужем». Этим ответом она пыталась себя успокоить, ибо не могла представить дочь во власти неведомого чувства, способного заставить ее удовлетвориться тем, что мы обычно называем стесненными обстоятельствами.

Мысли Грандкорта текли в том же направлении: он мечтал покончить с неопределенностью, порожденной собственным молчанием. Другой причины этой неопределенности не существовало: просто в воздухе витало нечто, раздражающим образом действующее на его желания.

Гвендолин наслаждалась прогулкой, однако удовольствие не выражалось легкомысленной девчачьей болтовней и смехом, как в тот день, когда она отправилась на охоту с Рексом. Говорила она мало, а если смеялась, то как-то неестественно. Гвендолин тоже ощущала разлитое в воздухе особое настроение. Разумеется, она не сознавала покорение мистером Грандкортом ее воли и того великолепного будущего, которое он собирался предложить. В этом Гвендолин не сомневалась. Напротив, она хотела, чтобы все, включая и этого благородного джентльмена, понимали, что она намерена всегда поступать только так, как захочет сама, и не рассчитывали на покорность и готовность угождать. Если она примет это предложение, то сразу даст понять, что не собирается ущемлять собственную свободу или, по ее любимому выражению, «вести себя, как другие женщины».

Этим утром речь Грандкорта, как обычно, отличалась лаконичностью. Короткие фразы производили впечатление скрытой, но внушительной способности сказать больше и в то же время позволяли проявить красноречие другим.

– Вам нравится аллюр Критериона? – поинтересовался Грандкорт, когда они въехали в парк и перевели лошадей с галопа на шаг.

– Превосходный конь. Хотелось бы преодолеть на нем какое-нибудь препятствие, если это не испугает маму. Пять минут назад мы миновали отличную широкую канаву. Что, если вернуться туда галопом и попробовать перепрыгнуть?

– Пожалуйста. Можем сделать это вместе.

– Нет, благодарю. Мама чрезвычайно чувствительна – если увидит, то так расстроится, что может заболеть.

– Позвольте мне все ей объяснить. Критерион наверняка справится, причем с легкостью.

– Право, вы очень добры, но она излишне встревожится. Я прыгаю только тогда, когда ее нет рядом, и не говорю ни слова.

– Можно пропустить экипаж и после этого вернуться.

– Нет-нет, умоляю, больше не думайте об этом: я и заговорила-то просто так, без особого намерения, – заверила Гвендолин.

– Но миссис Дэвилу знает, что я о вас позабочусь.

– Да, но мама решит, что вам придется заботиться о моей сломанной шее.

Наступило продолжительное молчание. Наконец Грандкорт посмотрел на спутницу и произнес:

– Я хотел бы обладать правом всегда о вас заботиться.

Гвендолин даже не повернулась в его сторону. Собственное молчание показалось ей ужасно долгим: она даже успела сначала покраснеть, а потом побледнеть. Но, с точки зрения Грандкорта, ответ не заставил себя ждать. Легчайшим, похожим на звук флейты голосом, Гвендолин проговорила:

– О, вовсе не уверена, что хочу, чтобы обо мне заботились: если я решусь рискнуть собственной шеей, то предпочту, чтобы мне не мешали.

Произнося эти слова, она остановила лошадь и обернулась в седле, чтобы проверить, далеко ли экипаж. При этом ее глаза скользнули по лицу Грандкорта, однако не сказала ничего, что могло бы смягчить ответ. В этот миг Гвендолин понимала, что действительно рискует: не шеей, а возможностью раз и навсегда прервать ухаживания, – и эта возможность ее не устраивала.

«Будь она проклята!» – подумал Грандкорт, тоже останавливая лошадь. Он не отличался мысленным красноречием, так что это короткое экспрессивное высказывание выражало смешанные чувства, которые словоохотливые толкователи могли бы развернуть в нескольких фразах, полных раздраженного сознания, что его вводят в заблуждение, и уверенности, что этой девушке не удастся его одурачить. Может быть, она желает, чтобы он бросился к ее ногам и поклялся, что умирает от любви? Нет, это не те ворота, через которые она войдет в царство ожидающих его супругу привилегий. Или надеется, что он изложит предложение в письменном виде? Опять-таки заблуждение. Он никогда не произнесет таких слов, которые могут повлечь за собой прямой отказ. А что касается ее согласия, то она уже выразила его, приняв откровенное ухаживание: все, что нарушит проявление подчеркнутого внимания, будет истолковано не в пользу мисс Харлет. Значит, она всего лишь кокетничает?

Тем временем экипаж подъехал, и возможности побеседовать наедине больше не представилось. В доме уже собралась многочисленная компания. Гвендолин в амазонке и со шляпой в руке оказалась в центре всеобщего внимания, в особенности из-за внимания со стороны хозяина. А поскольку отвратительного Лаща с его выпученными глазами видно не было, то нескрываемое восхищение подняло ей настроение и на некоторое время развеяло тревожное облако сомнений, угрожавших раскаянием в собственных поступках. Понять, оскорблен Грандкорт или нет, было невозможно: манеры его остались неизменными, но по ним нельзя было предугадать его мысли. Так что страх перед ним не отступил.

Прежде Гвендолин бывала в Диплоу только на ужине и не видела сада, заслуживающего внимания. После ленча, когда часть гостей разъехалась, леди Флора Холлис предложила оставшейся компании совершить небольшую прогулку. У Грандкорта появилась отличная возможность увлечь Гвендолин в уединенное место и побеседовать вдали от любопытных ушей. Но нет! Он ни к кому, кроме нее, не обращался, однако и не произнес ничего более определенного или откровенного, чем в их первую встречу. Не сводил с мисс Харлет глаз, а она отвечала ему столь же прямым взглядом, вовсе не огорчаясь, а скорее радуясь тому обстоятельству, что его глаза оставались холодными и пустыми.

Но вот, наконец, ей показалось, что Грандкорт составил некий план. Совершив круг по парку, компания остановилась возле пруда, чтобы посмотреть, как Фетч умело достает из воды и приносит на берег лилии.

В этот момент стоявший рядом с мисс Харлет Грандкорт указал на небольшой, плотно засаженный американским кустарником холм, и медленно проговорил:

– Здесь скучно. Может быть, поднимемся туда?

– О, конечно! Мы же отправились на прогулку, – согласилась Гвендолин, радуясь и в то же время чего-то смутно опасаясь.

Тропинка, ведущая на холм, оказалась слишком узкой, чтобы джентльмен смог предложить даме руку, а потому подъем прошел в молчании. На вершине холма, стоя на небольшой площадке, Грандкорт заключил:

– Здесь не на что смотреть. Не стоило и лезть.

Как случилось, что Гвендолин не рассмеялась? Она стояла молча, подобно статуе, слегка придерживая складки амазонки и крепко сжимая рукоять кнута, который механически взяла вместе со шляпой, выходя из дома.

– Какое место вы бы предпочли? – осведомился Грандкорт.

– Разные места хороши по-своему. В целом, наверное, мне нравятся открытые, жизнерадостные пространства. Не люблю ничего мрачного.

– Ваш дом в Оффендине слишком мрачен.

– Да, чрезвычайно.

– Полагаю, надолго вы там не задержитесь.

– Думаю, так оно и есть. Но маме нравится жить рядом с сестрой.

– Вряд ли можно предположить, что вы останетесь там навсегда, вместе с миссис Дэвилу.

– Не знаю. Нам, женщинам, не дано скитаться в поисках приключений, чтобы найти Северо-Западный проход¹⁷ или истоки Нила, не говоря об охоте на тигров в восточных странах. Мы должны оставаться там, где растем или куда садовникам угодно нас пересадить. Нас воспитывают подобно цветам, приучая выглядеть как можно лучше и скучать, не жалуясь. Именно так я представляю растения: они часто скучают. В этом и кроется причина, почему некоторые становятся ядовитыми. А что думаете вы?

Гвендолин говорила нервозно, постукивая кнутом по кусту рододендрона.

– Вполне согласен. Почти все в мире рождает скуку, – поддержал ее Грандкорт, отступая от цели своего разговора. Однако после короткой паузы продолжил в своей утонченной медлительной манере: – Но ведь женщина может выйти замуж.

– Некоторые из женщин могут.

– Вы, несомненно, можете, если не проявите жестокое упрямство.

– Не уверена, но, кажется, в моем характере сочетаются и жестокость и упрямство. – Здесь Гвендолин внезапно повернулась и посмотрела прямо на собеседника, чей взгляд ощущала на себе в течение всего разговора. Ей захотелось проверить не столько то, что чувствует он, сколько то, что почувствует она сама, глядя на него.

Грандкорт стоял абсолютно неподвижно, и Гвендолин спросила себя, что за ступор овладел им и начал распространяться на нее.

– Вы испытываете такую же неуверенность в себе, какую внушаете другим? – наконец заговорил он.

– Я совершенно не уверена в себе; не знаю, насколько неуверенными могут быть другие.

– То есть другие вам безразличны? – уточнил Грандкорт с неожиданной резкостью в голосе.

– Этого я не сказала, – с сомнением ответила Гвендолин, отвернулась и снова принялась терзать куст рододендрона. В этот миг ей хотелось оказаться в седле и пустить лошадь галопом. Увы, сбегать с холма было невозможно.

– Значит, все-таки не совсем безразличны, – заметил Грандкорт уже мягче.

– Ой! Мой кнут! – испуганно воскликнула Гвендолин, выпустив его из рук.

Что могло быть естественнее в состоянии легкого возбуждения? Однако казалось невероятным, что предоставленный собственной воле кнут с золотой рукоятью стремительно пролетел над ближайшими кустами и нашел приют в ветвях растущей в середине склона азалии. Теперь появился повод с милым смехом побежать вниз, и Грандкорт был вынужден отправиться следом. Но Гвендолин обогнала спутника, первой схватила кнут и продолжила путь, а внизу остановилась и бросила на Грандкрорта торжествующий взгляд, словно одержала славную победу. Когда Гвендолин и Грандкорт присоединились к компании, миссис Дэвилу сразу заметила блеск в глазах дочери и яркий румянец на щеках.

«Все это сплошное кокетство», – подумал Грандкорт. – В следующий раз, как только поманю, непременно прибежит».

---

¹⁷ Морской путь через Северный Ледовитый океан.

Он полагал, что финальный манящий жест состоится уже на следующий день, во время пикника членов клуба лучников в Карделл-Чейс, идея о котором появилась на балу у лорда Брэкеншо.

Даже в сознании Гвендолин этот результат казался возможным, так как являлся одним из двух решений, к которым ее подталкивали, словно к двум сторонам пограничной линии, не объяснив, за какую из них следует шагнуть. Подобное подчинение некой личности – личности, не поддающейся точному предсказанию, вызывало некоторое изумление, если не страх. Излюбленный способ существования – всегда поступать так, как хочется, – утратил действительность, и Гвендолин не могла предвидеть, как именно захочет поступить в тот или иной момент. На самом деле перспектива выйти замуж за Грандкорта казалась мисс Харлет более привлекательной, чем та идея брака, о которой она думала раньше. Высокое положение в обществе, роскошь, возможность удовлетворять свои прихоти – все эти заманчивые привилегии были так близко, что оставалось лишь выбрать: схватить их или потерять. А сам Грандкорт? Он казался маленьким облачком в представлявшемся ей блестящим будущем. Гвендолин желала взойти на брачную колесницу и собственноручно управлять мчащимися лошадьми, при том что супруг будет сидеть рядом сложа руки и сохранять спокойствие, не вызывая смеха у окружающих. Но несмотря на пронизательность и рассудительность, Гвендолин слегка пасовала перед Грандкортом. Он представал восхитительно спокойным и свободным от нелепых поступков. Но что еще можно было о нем сказать? Везде бывал, все видел. Обстоятельство чрезвычайно ценное в виде преамбулы к оказанному Гвендолин особому вниманию. Заметных предпочтений он не имел, и необходимости в этом не было: чем меньше у мужа собственных вкусов и желаний, тем большую свободу получит жена в исполнении своих фантазий. В конце концов Гвендолин пришла к выводу, что после свадьбы скорее всего сможет основательно управлять супругом.

Но как же случилось, что сейчас в его присутствии она испытывала необычную стеснительность? Что в разговорах с ним проявляла меньше свободы, дерзости и остроумия, чем с любым другим поклонником? Его апатия, которая радовала, в то же время действовала подобно магической формуле и вызывала оцепенение. В конечном итоге Грандкорт внушал почтительное опасение, словно красивая ящерица неведомого прежде вида. Однако Гвендолин ничего не знала о ящерицах, а невежество порождало множество предположений. Этот великолепный экземпляр мог оказаться нежным и вполне сгодиться в будуаре в качестве домашнего любимца. Гвендолин так мало знала Грандкорта, что ни одно из внезапно проявившихся достоинств не удивило бы ее. Его внешность и поведение так мало намекали на драму, что она даже не дала себе труда задуматься, как он провел тридцать шесть лет жизни. В общих чертах она представляла Грандкорта неизменно холодным и исполненным достоинства, не склонным связывать себя обязательствами, а тем более компрометировать. Охотился на тигра – но любил ли кого-нибудь? И то и другое в воображении Гвендолин было одинаково чуждо тому мистеру Грандкорт, который явился в Диплоу, чтобы открыть новую страницу в ее судьбе – предоставить возможность выйти замуж и обеспечить большую свободу, чем та, которой она располагала в девичестве. В целом Гвендолин хотела выйти замуж за мистера Грандкорта: он соответствовал ее цели – и, хорошо все обдумав, намеревалась принять его предложение, но собиралась ли осуществить свое намерение?

Гвендолин начала бояться себя и ощутила некоторое затруднение в исполнении желаний. В частности, в стремлении к собственной независимости и уклонении от прямых ухаживаний она зашла дальше необходимого кокетства, и теперь с некоторой тревогой задумалась о том, как вести себя в следующий раз.

По дороге домой она безраздельно находилась под пристальным наблюдением матушки, для которой волнение дочери, переменчивое выражение ее глаз, непривычная рассеянность и полное молчание стали верными признаками глубоких переживаний. Тревога заставила мисс Дэвилу собраться с духом и заговорить на опасную тему: вечером Гаскойны должны были

обедать в Оффендине, а случившееся утром неизвестное, но важное событие могло потребовать совета священника. Не то чтобы миссис Дэвилу ожидала, что дядя способен повлиять на Гвендолин больше, чем она сама, – просто тревога требовала выхода, а сознание – освобождения.

– Что-то случилось, дорогая? – спросила матушка нежным, почти робким тоном.

Гвендолин взглянула так, словно очнулась от забытья, сняла сначала перчатки, а потом и шляпу, чтобы легкий ветерок коснулся волос и освежил голову. Они ехали по безлюдным местам, длинные предвечерние тени деревьев закрывали дорогу, а вокруг не было ни души. Гвендолин смотрела матери в глаза, но молчала.

– О чем с тобой говорил мистер Грандкорт? Скажи, дорогая. – Последние слова прозвучали умоляюще.

– Что я должна тебе сказать, мама? – последовал грубый ответ.

– Что-то определенно тебя взволновало. Доверься мне, Гвен. Не оставляй меня в неизвестности и тревоге. – Глаза миссис Дэвилу наполнились слезами.

– Мама, дорогая, пожалуйста, не расстраивайся! – с досадой воскликнула дочь. – От этого мне станет еще хуже. Я сама теряюсь в сомнениях.

– Относительно намерений мистера Грандкорта? – уточнила миссис Дэвилу.

– Нет, совсем не то, – коротко ответила Гвендолин и мило тряхнула головой, прежде чем снова надеть шляпу.

– В таком случае относительно того, стоит ли принимать его предложение?

– Совершенно верно.

– Ты дала неопределенный ответ?

– Вообще не дала ответа.

– Он говорил ясно?

– Настолько, насколько я позволила ему говорить.

– Полагаешь, он предпримет новую попытку? – уточнила миссис Дэвилу с нескрываемой тревогой, но ответа не получила и задала следующий вопрос: – Ты не могла его обезнадежить?

– Полагаю, что нет.

– Мне показалось, дорогая, что ты испытываешь к нему симпатию, – робко заметила миссис Дэвилу.

– Так и есть, мама, если говорить о симпатии. Грандкорт не так противен, как другие мужчины, он спокоен и прекрасно воспитан. – До этого Гвендолин говорила угрюмо, с недвольной гримасой на лице, однако внезапно вернулась к своему обычному лукавству и улыбкой добавила: – Что и говорить, он обладает всеми качествами, способными сделать мужа терпимым: замком с башнями, верандой, конюшней и прочим, – и при этом никаких улыбок и моноклей.

– Пожалуйста, хотя бы минуту поговори со мной серьезно, дорогая. Должна ли я понять, что ты собираешься принять предложение?

– Умоляю, мама, не приставай! – раздраженно отмахнулась Гвендолин.

Миссис Дэвилу покорно умолкла.

Дома Гвендолин заявила, что обедать не будет – очень устала, а потому спустится позже, когда немного отдохнет. Вероятность того, что дядя узнает о недавнем разговоре с мамой, несколько ее не волновала. Не приходилось сомневаться, что он в любом случае посоветует принять предложение, а Гвендолин и сама намеревалась это сделать – если представится возможность. В этот момент она не на шутку жалела о собственных капризах. Ах если бы на каждый необдуманный ответ повесить по тяжелой гире!

Мистер Гаскойн действительно узнал о разговоре, однако миссис Дэвилу не дословно повторила слова Гвендолин, а в предельно завуалированной форме сообщила, что дочка пребывает в некоторой растерянности относительно окончательного решения, но в целом склоня-

ется к положительному результату. В итоге дядя счел своим долгом вмешаться. Миссис Дэвилоу осмелилась высказать робкое мнение, что, может быть, безопаснее ничего не говорить, ведь Гвендолин так чувствительна (называть дочь своенравной не хотелось). Однако священник обладал непреклонным умом: упорно цеплялся за первое суждение и торопился привести его в исполнение, а все возражения и сомнения отбрасывал за ненужность.

Брак с Грандкортом представлялся ему чем-то вроде общественного дела: не исключено, что в некотором смысле этот союз мог даже укрепить положение в свете. Для пастора, чей отец поднялся до провинциального торговца зерном (хотя этого никто не подозревал), аристократическое наследство напоминало наследство королевское в том смысле, что освобождало его обладателя от обычных нравственных законов. Грандкорт, почти бесспорный баронет и возможный пэр, занимал достойное место в ряду государственных личностей, а предложение его заслуживало немедленного согласия с точки зрения широких общественных интересов – как национальных, так и церковных. Истинная правда, что подобные государственные личности часто уподобляются титанам, которыми античное общество гордилось и которых наделяло всемогуществом, однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что изначально обладающие высоким положением люди нередко оказываются неудобными и даже отвратительными. Впрочем, о будущем муже мистер Гаскойн составил наилучшее мнение. Сплетни подобны едкому дыму, который поднимается из грязных трубок и доказывает лишь дурной вкуса курильщика. Однако даже если Грандкорт и совершал безрассудные поступки, которые свойственны молодым аристократам, то в его возрасте уже давно настало время от них отказаться. Если человек умудрился до сих пор не разориться окончательно и не погубить себя, то все счета должны быть благополучно закрыты, а затраты занесены в графу страховки от будущих ошибок. Таков был взгляд практической мудрости, а если взглянуть на дело с высоты моральных и религиозных принципов, главную ценность представляло раскаяние. Таким образом, у мистера Гаскойна были все основания полагать, что разумная женщина сможет обрести с Грандкортом счастье.

Спустившись к чаю, Гвендолин ничуть не удивилась, услышав, что дядя желает побеседовать с ней в столовой. Как только она вошла, мистер Гаскойн тут же отложил газету и с обычным радушием поздоровался с племянницей. Как однажды заметила жена, он всегда «высоко ценил» Гвендолин, а в последнее время ее значимость заметно возросла.

– Моя дорогая, – по-отцовски начал пастор, – хочу обсудить тему более важную для твоего благополучия, чем любая другая. Наверняка ты уже догадалась, что я имею в виду. Однако я намерен говорить со всей прямоотой, потому что в данной ситуации считаю себя обязанным выступить в роли отца. Надеюсь, не возражаешь?

– О господи! Конечно, не возражаю, дядя. Вы всегда были добры ко мне, – искренне ответила Гвендолин.

В этот вечер ей хотелось, насколько возможно, усмирить собственное упрямство и обуздать несговорчивый нрав. Манера речи пастора всегда несла в себе властную интонацию подобно команде или приказу. Подразумевалось, что у слушателей не должно возникать ни малейших сомнений и каждый готов осознанно подчиниться высшей воле.

– Естественно, я глубоко удовлетворен тем обстоятельством, что возможность устроить брак – в высшей степени благоприятный – предоставилась тебе так рано. Не знаю точно, что происходит между тобой и мистером Грандкортом, однако, судя по тому вниманию, которое он тебе оказывает, предполагаю, что не следует сомневаться в его намерении сделать тебя своей женой.

Молчание племянницы заставило мистера Гаскойна уточнить:

– У тебя есть сомнения на этот счет, дорогая?

– На мой взгляд, сейчас он думает именно об этом, однако может изменить намерение, – ответила Гвендолин.

– Почему? Он предпринял шаги, которые ты встретила неблагоприятно?

– Нет, я не отказала, а просто сменила тему разговора, когда он собирался объясниться.

– Готова ли ты довериться мне настолько, чтобы изложить свои доводы?

– Не уверена, дядя, что имею какие-то конкретные доводы. – Гвендолин неестественно засмеялась.

– Ты вполне способна размышлять, дорогая, и понимаешь, что это не тривиальный случай. Речь идет о твоём устройстве в жизни на таких условиях, равные которым вряд ли предстанут вновь. Надо думать не только о себе, но и о семье. Я хочу понять, есть ли у тебя серьезные основания сомневаться относительно мистера Грандкорта.

– Думаю, что сомневаюсь безо всяких на то оснований, – ответила Гвендолин с недовольным видом, и у дяди возникли определенные опасения.

– Может быть, он тебе неприятен?

– Нет.

– Ты услышала о нем нечто дурно повлиявшее на твое мнение? – Священник считал невозможным, чтобы до племянницы дошли те сплетни, которые расстроили его, однако в любом случае он старался представить все обстоятельства этого дела в правильном свете.

– Не слышала ничего иного, кроме того, что мистер Грандкорт – прекрасная партия, – с некоторой дерзостью заявила Гвендолин, – и это известие чрезвычайно благотворно на меня влияет.

– В таком случае, дорогая, могу сказать только одно: ты держишь в руках собственное счастье – счастье, какое редко выпадает девушке твоего положения; счастье, которое выводит этот вопрос из ряда личных чувств и превращает согласие в долг. Если Провидение предлагает власть и высокое положение – тем более не обремененное условиями, отвратительными лично тебе, – на тебя возлагается ответственность, не допускающая капризов. Мужчины не любят, когда их чувства не принимают всерьез. Возможно, они не откажутся от своих намерений сразу: здесь решают личные наклонности, – однако игра способна зайти слишком далеко. Должен подчеркнуть, что, если мистер Грандкорт перестанет за тобой ухаживать, не получив прямого отказа, ты попадешь в крайне унижительное и тягостное положение. Лично мне придется отнестись к тебе с суровым осуждением, как к жертве собственного кокетства и недомыслия.

Слушая эту предостерегающую тираду, Гвендолин все больше бледнела. Дядя не побуждал ее действовать вопреки собственному решению, а лишь указывал на ту опасность, которую она уже и сама осознавала. Молчание подсказало пастору, что эффект от его слов оказался чрезвычайно сильным.

– Говорю все это с добрыми намерениями, – добавил он мягче.

– Знаю, дядя, – произнесла Гвендолин, встав и тряхнув головой, словно желая вырваться из болезненной пассивности. – Я не глупа: понимаю, что выйти замуж когда-нибудь придется, пока не станет слишком поздно, – и не вижу варианта лучше, чем принять предложение мистера Грандкорта. А потому, если представится возможность, я собираюсь принять его предложение.

Решительно и убежденно отвечая дяде, она почувствовала, как возвращаются силы, но столь прямая, резкая речь, прозвучавшая из юных уст, немало напугала мистера Гаскойна. Он желал племяннице парков, экипажей, титула – всего, что способно сделать этот мир приятной обителью, – однако хотел видеть ее не циничной, а, напротив, исполненной сознания религиозного долга и семейных ценностей.

– Моя дорогая, – начал он с благосклонной важностью, – я верю, что в браке ты найдешь новый источник веры и привязанности. Семья – единственная сфера, дарующая женщине истинное, глубокое удовлетворение. Если твой брак с мистером Грандкортом будет счастливым образом заключен, ты получишь власть и богатство, которые сможешь использовать на благо других людей. Подобные рассуждения выше романтических побуждений! Сама природа

наделила тебя способностями, достойными блестящего будущего, которое в силу рождения и обстоятельств вряд ли можно было считать достижимым. Я верю, что ты сможешь украсить свое новое положение не только личными достоинствами, но и добродетельной жизнью.

– Надеюсь, мама будет счастлива, – заключила Гвендолин и, махнув рукой – хотелось как можно скорее отбросить все возвышенные мотивы, – направилась к двери.

Мистер Гаскойн, в свою очередь, полагал что достиг взаимопонимания с племянницей и в меру сил помог ее благополучному устройству в жизни, приблизив помолвку с Грандкортом.

Тем временем о грядущей помолвке размышлял еще один человек, но в совершенно ином направлении, противоположном пониманию добропорядочного священника.

Отсутствие мистера Лаша в Диплоу во время визита Гвендолин объяснялось вовсе не страхом перед этой высокомерной молодой леди, а встречей, обещающей далеко идущие последствия. Случилось так, что именно в этот день он отправился в Вончестер, на железнодорожную станцию, чтобы встретить даму с двумя детьми в сопровождении горничной. Мистер Лаш посадил их в кеб и отвез в отель «Золотые ключи». Дама выглядела настолько впечатляюще, что заставляла оборачиваться прохожих: стройная фигура, достаточно высокий рост, худое красивое лицо, абсолютно черные выющиеся волосы и большие беспокойные глаза, какие мы называем горячими. Одета в прилично-сдержанное платье, возможно, она выглядела старше своих лет, но в любом случае ей вряд ли было меньше тридцати семи. В целом дама производила впечатление смущенной и скованной: тревожный взгляд как будто предполагал, что и люди, и обстоятельства против нее, а она готова решительно противостоять невзгодам. Дети выглядели прелестно: черноволосая девочка лет шести-семи и светленький мальчик лет пяти. Увидев их, Лаш удивился, на что получил резкий ответ:

– Полагаете, я должна была приехать одна? Если бы захотела, привезла бы всех четверых.

– О, разумеется, – с обычной легкостью согласился Лаш.

Проговорив с приезжей дамой около часа, он отправился обратно в Диплоу исполненным надежд, что его план сработает. По мнению мистера Лаша, женитьба Грандкорта на Гвендолин Харлет не принесла бы добра ни одному из них, а главное, наверняка доставила бы массу неприятностей самому Лашу. Однако теперь он испытывал достаточную уверенность, чтобы мысленно повторять: «Готов держать пари, что этот брак никогда не состоится».

Глава IV

Следующим утром Гвендолин предстала прелестной, свежей и полной сил, как высокая, только что распутившаяся лилия. Вчерашние сомнения казались лишь кратковременной рябью на зеркально-гладкой поверхности реки. Пикник в Карделл-Чейсе обещал великолепные возможности: она заранее представляла, как будет бродить под буками, подобно лесной нимфе, в восхищенной компании. Воображаемая сцена представала прекрасным фоном для новых ухаживаний Грандкорта – впрочем, совсем не похожего на охваченного страстью к лесной нимфе Дафниса, но тем лучше. Гвендолин ожидала, что сегодня он наконец сделает ей предложение, а она благосклонно его встретит в полном соответствии с решением, принятым после дядюшкиных увещаний.

Спустившись к завтраку (после того как все, за исключением миссис Дэвилоу, уже вышли из-за стола), она обнаружила на своей тарелке письмо и, прочитав его с вдохновенной улыбкой, сразу передала матери. Та тоже заулыбалась, обрадовавшись тем, что дочь в добром расположении духа.

– Надеюсь, ты не испытываешь склонности отправиться за тысячу миль? – спросила миссис Дэвилоу.

– Это слишком далеко.

– Печальное упущение, что ты не ответила Лангенам раньше. Не могла бы ты написать сейчас – прежде чем мы отправимся на пикник?

– Срочности нет. Сегодня они выезжают из Лондона и пробудут в Дувре до понедельника. Так что я напишу завтра.

– Может быть, я отвечу, если тебе неудобно?

Гвендолин не спешила с ответом. Пригубила кофе и только после этого небрежно бросила:

– Нет-нет, не надо; завтра напишу сама. – Но тут же ощутила укол совести, заглянула матери в глаза и с игривой нежностью добавила: – Милая, прекрасная, старенькая мама!

– И в самом деле старенькая, дитя мое.

– О, пожалуйста, не обижайся! Под «старенькой» я имела в виду «любимая». Ты старше меня всего на каких-то двадцать пять лет.

– Двадцать пять лет, дорогая, могут принести очень много счастья.

– Значит, нельзя терять время, – весело ответила Гвендолин. – Чем скорее я получу свои дворцы и кареты, тем лучше.

– А еще хорошего мужа, который будет тебя обожать, – ободряюще добавила миссис Дэвилоу.

Гвендолин кокетливо надула губки и ничего не сказала.

Удовольствие от прекрасного начала дня было слегка омрачено известием, что в этот день пастор должен исполнять обязанности мирового судьи, а потому, возможно, не сможет приехать в Карделл-Чейс. То обстоятельство, что миссис Гаскойн и Анна решили остаться дома, Гвендолин не разочаровало, однако присутствие дяди придало бы ей решимости. И хотя она не считала брак с Грандкортом счастьем, мысль, что он откроет ей путь к желанной свободе, успокаивала и дарила надежду.

Сбор был назначен в местечке под названием Грин-Арбор, где деревья поднимались вверх по холму, образуя тенистый амфитеатр. Прибывшие на повозках слуги должны были накрыть столы. Управляющему Карделл-Чейса предстояло взять на себя руководство лучниками, чтобы удерживать их на должном расстоянии от центра, но в то же время не позволять выходить за установленную границу. Граница эта представляла собой извилистую линию, которую можно было мысленно провести через несколько известных точек – таких как двойной дуб,

Шепчущие камни и высокий крест. Перед ленчем предполагалось ограничиться прогулкой, а основное мероприятие провести после полудня, при более ярком свете. Собравшиеся небольшими группами рассыпались по склону, и заинтересованному взгляду открылась картина, достойная кисти художника. Стрельба из лука в лесу доставляла больше радости, чем состязание на специально обустроенном поле, однако и достичь успеха в поражении движущихся целей было сложнее, поэтому, в отличие от соревнований с фиксированными мишенями, выстрелы заранее распределялись между желающими принять участие в стрельбе. Отчасти по этой причине, отчасти от смущения и желания не выдать себя поначалу Гвендолин успеха не добилась, однако приняла относительный провал с очаровательной легкостью. Сегодня она надела то же самое – белое с зеленой отделкой – платье, в котором предстала в день первого состязания, отмеченного знаменательным знакомством с Грандкортом. Сегодня он ни на шаг не отходил от нее, однако по взглядам и манере общения обоих трудно было заключить, что с момента первой встречи их отношения хоть немного изменились. И все же существовали другие основания, позволявшие большинству наблюдателей предположить, что если помолвка еще не состоялась, то вот-вот состоится. Гвендолин тоже в это верила. Когда вся компания, весело болтая, возвращалась в Грин-Арбор, Грандкорт внезапно спросил:

– Знаете, сколько времени прошло с тех пор, как я впервые увидел вас в этом платье?

Эти слова показались ей началом желанного конца, то есть залогом ее согласия выйти за него замуж.

– Соревнования лучников состоялись двадцать пятого числа прошлого месяца, а сегодня тринадцатое, – со смехом ответила Гвендолин. – Я не слишком сильна в подсчетах, но осмелюсь предположить, что это около трех недель.

После небольшой паузы джентльмен заключил:

– Огромная потеря времени.

– Знакомство со мной кажется вам пустой тратой времени? Пожалуйста, не говорите таких неприятных слов. Они мне не нравятся.

Снова возникла пауза.

– Я ощущаю потерю времени потому, что ценю знакомство с вами.

Теперь уже с ответом не спешила Гвендолин. «Он и вправду невероятно находчив. Никогда не говорит глупостей», – подумала она. Ее молчание оказалось столь необычным, что Грандкорт принял его за самый благоприятный из возможных ответов, и продолжил:

– Знакомство с вами заставляет острее чувствовать время, проведенное в неопределенности. Вас неопределенность устраивает?

– Думаю, что в некотором отношении устраивает, – ответила Гвендолин, внезапно одарив спутника игривой улыбкой. – В ней многое таится.

Грандкорт пристально посмотрел на Гвендолин, словно стремясь постичь непостижимое, и тихо спросил:

– Готовите мне новые страдания?

Гвендолин почувствовала, что находится в странном для себя положении, обычное самообладание внезапно ее покинуло. Покраснев и потупив взгляд, она пробормотала:

– Нет, это заставило бы меня сожалеть.

Грандкорт, несомненно, ухватился бы за этот ответ: изменившаяся манера не оставила сомнений в расположении мисс Харлет, – но заметил, что в эту минуту они спускаются по самому крутому склону холма. Пришлось предложить спутнице руку в прямом смысле, Гвендолин ее приняла, и они спустились в молчании, под пристальными взглядами собравшихся внизу – в том числе и миссис Эрроупойнт, стоявшей рядом с миссис Дэвилу. Эта леди уже решила, что достоинства Грандкорта не столь бесспорны, чтобы заслуживать внимания Кэтрин, ибо запросы дочери весьма высоки: достаточно сказать, что она отказала самому лорду Слогану, – поэтому бесстрастно взидала на обитателя Диплоу.

– По характеру мистер Грандкорт слабее дяди, сэра Хьюго Мэллинджера, – слишком вял. Конечно, мистер Грандкорт значительно моложе, но не удивлюсь, если, несмотря на разницу в возрасте, сэр Хьюго его переживет. Так что рассчитывать на преемственность опасно, – чересчур громко заявила она.

– Так и есть, – проговорила миссис Дэвилу, найдя в себе силы спокойно согласиться. В эту минуту положение дел настолько ее радовало, что привычная меланхолия по поводу общего неудовлетворительного состояния семьи отступила на задний план.

Мне неинтересно рассказывать о поданном на пикнике угощении и даже описывать красоты раскинувшегося за пределами долины леса. Понятно, что и еда, и шампанское отличались самым высоким качеством, беседа и смех тоже – в том смысле, что принадлежали высшему обществу, где никто не дает ни малейшего повода для зависти, а дарованные судьбой преимущества принимаются с благородной небрежностью. Некоторые из джентльменов, прогуливаясь неподалеку, закурили сигары, а дамы позволили себе отдых: повторный выход лучников был назначен на четыре часа. Довольно странно, но среди любителей прогулок оказался и мистер Грандкорт. Но только не мистер Лаш. Сегодня он щедро и с удовольствием дарил себя окружающим, стараясь всем услужить, исполнить все желания, отчего в глазах Гвендолин выглядел особенно жирным чернильным пятном на чистом листе бумаги, хотя и старался держаться от нее в отдалении и даже не смотрел в ее сторону. Когда началась подготовка к соревнованиям, выяснилось, что оружие хранится под присмотром слуги лорда Брэкеншо. Мистер Лаш поспешил избавить дам от ненужных хлопот и принести луки из экипажа, куда их сложили для сохранности. Он не собирался приносить лук мисс Харлет, однако, испугавшись, что это произойдет, она торопливо направилась за луком сама. Заметив приближение молодой леди, лакей заранее приготовил оружие, а вместе с ним передал адресованное ей письмо. Гвендолин не задала ни одного вопроса, с первого взгляда поняв, что конверт подписан дамским почерком. Увидев, что мистер Лаш приближается, и стараясь избежать встречи, она свернула в сторону – так, чтобы неприятный джентльмен видел лишь ее спину, – и пошла туда, где стояли экипажи, по пути распечатывая письмо. Оно было следующего содержания:

«Если мисс Харлет сомневается, стоит ли принять предложение мистера Грандкорта, то, как только компания минует Шепчущие камни, пусть отстанет и вернется к этому месту. Тогда она услышит нечто такое, что раз и навсегда уничтожит сомнения. Однако, чтобы узнать правду, необходимо сохранить это письмо в строгом секрете ото всех. Если же она не поступит в соответствии с советом, то горько раскается, как раскаивается пишущая эти строки женщина. Мисс Харлет почувствует, что честь обязывает ее сохранить тайну».

Гвендолин вздрогнула словно от удара, однако тут же подумала: «Письмо подоспело вовремя». Будучи юной, она сразу поверила обещанию судьбоносного откровения, ни на миг не заподозрив хитроумного обмана. А ведь подозрение навело бы на мысль показать письмо и попросить совета. Гвендолин сразу приняла решение незаметно вернуться к Шепчущим камням. Спрятав письмо в карман, Гвендолин присоединилась к компании с еще большим оживлением, которое неизменно укрепляло дух и помогало справиться со смятением.

Всех крайне удивило то обстоятельство, что, в отличие от других курильщиков, Грандкорт не вернулся в положенное время.

– Мы непременно встретим его по дороге, – успокоил всех лорд Брэкеншо. – Далеко не уйдет.

В любом случае ждать никого не собирались. Странную забывчивость объяснили рассеянностью влюбленного, глубоко погрузившегося в размышления о предмете своих чувств и в мечтах пропустившего время назначенной встречи. Добродушный граф обратился к Гвендолин с туманным игривым намеком, который она приняла с должной невозмутимостью, однако

в сознании билась тревожная мысль: «Что, если он тоже готов изменить решение?» Предположение радости не доставляло, но почти соответствовало правде. Впрочем, Грандкорт скорее оказался подвержен какому-то приступу болезненного оцепенения, когда цель показалась легкодостижимой. В этот момент, пребывая в состоянии туманного, смутного упрямства, Грандкорт закурил вторую сигару. Если бы Лаш или любой другой оскорбленный грубым поведением смертный приблизился к нему с просьбой вернуться, то джентльмен вынул бы сигару изо рта и тихо, но внятно произнес: «Сделайте одолжение, катитесь к черту», – но никто не приблизился и общество отправилось в путь за исключением оставшихся на поляне нескольких дам, в том числе миссис Дэвилоу, которая предпочла спокойную прогулку, избавляющую от необходимости догонять остальных.

Наслаждение прекрасным днем достигло апогея: стрельба стала более оживленной, а разнообразные лесные пейзажи, открывавшие взору то тенистую рощу, то уютную долину, приобретали особую прелесть в свете удлинившихся теней и мягких, но ощутимых оттенков уходящего дня. Было решено разыграть импровизированный вариант комедии Шекспира «Как вам это понравится?» Поскольку Гвендолин получила лестное предложение предстать в роли Розалинды, то сочла себя тем более обязанной очаровать всех вокруг. Задача оказалась несложной, так как полученное письмо возбудило не столько чувство тревоги, сколько ощущение приключений, тем более ей надо было подготовить свое исчезновение таким образом, чтобы не встретить помех.

Компания бродила по лесу почти час, пока не добралась до Шепчущих камней – двух высоких валунов конической формы, склонившихся друг к другу, словно две гигантские фигуры в серых мантиях. На миг остановившись, чтобы одарить достопримечательность благосклонным вниманием и заметить, что в звездную ночь камни наверняка кажутся привидениями, все отправились в чудесную буковую рощу, где было множество мишеней.

– Далеко ли мы ушли от Грин-Арбора? – спросила Гвендолин у возглавлявшего процессию управляющего.

– О, не больше чем на полмили, если возвращаться по прямой дороге. Но я поведу вас кругом, через высокий крест.

Гвендолин пошла вместе с остальными, но вдруг по призыву мистера Лаша все устремились вперед, так что, немного помедлив, она получила удобную возможность отстать. Вскоре компания исчезла из виду. Гвендолин побежала и спустя несколько мгновений остановилась возле Шепчущих камней. Они стояли к ней пустыми серыми боками. Что же скрывалось с другой стороны? Вдруг ничего? Единственное, чего Гвендолин боялась, – это вернуться, так и не раскрыв тайны. Быстро обойдя правый камень, она оказалась лицом к лицу с незнакомкой, чьи темные глаза в упор смотрели на нее. Несмотря на ожидание встречи, Гвендолин испуганно отступила, так что смогла рассмотреть женщину целиком и понять, что та, несомненно, леди, причем когда-то необыкновенно красивая. Заметила Гвендолин и двух детей, которые сидели на траве в нескольких ярдах от них.

– Мисс Харлет? – уточнила леди.

– Да. – Все сознание Гвендолин сосредоточилось на изумленном любопытстве.

– Вы приняли предложение мистера Грандкорта?

– Нет.

– Я обещала кое-что вам рассказать, но вы должны дать слово сохранить тайну. Готовы ли вы обещать, что ни сам мистер Грандкорт, ни кто-то другой не узнает о нашей встрече?

– Даю слово.

– Меня зовут Лидия Глэшер. Мистер Грандкорт не должен жениться ни на ком, кроме меня. Девять лет назад ради него я бросила мужа и ребенка. Вот это его дети, а кроме них у нас есть еще две девочки постарше. Мой муж умер, и мистер Грандкорт обязан жениться на мне, а сына сделать своим наследником.

Говоря это, леди посмотрела на мальчика, и Гвендолин последовала за ее взглядом. Очаровательный парнишка изо всех сил надувал щеки, пытаясь извлечь звук из крохотной трубы, которая отказывалась играть. Шляпа болталась сзади на тесемке, а спутанные светлые кудри блестели на солнце. Настоящий херувим.

Женщины снова посмотрели друг на друга, и Гвендолин гордо проговорила:

– Я не стану мешать исполнению вашего желания. – Она заметно дрожала, а губы из ярко-розовых превратились в белые.

– Вы очень привлекательны, мисс Харлет. Но когда он встретил меня, я тоже была молодой и красивой. А потом моя жизнь разбилась и наполнилась горечью. Будет несправедливо, если он станет счастливым за счет моего несчастья, а сына отшвырнет прочь ради нового наследника.

Эти слова прозвучали язвительно, но без тени агрессии в голосе или манере. Наблюдая за лицом миссис Глэшер, пока та говорила, Гвендолин ощутила ужас: казалось, перед ней предстало отвратительное видение и призналось: «Я и есть олицетворение судьбы женщины».

– Намерены ли вы сказать мне что-нибудь еще? – спросила она тихо, но по-прежнему гордо и холодно. Душевный надлом не смягчил ее натуры. Все люди вокруг казались отвратительными.

– Больше ничего. Все, что я собиралась сообщить, вы теперь знаете. Если желаете, можете навести обо мне справки. Мой покойный муж – полковник Глэшер.

– Тогда позволю себе удалиться, – заключила Гвендолин с церемонным поклоном.

Через несколько минут она вернулась в буковую рощу, но никого там не застала. Компания скрылась из виду и явно не сочла нужным отправить кого-нибудь на ее поиски, поскольку вокруг не было ни души. Гвендолин вышла на указанную управляющим дорогу до Грин-Арбора. Быстрая ходьба помогла развеять мысли, способные помешать достойному, спокойному поведению. Она уже приняла решение относительно своего следующего шага.

Увидев, что дочь возвращается в одиночестве, миссис Дэвилоу, разумеется, не только чрезвычайно удивилась, но и ощутила беспокойство, которое пришлось скрыть из-за присутствия других леди. В ответ на удивленное восклицание матушки Гвендолин ответила:

– О, я повела себя очень глупо и отстала: засмотрелась на Шепчущие камни, – а все остальные тем временем прибавили шагу и быстро исчезли из виду. Я решила не блуждать, а вернуться на поляну, и, надо признаться, ничуть не жалею: я успела вдоволь нагуляться.

– Полагаю, ваша компания так и не встретила мистера Грандкорта, – невинно заключила миссис Эрроупойнт.

– Вы правы: не встретила, – ответила Гвендолин вызывающим тоном и добавила со смешком: – И зарубок на деревьях мы тоже не нашли. Куда же он мог деться? Наверное, упал в пруд или получил апоплексический удар.

Несмотря на твердое намерение скрыть потрясение, ее голос прозвучал необычайно резко, так что матушка уже не сомневалась, что произошло нечто плохое.

Миссис Эрроупойнт, в свою очередь, сделала вывод, что молодая леди чрезвычайно уязвлена: очевидно, у мистера Грандкорта появилась причина изменить свое решение.

– Если не возражаешь, мама, я попрошу подать экипаж, – проговорила Гвендолин. – Я очень устала. Да и все остальные скоро разъедутся.

Миссис Дэвилоу согласилась, но к тому времени, когда экипаж подали, из леса появились лучники, а вместе с ними вернулся и мистер Грандкорт.

– Ах вот вы где! – воскликнул лорд Брэкеншо, подойдя к мисс Харлет, которая в эту минуту поправляла на миссис Дэвилоу шаль. – Сначала мы решили, что вы встретили Грандкорта и он проводил вас на поляну – так предположил Лаш, – но потом увидели его одного. Впрочем, мы ни на миг не испугались, что могла случиться неприятность: управляющий объяснил, что показал вам короткую дорогу обратно.

– Уезжаете? – спросил Грандкорт, подойдя к экипажу как ни в чем не бывало.

– Да, уезжаем, – ответила Гвендолин, внимательно рассматривая свой шарф.

– Можно мне завтра приехать в Оффендин?

– Да, пожалуйста, если хотите, – мельком взглянула на него Гвендолин, и голос ее прозвучал сухо и резко, как треск первого мороза.

Грандкорт предложил руку миссис Дэвилу и проводил ее к экипажу, а Гвендолин с невероятным проворством скользнула вперед и, прыгнув на сиденье, объяснила:

– Я обогнала тебя, мама, потому что захотела занять эту сторону.

Грандкорт так и не удалось к ней прикоснуться: он лишь приподнял шляпу и удалился, вполне уверенный, что молодая леди обиделась за его продолжительное отсутствие.

Несколько минут мать и дочь ехали в молчании. Гвендолин заговорила первой:

– Я хочу встретиться с Лангенами, мама. Как только вернемся домой, соберу вещи и первым же поездом отправлюсь, чтобы попасть в Дувр одновременно с ними. А сообщить о приезде можно по телеграфу.

– Боже мой, дитя! Что ты говоришь?

– То, что намереваюсь сделать.

– Но почему?

– Потому что я хочу уехать отсюда.

– Из-за обиды на мистера Грандкорта, потому что он повел себя странно?

– Бесполезно задавать такие вопросы. Я ни в коем случае не собираюсь выходить за него замуж. И не пытайся выведать подробности.

– Что же я скажу твоему дяде, Гвендолин? Представь, в какое положение ты меняставишь. Только вчера вечером ты дала ему понять, что склоняешься в пользу предложения мистера Грандкорта.

– Мне очень жаль тебя огорчать, милая мама, но ничего не поделаешь, – твердо ответила Гвендолин. – Что бы вы с дядей ни думали, ни говорили и ни делали, я все равно не изменю решения и не объясню, чем оно вызвано. Неважно, что из этого получится: пусть даже я никогда не выйду замуж, – но все это не стоит переживаний. Мужчины отвратительны, и я их ненавижу.

– Но стоит ли уезжать так поспешно? – беспомощно пробормотала окончательно сломленная миссис Дэвилу.

– Мама, умоляю, не приставай. Если тебе когда-нибудь доводилось переживать серьезные неприятности, вспомни о них и оставь меня в покое. Даже если меня ждут несчастья, пусть это будет мой выбор.

Матушке пришлось довольствоваться унижительным молчанием, но в то же время она начала понимать, что с отъездом Гвендолин положение несколько упростится.

Вечером ее вещи были аккуратно уложены, а на рассвете миссис Дэвилу проводила дочь на железнодорожную станцию. Свежая утренняя роса, бессмысленно смотревшие из-за заборов коровы и лошади, ранние пешеходы с узелками – все вокруг казалось обоим меланхоличным и пустым. Но шум, грязь и суeta на станции подействовали еще более угнетающе. За последние сутки Гвендолин заметно ожесточилась: в нынешнем состоянии духа страдания матери мало ее трогали. Сейчас настроение Гвендолин почти не отличалось от того отчаяния, при котором разочарованный в людях или обстоятельствах человек склонен ко всякому злу. Бесконтрольное чтение так называемых «картин жизни» не подготовило Гвендолин к первому серьезному столкновению с реальностью. Но стоит ли этому удивляться? Человек, посещающий современные комические оперетки и встречающий аплодисментами показанные на сцене нравы, был бы неприятно удивлен, если бы столкнулся с подобными нравами в своей семье. Перспектива, как заметил ее творец, – прекрасная вещь. Разве ужасные сырые хижины, где прозябают несчастные бедняки, не кажутся живописными, открываясь взору издали? Разве мы

не наслаждаемся воспеванием злостных пороков, завуалированных изощренными словечками и цветистыми фразами? Но в то же время питаем отвращение к ревматизму и другим болезням, доставляющим личное неприятное ощущение.

Миссис Дэвилу остро ощутила безразличие дочери. На обратном пути, в одиночестве, радостное летнее утро показалось ей еще печальнее, чем прежде.

Днем мистер Грандкорт приехал в Оффендин, но дома никого не застал.

Глава V

Мы уже видели, что за границей Гвендолин отдалась новой страсти – азартным играм – и вообразила себя императрицей удачи. Недавний опыт внушил ей смутное впечатление, что в запутанном мире не имеет значения, как люди поступают, если при этом приятно проводят время. Узнали мы и то, что некие особы, таинственным образом обозначенные как «Грап-нелл и компания», также намеренные властвовать в мире удачи и приятно проводить время – неважно, каким образом, – внесли тягостные изменения в материальную ситуацию семьи. По этой причине мисс Харлет вернулась домой и привезла с собой заложенное, но кем-то выкупленное и возвращенное ей ожерелье.

В то время как Гвендолин держала путь в Англию, Грандкорт как раз отправлялся ее искать, причем в свойственной ему манере: не поспешно, напрямик из Диплоу в Лебронн, где она предположительно находилась, а неторопливо, задержавшись в Баден-Бадене с давними русскими знакомыми и даже наметив кое-какие совместные планы. Правда, желание попасть в Лебронн все-таки победило и заставило эти планы отменить. Страсти Грандкрорта скорее напоминали мерцающий огонек, а не мощное яркое пламя. Но ведь значительная часть жизни проходит без сильных страстей. Без всякого воодушевления и жара завязываются галстуки, посещаются торжественные обеды, произносятся речи во славу и здоровье августейших персон. Человек может производить прекрасное впечатление в избранном светском кругу – демонстрировать глубокое знание классической литературы, обширное представление о науке, твердое, хотя и сдержанное мнение по вопросам политики и прочие достоинства истинного английского джентльмена – за счет малых затрат жизненной энергии.

Грандкорт не испытывал горькой обиды оттого, что Гвендолин сбежала от великолепного шанса, который он ей уготовил. Ее поступок казался в первую очередь пикантным. Ему нравилось объяснять побег негодованием по поводу небрежного поведения в Карделл-Чейсе: при ближайшем рассмотрении он и сам счел свое отсутствие излишне долгим. Подвести вплотную своевольную девушку к согласию, а затем скрыться, пренебрегая возможностью получить ответ, – такой поступок вполне мог спровоцировать бурную реакцию. А чтобы соответствовать высоким запросам Грандкрорта, как раз и нужно было обладать изрядной долей своеволия. Мисс Харлет, несомненно, ждала, что он отправится следом. Именно так Грандкорт и собирался поступить, однако целую неделю не принимал никаких мер к подготовке путешествия и даже не выяснял, куда исчезла Гвендолин. Мистер Лаш тем временем переживал триумф, правда, приправленный изрядной долей недоверия, ибо Грандкорт не проронил о ней ни слова и выглядел равнодушным, словно аллигатор. Невозможно было представить, какая мука получится в результате ленивого вращения жерновов его разума. И все же Лаш надеялся, что пассивная энергия Грандкрорта мало-помалу улетучится.

Гости Диплоу испытывали больше любопытства, чем хозяин. Как случилось, что о мисс Харлет больше не слышно ни слова? Возможно ли, чтобы она отказала мистеру Грандкрорту? Леди Флора Холлис, полная энергии и любопытства особа средних лет, внезапно испытала острое желание нанести ряд визитов в паре с миссис Торрингтон. Дамы не только дважды побывали в Пенникоте, Оффендине и Кветчем-Холле, но и обсудили с лордом и леди Эрроупой новость об отъезде мисс Харлет в Лебронн в сопровождении давних друзей – барона и баронессы фон Ланген. Миссис Дэвилу и Гаскойны решили не скрывать данный факт, чтобы исчезновение Гвендолин не было истолковано как поступок эксцентричный или требующий сохранения тайны. Тем не менее пастор все-таки не исключал вероятности, что брак лишь ненадолго отложен, ибо миссис Дэвилу не осмелилась поведать ему о той отчаянной решимости, с которой Гвендолин отвергла ее участие. Обратившись в бегство, нимфа по имени Амариллис желала, чтобы ее тайный приют стал явным. Любовь найдет свой путь, преодолев горы

и волны, как говорили в годы его молодости. Мистер Гаскойн видел в Гвендолин новую нимфу Амариллис, наделенную не только великолепным разумом, но и дерзким кокетством. Вопрос заключался лишь в том, не зашла ли она слишком далеко.

Вернувшись домой во всеоружии, леди Флора не нашла уважительной причины не упомянуть об отъезде Гвендолины за столом. Больше того, она не преминула намекнуть мистеру Грандкорт, что о нем поговаривают как о разочарованном обожателе. Грандкорт выслушал спокойно, но внимательно; а на следующий день велел Лашу придумать приличный повод и к концу следующей недели освободить Диплоу от гостей, так как сам он собирается в путешествие на яхте по Балтийскому морю – или еще куда-нибудь. Сидеть в Диплоу, словно пленник под домашним арестом, да еще в компании неприятных людей, он больше не желает. Лашу не потребовалось дополнительных объяснений, чтобы понять, что Грандкорт собрался в Лебронн. Однако это намерение могло быть исполнено в духе медленно катящегося бильярдного шара, ожидающего помощи умелого кия. Мистер Лаш твердо вознамерился доказать собственную незаменимость, чтобы принять участие в путешествии, и преуспел. Нескрываемое отвращение к нему Гвендолин лишь забавляло патрона, но ни в малейшей степени не влияло на его желание постоянно иметь Лаша под рукой.

Вот так и случилось, что Грандкорт явился в отель «Царина» на пятый день после отъезда Гвендолин из Лебронна и обнаружил там своего дядю, сэра Хьюго Мэллинджера, в сопровождении всей семьи, включая Даниэля Деронду. Обладатель высокого титула и его предполагаемый наследник не всегда испытывают искреннюю радость, когда личные дела – в частности, приступ подагры в первом случае и приступ своеволия во втором – приводят обоих в одно и то же место.

Сэр Хьюго обладал легким нравом и без труда мирился как с чужими взглядами, так и с чужими недостатками, но Грандкорт и сам по себе не вызывал в душе баронета теплых чувств, а в качестве предполагаемого наследника всего состояния воплощал главное несчастье жизни Мэллинджера – отсутствие сына, которому можно было бы передать фамильное богатство, ибо сам он обладал лишь пожизненным правом на земельные угодья. Дело в том, что по неразумному и несправедливому решению, закрепленному в завещании его отцом, сэром Френсисом, даже окруженное скромным наделом поместье Диплоу должно было разделить участь семейного наследия в виде двух главных имений. Утрата Диплоу, где в молодые годы сэр Хьюго подолгу жил и охотился, где после его смерти должны были найти приют жена и дочери, рождала особенно горькое сожаление.

По мере того как шли годы, печаль становилась все глубже. Леди Мэллинджер подарила супругу одну за другой трех дочерей, и последние восемь лет не рожала (сейчас ей было уже за сорок). Сэр Хьюго был старше жены на двадцать лет и переживал то время, когда мужчины перестают питать надежды на появление потомства.

Можно утверждать, что отсутствие наследника повергло сэра Хьюго в отчаяние, поэтому Грандкорт был ему неприятен, тем более когда проявил интерес к поместьям. В то же время неблагоприятные обстоятельства вынудили сэра Хьюго позаботиться о сохранении дружеских отношений с наследником – насколько это допускала человеческая природа. Больше того, в голове его даже родился план: постараться сохранить Диплоу в качестве будущего дома для леди Мэллинджер и дочерей и передать эту ценную часть семейного наследия кому-нибудь из собственных детей. Сведения о материальном положении племянника позволяли надеяться, что Грандкорт согласится на сделку, в результате которой получит крупную сумму за отказ от Диплоу. Если же желанный, но уже почти не ожидаемый сын все-таки родится, деньги окажутся выброшенными на ветер, а Грандкорт получит плату за отказ от пустых надежд. Однако подобный риск баронет считал равным нулю, а в последние годы он настолько успешно увеличил богатство за счет эксплуатации угольных шахт, что вполне мог понести значительные расходы.

По этой причине сэр Хьюго Мэллинджер старался избегать ссоры с Грандкортом. Несколько лет назад, затеяв ремонтные работы в Аббатстве, он был вынужден просить у Грандкорта разрешение на вырубку леса в качестве строительного материала и с радостью обнаружил, что племянник не питает к нему ненависти. С тех пор не произошло ничего такого, что заставило бы обоих ненавидеть друга, и они поддерживали приличные отношения.

Грандкорт, в свою очередь, считал дядю занудой и досадным излишеством, полагая, что с его исчезновением с поверхности земли состояние дел в мире станет заметно лучше. Однако от Лаша – неизменного полезного посредника – он узнал о намерении баронета в отношении Диплоу и с удовлетворением воспринял легкий способ получить немалые деньги: даже не думая о том, чтобы их принять, он ощущал, как тешит самолюбие сознанием собственной власти, ведь ему ничего не стоило отказать сэру Хьюго в его желании. Намек на сделку стал одним из мотивов, побудивших племянника попросить разрешения провести в Диплоу год. Сэр Хьюго согласился крайне неохотно, опасаясь, что прекрасная охота в окрестностях склонит Грандкорта к мысли обладать поместьем и, соответственно, отказаться от сделки. Кроме того, Лаш как-то мимоходом сболтнул сэру Хьюго, что Грандкорт может завоевать благосклонность мисс Эрроупойнт: в этом случае деньги сразу утратят для него неотразимую привлекательность. Таким образом, во время неожиданной встречи в Лебронне баронет испытывал острое любопытство относительно состояния дел в Диплоу, старался держаться с племянником как можно любезнее и мечтал побеседовать с Лашем наедине.

Деронду и Грандкорта связывали особые отношения, основанные на обстоятельствах, суть которых нам еще предстоит объяснить, но и спустя час за общим столом, ни один из них не проявил даже тени досады.

После обеда, когда джентльмены вышли в большой зал, сэр Хьюго осведомился:

– Вы много играли в Бадене, Грандкорт?

– Нет. Только смотрел и изредка заключал пари со знакомыми русскими.

– Удача вам сопутствовала?

– Сколько я выиграл, Лаш?

– Около двух сотен, – с готовностью ответил тот.

– Значит, вы приехали сюда не для того, чтобы играть? – продолжил расспросы сэр Хьюго.

– Нет. Сейчас игра меня не интересует: адское напряжение, – ответил Грандкорт, поглаживая бакенбарды.

– Мой дорогой, следовало бы изобрести фабрику, способную производить для вас развлечения, – заметил сэр Хьюго. – Но я согласен с вами: сам никогда не любил играть, от монотонности мозги высыхают, – а сейчас даже смотреть не могу, сразу устаю. Никогда не задерживаюсь в зале дольше десяти минут. Но где же ваша азартная красавица, Деронда? Что-то ее не видно.

– Уехала, – лаконично сообщил Деронда.

– Невероятно привлекательная молодая леди. Истинная Диана, – продолжил сэр Хьюго, снова обращаясь к Грандкорту. – Стоит помучиться ради того, чтобы на нее посмотреть. Я видел, как она выиграла, но сохранила абсолютную невозмутимость, как будто все знала заранее. В тот же день Деронда стал свидетелем ее унижительного проигрыша, но и его она приняла с редким мужеством. Полагаю, у нее за душой ничего не осталось; или же хватило ума вовремя остановиться? Откуда тебе известно, что она уехала?

– О, всего-навсего из списка гостей, – ответил Деронда, едва заметно пожав плечами. – Вандернодт сказал мне, что ее фамилия – Харлет, а приехала она с бароном и баронессой фон Ланген. В списке я увидел, что имя мисс Харлет вычеркнуто.

Известие о том, что Гвендолин проводила время в азартных играх, не стало для Лаша новостью. Он уже успел заглянуть в список и убедиться, что она уехала, однако не счел нужным сказать об этом патрону до тех пор, пока тот не спросит.

Грандкорт, услышав имя мисс Харлет, не пропустил ни единого слова из разговора, а после короткой паузы спросил Деронду:

– Вы знаете этих Лангенов?

– Разговаривал с ними после отъезда мисс Харлет: правда, совсем немного, – а прежде ничего о них не слышал.

– А куда она уехала, вам известно?

– Домой, – ответил Деронда холодно, как будто желая прекратить разговор. Но тут же, подчинившись внезапному импульсу, пристально посмотрел на Грандкрорта и добавил: – Не исключено, что вы с ней знакомы. Ее дом расположен недалеко от Диплоу: в Оффендине, в окрестностях Вончестера.

Во взгляде Деронды было столько жизненной силы и разных оттенков, что, когда он неожиданно на вас смотрел, мог испугать. Порою окружающим казалось, что они пропустили его слова. Так официанты или служащие часто машинально переспрашивали: «Что вы сказали, сэр?» – несмотря на то что он молчал. Когда Деронда посмотрел на Грандкрорта, тот ощутил раздражение, которое, впрочем, выразил лишь легким движением век.

– Да, я с ней знаком, – проговорил он, как всегда растягивая слова, и отвернулся, чтобы посмотреть на игру.

– Ну и какова же мисс Харлет? – спросил сэр Хьюго Лаш, отходя от игорных столов. – В Оффендине она, должно быть, недавно. После смерти вдовы там жил старый Бленни.

– Слишком ее много, – тихо, многозначительно ответил Лаш, без сожаления посвящая сэра Хьюго в истинное состояние дел.

– Почему? Как? – удивился баронет.

– Еще недавно Грандкорт собирался на ней жениться, – пояснил Лаш. – Надеюсь, что теперь это намерение в прошлом. Она племянница священника Гаскойна из Пенникота. Матушка – вдова с целым выводком дочерей. За душой у девушки ничего нет, к тому же сама она опасна как порох и жениться на ней глупо. Однако мисс Харлет внезапно обиделась и, ни слова не сказав, сбежала. Так что Грандкорт явился сюда из-за этой своенравной особы, хотя и не слишком торопился, а учитывая капризы обоих, они вряд ли снова поладят. Но шанс жениться на богатой наследнице, он, конечно, упустил навсегда.

В эту минуту подошел Грандкорт и воскликнул:

– Что за мерзкая дыра! Хуже, чем в Бадене. Я возвращаюсь в отель.

Как только сэр Хьюго и Деронда остались вдвоем, баронет сделал вывод:

– Какая милая история. В этой девушке определенно что-то есть. За ней стоит побегать: она полна неожиданностей. Полагаю, ее появление на сцене повышает мои шансы получить Диплоу – независимо от того, чем закончится история с женитьбой.

– Хочется верить, что подобный брак не состоится, – с отвращением возразил Деронда.

– Что? Неужели она и тебя пленила?! – воскликнул сэр Хьюго, надевая очки, дабы рассмотреть выражение его лица. – Ты тоже склонен отправиться в погоню?

– Напротив, – ответил Деронда. – Скорее склонен бежать от нее.

– Что ж, ты с легкостью обойдешь Грандкрорта в этом поединке. Девушка с таким характером сочтет тебя более подходящим женихом, – авторитетно заявил сэр Хьюго.

– Полагаю, подходящий жених должен обладать родословной и землями, – холодно заметил Деронда.

– Лучшая лошадь победит, невзирая на родословную, мой мальчик. Вспомни слова Наполеона: «Я – предок», – назидательно напомнил сэр Хьюго, по обычаю недооценивая аристо-

кратическое происхождение. Точно так же после сытной трапезы собеседники часто сходятся во мнении, что жизненные блага распределены с восхитительным равенством.

– Не уверен, что хочу быть знаменитым предком, – ответил Деронда. – Подобное происхождение не кажется мне самым ценным.

– Значит, вы не собираетесь бежать вслед за прекрасной дочерью азарта? – осведомился сэр Хьюго, снимая очки.

– Решительно нет.

Ответ вполне соответствовал правде. И все-таки в сознании Деронды мелькнула мысль, что в иных условиях он бы мог заинтересоваться этой девушкой и попытался познакомиться с ней поближе. Однако в эту минуту он ни в коей мере не чувствовал себя свободным.

Глава VI

Обстоятельства Деронды и в самом деле следовало считать исключительными. Один день запечатлелся в его памяти как главный момент в жизни: день, наполненный ярким светом июльского солнца и сладким ароматом роз, роняющих лепестки на зеленую лужайку, с трех сторон окруженную стенами готического монастыря. Представьте такую картину: тринадцатилетний мальчик лежит на траве в тени, склонившись над книгой и подперев руками кудрявую голову, в то время как его учитель сидит рядом на складном стуле, также погруженный в чтение. Деронда постигает «Историю итальянских республик» Сисмонди. Мальчик питает страсть к истории и стремится узнать, какие события заполняли наступившие после потопа времена и как обстояли дела в периоды смут. Внезапно он поднимает голову, смотрит на учителя и чистым детским голосом произносит:

– Мистер Фрейзер, почему у пап и кардиналов всегда было так много племянников?

Наставник, одаренный молодой шотландец, в свободное от общения с учеником время исполнявший обязанности секретаря сэра Хьюго Мэллинджера, неохотно оторвался от книги по политэкономии и произнес твердым тоном, благодаря которому правда звучит вдвойне убедительнее:

– Племянниками называли их собственных детей.

– Но зачем? – удивился Деронда.

– Чтобы соблюсти приличия. Как тебе хорошо известно, католические священники не женятся, так что все дети пап и кардиналов были незаконными.

Выпятив нижнюю губу, последнее слово мистер Фрейзер произнес особенно жестко – исключительно из-за нетерпеливого желания вернуться к чтению – и снова сосредоточил внимание на книге. А Даниэль внезапно сел, словно кто-то его ужалил, и повернулся к учителю спиной.

Он всегда называл сэра Хьюго Мэллинджера дядей, а когда однажды спросил о родителях, баронет ответил:

– Отца и мать ты потерял, когда был совсем маленьким, поэтому я и забочусь о тебе.

Пытаясь что-нибудь различить в тумане младенчества, Даниэль смутно вспомнил многочисленные поцелуи и тонкую, воздушную, благоухающую ткань, но потом пальцы наткнулись на что-то твердое, стало больно, и он заплакал. Все другие воспоминания были сосредоточены на замкнутом мирке, в котором он обитал и по сей день. В то время Даниэль не стремился узнать больше: он слишком любил сэра Хьюго Мэллинджера, чтобы сожалеть об утрате неведомых родителей. Жизнь улыбалась мальчику лицом доброго, снисходительного и жизнерадостного дяди – красивого, полного сил мужчины в расцвете лет, которого Даниэль считал образцом совершенства, обитавшем в одном из лучших поместий Англии: старинном, романтическом и уютном. Особняк в Аббатстве-Топинг представлял собой живописно перестроенный монастырь, сохранивший остатки старинных стен. Второе поместье, Диплоу, располагалось в другом графстве на сравнительно небольшом земельном участке.

Оно пришло в семью по женской линии: от богатого юриста, носившего парик эпохи Реставрации, в то время как права на Аббатство-Топинг Мэллинджерам даровал Генрих VIII. Соседним поместьем, Кинг-Топинг, они владели с незапамятных времен.

История рода Мэллинджеров началась с некоего Хью де Маллингра – француза, прибывшего в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем и обладавшего слабой конституцией, счастливым образом укрепившейся в продолжателях рода. Два ряда предков – как прямых, так и косвенных, женщин по мужской линии и мужчин по женской – смотрели на Даниэля со стен крытой галереи. Мужчины в доспехах, с остроконечными бородами и тонкими выгнутыми бровями; стянутые корсетами женщины в кринолинах, с огромными воротниками-жабо; мрач-

ного вида мужчины в черном бархате, с искусственно увеличенными бедрами, и прекрасные испуганные женщины с маленькими мальчиками на руках; улыбающиеся политики в величественных париках и напоминающие породистых кобыл леди с похожими на бутоны губами и тяжелыми веками. И так до сэра Хьюго и его младшего брата Хенли. Последний женился на мисс Грандкорт, вместе с поместьями приняв ее имя, и таким образом объединил два древних рода. Все преимущества многих поколений предков сошлись в личности того самого Хенли Мэллинджера Грандкорта, с которым мы пока знакомы лучше, чем с сэром Хьюго Мэллинджером или его племянником Даниэлем Дерондой.

Сэр Томас Лоуренс¹⁸ изобразил молодого сэра Хьюго в сюртуке с загнутыми уголками высокого воротника и с широким белоснежным шейным платком. Художник достоверно передал приятно оживленное выражение лица и сангвинический темперамент, по-прежнему свойственные джентльмену, однако несколько польстил оригиналу, слегка удлинив нос, который на самом деле выглядел немного короче, чем можно было ожидать от носа истинного Мэллинджера. К счастью, правильный семейный нос сохранился в младшем брате и во всей аристократической утонченности переданся племяннику Хенли Мэллинджеру Грандкорт. Однако во внешности племянника Даниэля Деронды не нашло отражения ни одно из представленных в фамильной галерее многочисленных лиц. И все же он оказался красивее всех предков, а в возрасте тринадцати лет вполне мог бы служить моделью для любого живописца, желавшего запечатлеть на холсте самый чистый и запоминающийся образ мальчика. Встретив этого ребенка и внимательно посмотрев ему в лицо, вы не могли не подумать, что его предки отличались благородством, но потомки вполне могут оказаться еще более благородными. Подобная возвышенная сила свойственна самым красивым детским лицам, и, созерцая безмятежные черты, мы испытываем опасения, как бы их не осквернили грязные, низменные начала и тягостные печали, неизбежные на жизненном пути.

В эту минуту, на зеленой траве среди лепестков роз, Даниэль Деронда впервые познакомился с подобной печалью. Новая мысль проникла в чуткое сознание и начала влиять на строй привычных мыслей точно так же, как внезапно появившаяся на небе опасная туча мгновенно влияет на счастливую беззаботность путешественников. Мальчик сидел абсолютно неподвижно, повернувшись спиной к наставнику, но лицо его отражало стремительную внутреннюю борьбу. Густой румянец, окрасивший щеки поначалу, постепенно сходил, однако черты сохраняли то не поддающееся описанию выражение, которое возникает, когда происходит новое осмысление знакомых фактов. Он рос вдаль от других мальчиков, а потому ум его являл собой то причудливое сочетание детского невежества и удивительного знания, которое чаще присуще живым, сообразительным девочкам. Увлекаясь пьесами Шекспира и книгами по истории, Даниэль обладал способностью с мудростью начитанного подростка рассуждать о людях, родившихся вне брака и оттого обреченных на лишения. Чтобы занять положение, изначально дарованное законнорожденным братьям, им приходилось постоянно доказывать собственное равенство, проявляя героизм. Однако мальчик никогда не применял добытые из книг знания к собственной судьбе, казавшейся такой простой и понятной – до того момента, пока внезапное озарение не побудило сравнить обстоятельства собственного рождения с обстоятельствами рождения многочисленных племянников пап. Что, если человек, которого он всегда называл дядей, на самом деле не кто иной, как отец? Некоторые дети, даже моложе Даниэля, познают первые переживания, ворвавшиеся в жизнь подобно зловещему незваному гостю, когда обнаруживают, что родители, которые прежде покупали все, что хотелось, испытывают жесткие денежные затруднения. Даниэль тоже ощутил присутствие незваного гостя, явившегося с маской на лице и подтолкнувшего к туманным догадкам и ужасным откровениям. Интерес, прежде направленный на воображаемый книжный мир, теперь неожиданно сосредоточился на исто-

¹⁸ Лоуренс Томас (1769–1830) – английский живописец-портретист.

рии собственной жизни; он пытался объяснить уже известные факты и задавал себе новые, болезненно острые вопросы. Дядя, которого мальчик любил всей душой, предстал в образе отца, хранившего главную жизненную тайну и поступившего с ним дурно – да, дурно: ибо что стало с мамой, у которой его забрали? Спрашивать взрослых Даниэль не мог: любые разговоры на эту тему распаляли воображение подобно огненному столбу. Стремительный поток новых образов впервые в жизни захлестнул сознание и не оставил места для спасительной мысли о том, что душевный трепет вполне может оказаться порождением собственной буйной фантазии. Жестокое противоречие между непреодолимым потоком чувств и страхом разоблачения нашло выход в крупных слезах, медленно катившихся по щекам до тех пор, пока не раздался голос мистера Фрейзера:

– Даниэль, разве ты не видишь, что сидишь на книге?

Не оборачиваясь, мальчик тут же поднял книгу с травы, взглянул на смятые страницы и ушел в парк, чтобы незаметно вытереть слезы. Первое потрясение от догадки миновало, уступив место сознанию, что он не знает наверняка, как развивались события, и сочиняет собственную историю точно так же, как часто сочинял истории о Перикле или Колумбе – просто для того, чтобы заполнить пробелы биографии до того, как герои прославились. Однако было несколько обстоятельств, действительность которых не вызывала сомнений: так остатки моста безошибочно указывают расположение арок, – а еще через минуту страшная догадка показалась кощунственной, подобно религиозному сомнению, и оскорбительной, подобно клевете или низменной попытке узнать то, чего знать не полагалось. Вряд ли существовало чувство столь тонкое и деликатное, чтобы душа мальчика не смогла его принять. В результате мучительных переживаний мальчик взглянул на все события своей жизни в новом свете. Подозрение, что окружающие могут знать что-то, о чем не хотят упоминать, послужило основанием скрытности, несвойственной его возрасту. Отныне Даниэль прислушивался к словам, которые до этого июльского дня пролетели бы мимо ушей, а каждое незначительное событие, мгновенно связанное воображением с затаенными подозрениями, порождало новый фонтан чувств.

Одно из таких событий произошло спустя месяц и оставило глубокий след в сознании. Даниэль не только обладал волнующим детским голосом, способным распахнуть небеса и погрузить землю в райскую идиллию, но и отличался великолепным слухом, а потому очень рано начал петь, аккомпанируя себе на фортепиано. Вскоре его начали учить музыке, и обожавший мальчика сэр Хьюго неизменно просил его выступить перед гостями. Однажды утром, после того как Даниэль спел перед небольшой компанией джентльменов, которых дождь не выпускал из дома, баронет что-то с улыбкой заметил одному из слушателей, а потом позвал:

– Иди сюда, Дэн!

Мальчик неохотно встал из-за инструмента. Украшенная вышивкой полотняная рубашка подчеркивала румянец, а серьезное выражение лица в ответ на аплодисменты придавало ему необыкновенную прелесть. Все смотрели на юного исполнителя с нескрываемым восхищением.

– Что скажешь о будущем великого певца? Не желаешь завоевать поклонение всего мира и покорить публику, как Марио и Тамберлик¹⁹?

Даниэль мгновенно залился краской и после едва заметной паузы с гневной решимостью произнес:

– Нет, ни за что на свете!

– Ну-ну, довольно! – желая успокоить его, с добродушным удивлением проговорил сэр Хьюго.

---

¹⁹ Марио Джованни (наст. имя Джованни Маттео де Кандиа, 1810–1883) и Тамберлик Энрико (1820–1889) – известные итальянские певцы XIX в.

Однако Даниэль стремительно отвернулся, убежал в свою комнату и уселся на широкий подоконник, служивший любимым убежищем в свободную минуту. Отсюда он часто смотрел, как заканчивается дождь, а сквозь просветы в облаках пробиваются лучи солнца и освещают огромный парк, где дубы стоят на почтенном расстоянии друг от друга, а лес в отдалении плавно переходит в голубое небо. Этот пейзаж всегда был неотъемлемой частью его дома – частью того благородного комфорта, который казался естественным и неизменным. Пылкая отзывчивая душа впитала его с нежностью и сделала своим. Мальчик отлично представлял, что значит быть джентльменом по рождению. Мало задумываясь о себе – поскольку обладал живым воображением и с увлечением погружался в приключения какого-нибудь литературного героя, – он никогда прежде не предполагал, что может лишиться привычного образа жизни или занять в обществе не то положение, которое занимал любящий и любимый дядя. Говорят (хотя сейчас мало кто в это верит), что можно любить бедность и с благодарностью ее принимать: радоваться дощатому полу, черепичной крыше и беленым стенам, не знать иной роскоши, кроме той, которая предназначена для избранных, и гордиться отсутствием привилегий, не назначенных самой природой. Известны аристократы, добровольно отказавшиеся от изысканного комфорта и просвещенной праздности ради тяжелого физического труда за небольшую плату. Однако вкусы Даниэля полностью соответствовали воспитанию: сцены повседневной жизни не вызывали в его душе ни скуки, ни досады, ни протеста – только восторг, любовь, нежную привязанность. И вдруг мальчика пронзило неожиданное открытие: оказывается, дядя – а возможно, отец – готовит для него карьеру, совершенно непохожую на собственную и, больше того – Даниэль отлично это знал, – недостойную для сыновей английских джентльменов. Он подолгу жил в Лондоне вместе с сэром Хьюго. Чтобы усладить детский слух, тот часто брал племянника в оперу на выступления прославленных теноров, так что образ заслужившего бурные аплодисменты певца ярко запечатлелся в сознании. Однако, вопреки несомненной музыкальной одаренности, сейчас Даниэль с горьким ожесточением восстал против предложения нарядиться в яркий костюм и выйти на сцену, чтобы петь перед благородной публикой, не способной увидеть в артисте ничего, кроме забавной игрушки. Тот факт, что сэр Хьюго хотя бы на минуту представил Даниэля в унижительном положении, неопровержимо доказывал, что было в его рождении нечто раз и навсегда исключавшее его из класса джентльменов, к которому безраздельно принадлежал сам баронет. Услышит ли он об этом? Придет ли время, когда дядя откроет правду? Даниэль со страхом представлял минуту признания; в воображении он предпочитал неведение. Если отец предавался греху – мысленно Даниэль выбирал самые сильные выражения, ибо ощущал душевную рану с той же остротой, с какой мальчик ощущает боль в изувеченной ноге, тогда как посторонние видят лишь результат обычного несчастного случая, – если отец поступал дурно, то пусть лучше для него тайна останется тайной. Известно ли что-нибудь мистеру Фрейзеру? Скорее всего нет. Иначе он не стал бы так прямо и резко отвечать на вопрос о племянниках пап и кардиналов. Подобно взрослым людям Даниэль воображал, что жизненно важный для него вопрос занимает в сознании окружающих столь же значительное место, как и в его собственных мыслях. Знает ли лакей Турвей? И старая экономка миссис Френч? Знает ли помощник шерифа Бэнкс, вместе с которым Даниэль часто объезжает фермы на своем пони? Внезапно вспомнился давний случай: несколько лет назад миссис Бэнкс угощала мальчика сывороткой, а помощник шерифа подмигнул жене, хитро засмеялся и спросил:

– Похож на мать, правда?

Тогда Даниэль подумал, что Бэнкс ведет себя глупо, как это часто бывает с крестьянами, смеющимися над тем, что не смешно. Его обидел и сам смех, и то, что о нем говорят так, как будто он ничего не слышит и не понимает. Но сейчас то мелкое происшествие наполнилось иным смыслом: замечание следовало обдумать. Как он мог походить на мать, а не на отца? Мать должна носить фамилию Мэллинджер, раз сэр Хьюго доводится дядей. Но нет! Возможно, его

отец – брат сэра Хьюго, а фамилию сменил точно так же, как это сделал мистер Хенли Мэллинджер, женившись на мисс Грандкорт. Но в таком случае почему дядя никогда не говорит о брате Деронда, как говорит о брате Грандкорте? Прежде Даниэль никогда не интересовался генеалогическим древом: знал только о том предке, который в одном бою убил сразу трех сарацин, – но сейчас мысли устремились в библиотеку, к старинному шкафу, где хранились карты поместий. Там Даниэль однажды заметил украшенный вензелями пергамент, и сэр Хьюго объяснил, что это генеалогическое древо. Выражение показалось странным и непонятным – ведь тогда он был маленьким, почти вдвое моложе, чем сейчас, – и пергамент не вызвал интереса. Теперь Даниэль знал намного больше и мечтал изучить его. Он помнил, что шкаф всегда заперт на ключ, и жаждал проверить. Однако порыв пришлось сдержать – кто-нибудь мог его увидеть, а он ни за что не согласился бы признаться в мучивших его сомнениях.

Именно в таких переживаниях детства и закладываются основные черты характера, в то время как взрослые обсуждают, что ценнее в воспитании – естественные науки или классическая литература. Если бы Даниэль обладал менее пылкой и преданной натурой, скрытые переживания и предположение, что окружающие таят от него нечто неприглядное, могли бы возбудить в нем жестокость и презрение к людям. Однако врожденная способность любить не позволила негодованию и чувству обиды одержать верх. В мире не существовало ни одного человека, к которому мальчик не относился бы с нежностью, хотя порою безобидно поддразнивал – всех за исключением дяди. Даниэль любил его так преданно, как способны любить только дети: возможность находиться в одной комнате с отцом или матерью приносит им счастье, даже если те занимаются собственными делами. Цепочка от дядиных часов, его печати, почерк, манера курить, разговаривать с собаками и лошадьми – все мелкие особенности поведения в глазах мальчика обладали очарованием, равным счастливому утру и совместному завтраку. То обстоятельство, что сэр Хьюго всегда причислял себя к партии вигов, делало как тори, так и радикалов в глазах Даниэля одинаковыми противниками истины и добра. А написанные баронетом книги – будь то рассказы о путешествиях или политические памфлеты – обрели статус Священного писания.

Становится понятно, какую горечь испытал Даниэль, когда заподозрил, что объект его искренней, беззаветной любви не так совершенен, как казалось прежде. Дети требуют, чтобы герои в любых ситуациях оставались безупречными, и с легкостью наделяют их желанными качествами. Первое открытие несостоятельности героя способно поразить сознание глубоко чувствующего ребенка не менее жестко, чем поражает взрослого человека угроза крушения привычной веры.

Однако спустя некоторое время после болезненно пережитого потрясения выяснилось, что, задав вопрос о карьере певца, сэр Хьюго всего лишь провел шутливый эксперимент. Он призвал Даниэля в библиотеку, а когда тот пришел, отвлекся от письма и откинулся на спинку кресла.

– А, Дэн! – добродушно приветствовал он, придвигая одну из старинных, обитых потертым бархатом табуреток. – Подойди и сядь здесь.

Даниэль послушался. Баронет положил руку ему на плечо и взглянул с нежностью.

– Что случилось, мой мальчик? Ты услышал нечто такое, что глубоко тебя расстроило?

Даниэль твердо решил не плакать, но не смог произнести ни слова.

– Видишь ли, когда ты счастлив, все изменения кажутся страшными, – продолжил сэр Хьюго, ласково взъерошив черные кудри мальчика. – Ты не сможешь получить то образование, которое я считаю необходимым, без нашего с тобой расставания. К тому же не сомневаюсь, что многое в школе тебе понравится.

Даниэль ожидал совсем других слов, поэтому новость доставила ему огромное облегчение и придала сил.

– Мне предстоит отправиться в школу? – спросил он.

– Да. Я намерен послать тебя в Итон. Хочу, чтобы ты получил образование истинного английского джентльмена, а для этого необходимо окончить хорошую школу и подготовиться к поступлению в университет: конечно, в Кембридж, ведь там учился я.

Даниэль сначала покраснел, а потом побледнел.

– Что ты на это скажешь? – с улыбкой поинтересовался сэр Хьюго.

– Я хотел бы стать истинным джентльменом, – с подчеркнутой решимостью ответил Даниэль. – И даже поехать в школу, если так должен поступить сын джентльмена.

Несколько мгновений сэр Хьюго молча смотрел на мальчика, понимая теперь, почему тот так рассердился, услышав предложение стать певцом, наконец добродушно спросил:

– Значит, ты готов бросить своего старого дядю?

– Нет, не готов, – пробормотал Даниэль, обеими руками сжимая ласковую ладонь. – Но разве во время каникул я не буду возвращаться домой?

– Непременно будешь, – успокоил его сэр Хьюго. – Но сейчас я собираюсь передать тебя новому наставнику, чтобы перед отъездом в Итон подготовить к школьной жизни.

После этого разговора настроение Даниэля заметно поднялось. Значит, дядя видел его джентльменом, и каким-то непостижимым образом может случиться так, что все подозрения окажутся беспочвенны. Острый ум подсказал искать успокоение в неведении, поэтому казалось надежнее отвлечься от пустых размышлений, а взамен предаться затаившемуся в дальнем уголке души юношескому задору и веселью. Время до отъезда в Итон пролетело в песнях, в танцах со старыми слугами, в прощальных подарках и настойчивых напоминаниях конюху о том, как следует ухаживать за черным пони.

– Мистер Фрейзер, как вы думаете, я буду знать намного меньше других мальчиков? – спросил Даниэль. Почему-то ему казалось, что все вокруг удивятся его невежеству.

– Болваны встречаются везде, – ответил рассудительный мистер Фрейзер. – Хуже других ты точно не будешь, но в то же время задатков Порсона²⁰ или Лейбница²¹ у тебя не наблюдается.

– Я не собираюсь становиться ни Порсоном, ни Лейбницем, – возразил Даниэль. – Другое дело – великий герой, как Перикл или Вашингтон.

– Да-да, конечно. Считаешь, что они обходились без грамматического разбора и арифметики? – ехидно заметил мистер Фрейзер, в действительности считая ученика выдающимся парнем, которому все дается исключительно легко – стоит только захотеть.

В новом мире жизнь Даниэля складывалась замечательно за исключением того обстоятельства, что мальчик, с которым ему сразу захотелось крепко подружиться, много рассказывал о доме и родителях, явно ожидая ответной откровенности. Даниэль мгновенно замкнулся, а неожиданный опыт помешал тесной дружбе, к которой он искренне стремился. Все, включая наставника, считали Деронду замкнутым, но в то же время настолько добродушным, скромным, способным к ярким достижениям как в учебе, так и в спорте, что скрытность вовсе не портила его характер. Несомненно, огромную роль в столь благоприятном отношении сыграло лицо Даниэля, но в данном случае его обаятельная красота не таила фальши.

Однако перед первыми каникулами он получил неожиданную весть из дома, усилившую молчаливое переживание затаенного горя. Сэр Хьюго сообщил в письме, что женился на мисс Рэймонд – очаровательной леди, которую Даниэль, должно быть, помнит. Событие не повлияет на его приезд в Аббатство на каникулы. Больше того, в леди Мэллинджер Даниэль обретет добрую подругу, которую, несомненно, полюбит. Сэр Хьюго не сомневался в будущей душевной привязанности и вел себя как человек, который сделал нечто полезное и приятное для себя и просит всех остальных разделить с ним радость.

---

²⁰ Порсон Ричард (1759–1808) – английский философ-классик.

²¹ Лейбниц Готфрид (1646–1716) – немецкий математик и философ.

Не будем строго судить сэра Хьюго до тех пор, пока не выяснятся причины его поступка. Ошибки в его поведении относительно Деронды были вызваны тем вопиющим непониманием чужого сознания, особенно сознания детей, которое часто встречается даже у таких хороших людей, как баронет. Сэр Хьюго лучше всех понимал, что знакомые и незнакомые видят в Даниэле вовсе не племянника, а сына, и подозрение тешило его самолюбие. Воображение баронета ни разу не потревожил вопрос, каким образом загадочные обстоятельства рождения подействуют на самого мальчика – будь то сейчас или в будущем. Он просто любил Даниэля так, как умел любить, и желал ему всевозможного добра. Учитывая ту легкость, с которой относятся к воспитанию респектабельные джентльмены, сэр Хьюго Мэллинджер вряд ли заслуживает особенно строгого упрека. До сорока пяти лет он прожил холостяком и при этом всегда считался обворожительным мужчиной с элегантным вкусом. Что же может быть естественнее, чем отеческая забота о таком прекрасном мальчике, как маленький Деронда? Мать, возможно, принадлежала к светскому обществу и встретилась с сэром Хьюго во время его заграничных путешествий. Возражений не возникало ни у кого, кроме самого мальчика, которого ни о чем не спросили, да и не могли спросить в силу его возраста. Однако и впоследствии никто никогда не задумывался о его чувствах.

К тому времени, когда Деронда собрался поступать в Кембридж, у леди Мэллинджер уже родились три очаровательные малышки, все три – дочери к величайшему разочарованию сэра Хьюго. Желанным ребенком всегда считался сын. В отсутствие наследника титул и все состояние переходили к племяннику сэра Хьюго – Мэллинджеру Грандкорту. Относительно собственного рождения Даниэль уже не сомневался: постепенно стало совершенно ясно, что сэр Хьюго доводится ему отцом. А упорное молчание на эту тему самого баронета подсказывало, что он желает, чтобы сын так же молчаливо осознал этот факт и без лишних слов принял отношение, в котором любой посторонний наблюдатель увидел бы нечто большее, чем должная любовь и забота. Женитьба сэра Хьюго, несомненно, могла бы рассматриваться некоторыми юношами в положении Деронды как новый повод для недовольства. В то же время застенчивая леди Мэллинджер и не заставившие себя ждать девочки рисковали стать объектами презрения, поскольку привлекли к себе значительную часть обожания и средств баронета, забрав их у того, кто считал себя главным обладателем его благосклонности и внимания. Однако ненависть к вставшим на пути невинным существам – глупость, вовсе не свойственная Даниэлю. Даже негодование, в течение долгого времени жившее в душе рядом с преданностью сэру Хьюго, постепенно утратило остроту и переродилось в тупую боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.